

Муниципальное казённое учреждение культуры
«Тосненская межпоселенческая централизованная библиотечная система»

Тосненская центральная районная библиотека

Из истории Тосненского района

Вспоминая прошлое...

Тосненцы о себе и своём времени

Тосно
2012

Предисловие

Более тридцати раз Муниципальное казённое учреждение культуры «Тосненская межпоселенческая централизованная библиотечная система» была победителем в конкурсах районного, областного и Всероссийского уровней.

В апреле 2011 года благотворительный фонд «Ладога», объявил открытый конкурс проектов в рамках Программы «Следующий шаг», направленной на развитие активности людей пожилого возраста. В конкурсе приняла участие Тосненская центральная районная библиотека и выиграла.

Благодаря поддержке библиотека осуществила работу по обучению пенсионеров компьютерной грамотности, сбору воспоминаний, созданию краеведческой книги.

Фондом были выделены средства для обучения 20 пенсионеров в Тосненском центре информационных технологий, на издание краеведческой книги, проведение экскурсии в Гатчинский дворец и парк. Приобретено необходимое оборудование – 2 компьютера и три закрытые витрины.

Цель проекта – предоставить пожилым людям возможность поделиться воспоминаниями, собрать и обобщить воспоминания жителей Тосненского района и на основе полученного материала издать книгу. Тосненская центральная районная библиотека имеет большой опыт по выпуску краеведческих изданий, ею выпущено уже более тридцати краеведческих книг. Автором и составителем подавляющего большинства из них является главный библиотекарь сектора краеведения, Почётный гражданин Тосненского района Р.В. Тихомирова, которая стала редактором книги. Организатор массовой работы и координатор программы – методист Н.Н. Спроге. Она вместе с главным библиотекарем Н.Н. Игнатъевой обучалась в «Ресурсном учебном центре высоких технологий ОРТ-СПб» специаль-

но для того, чтобы помочь участникам проекта закреплять полученные навыки в работе на компьютере.

Теперь пожилые люди могут пользоваться Интернетом, вводить в компьютер тексты и оформлять свои материалы.

В библиотеке прошло множество интересных мероприятий в рамках краеведческого марафона: литературно-музыкальные вечера, встречи с интересными людьми, собрания десятки воспоминаний, часть из которых вошли в книгу.

Работники библиотеки благодарны всем участникам проекта за предоставленные ими воспоминания и другие документы, которые пополнили краеведческий фонд, за активность в массовых мероприятиях и участие в наборе краеведческой книги.

Цель проекта достигнута – совместными усилиями читателей и библиотекарей выпущено очередное издание в библиотечной серии «Из истории Тосненского района». Мы надеемся, что работа над проектом послужила стимулом для дальнейшего творчества наших читателей и они напишут ещё много интересных воспоминаний, которые лягут в основу новых краеведческих книг.

В библиотеке продолжится цикл выставок по материалам из семейных архивов и другие краеведческие мероприятия, в которых примут участие пожилые люди. Они всегда найдут поддержку у библиотекарей в работе на компьютерах, в пользовании Интернетом.

Работа над проектом была полезна как читателям, так и библиотекарям, и они выражают глубокую благодарность фонду «Ладога» за оказанную поддержку по созданию комфортных условий для общения пожилых людей и развитию их активности.

*Зиновьева Г.И., директор МКУК «Тосненская МЦБС»,
Заслуженный работник культуры РФ,
руководитель проекта.*

«Учиться никогда не поздно»

Так называется проект Госненской центральной районной библиотеки, благодаря которому вышла эта книга.

Когда в апреле 2011 года благотворительный фонд «Ладоба» объявил открытый конкурс проектов «Развитие активности людей пожилого возраста», мы сразу решили, что будем в нём участвовать. Нас не смутила довольно обширная география конкурса: Санкт-Петербург, Ленинградская, Архангельская области, республика Карелия. И действительно, на конкурс было представлено 60 проектов из некоммерческих организаций, поддержано 17 проектов, среди которых была и Госненская центральная районная библиотека.

Что вселяло в нас уверенность в успехе? Прежде всего то, что в библиотеке работе с пожилыми людьми и инвалидами всегда уделялось большое внимание. Наиболее активных из них более 13 лет объединяет клуб «Откровение», заседания которого проходили сначала в библиотеке семейного чтения, а после её закрытия – в Госненской центральной районной библиотеке. Число членов клуба за эти годы возросло с 10 до 80 человек. Они собираются в библиотеке 2-3 раза в месяц на литературно-музыкальных вечерах, занятиях лектория «Зов к культуре» им. Н.К. Рериха, на вечерах музыкальной студии «Классика». Много лет члены клуба посещают Госненские краеведческие чтения.

Это вообще очень жизнелюбивые, энергичные люди. Без них никогда не обходятся общегородские праздники, причём они не пассивные зрители, а активные участники, многие поют в хоре, пишут и читают стихи, большинство посещает группу «Здоровье», которую ведёт энтузиастка Л.Ф. Ермоленко. Мы решили, что новый проект внесёт в

жизнь наших пенсионеров новые впечатления и краски, поднимет их жизненный тонус.

Ещё один существенный фактор определил участие в этом конкурсе – в районной библиотеке сложились многолетние краеведческие традиции, сформирован богатый краеведческий фонд практически по всем направлениям истории района. С 1997 года проходят тосненские краеведческие чтения, выпускаются календари и хроники знаменательных и памятных дат Тосненского района, а также библиографические указатели и тематические издания. Автор и составитель большинства из книг – главный библиотекарь сектора краеведения Р.В. Тихомирова обеспечила их достоверность и наполненность за счёт многолетних разысканий в архивах и крупнейших библиотеках Санкт-Петербурга. За создание летописи района она удостоена звания Почётного гражданина Тосненского района.

Наши читатели – активные участники мероприятий, они дарят библиотеке книги, фотографии, семейные реликвии, пишут воспоминания, вносят интересные предложения по организации массовой работы.

Мы подумали – а почему бы не попробовать создать краеведческую книгу, только на этот раз вместе с нашими читателями? Для этого надо – творчество наших читателей, их умение работать на компьютере и, конечно, любовь к истории той земли, на которой они живут. Вот мы и объединили в нашей программе сбор воспоминаний, учёбу участников проекта и проведение краеведческих мероприятий.

О проекте было подробно рассказано пожилым людям на празднике «Читающий Тосно» и на заседаниях клуба «Откровение». На тосненском телевидении прошла передача о том, как будет выполняться программа, какие материалы войдут в будущую книгу, кем она будет создаваться.

ся, какие мероприятия ожидают читателей в рамках краеведческого марафона. Проводилась индивидуальная работа с пожилыми людьми на абонементе и в читальном зале.

Читатели с большим интересом и удовольствием восприняли известие о новом, увлекательном проекте библиотеки. На предложение включиться в него охотно откликнулись многие пожилые люди.

Старожилы принесли в библиотеку десятки воспоминаний, фотографий, имеющих отношение к истории Тосненского района. С авторами воспоминаний редактор Р.В. Тихомирова и методист Н.Н. Спроге проводили консультации.

В каждое заседание клуба «Откровение» было внесено обсуждение материалов, принесённых для книги.

Для того, чтобы повысить интерес читателей к истории района, им было предложено участие в краеведческом марафоне, в рамках которого прошли встречи с интересными людьми, презентации выставок.

Вот некоторые из них: литературно-музыкальные вечера, посвящённые руководителю хора, Почётному гражданину города Тосно Н.А. Синашкиной, 45-летию литературного объединения «Тосненская сторонка», встречи с поэтами И.Т. Ильиной и Г.А. Чистяковым, которые входят в число авторов книги, презентация виртуальной выставки краеведа из города Ломоносова К.Б. Ульяночкина «Ингерманландии чистый звук», выставки к 100-летию журналиста и краеведа З.С. Соколинского, 80-летию газеты «Тосненский вестник», к 150-летию со дня рождения художника А.П. Рябушкина, пятнадцатые тосненские краеведческие чтения «Из истории дачной жизни в Тосненском районе».

Участники проекта заполнили вопросник о том, что им нравится и что можно изменить в современном Тосно.

Порадовало пожилых людей предложение обучиться на компьютере для дальнейшего участия в создании электронной версии книги. Кроме того на курсах научили пользоваться Интернетом, что значительно расширило их коммуникативные способности.

Пенсионеры после учёбы на курсах теперь общаются со своими родственниками и сверстниками в социальных сетях, планируют дружеские встречи.

Двадцать человек в возрасте от 55 лет и старше в течение 80 часов осваивали компьютеры в Тосненском центре информационных технологий, а два библиотекаря Н.Н. Спроге и Н.Н. Игнатьева помогали участникам проекта закреплять полученные навыки в работе на компьютере.

Сюжет об обучении пенсионеров был показан по тосненскому телевидению.

На средства, полученные из фонда «Ладога» для реализации программы, приобретены два компьютера, на которых работают пожилые люди, три современные, закрытые выставочные витрины для представления краеведческих изданий и материалов из семейных архивов в цикле выставок «Моя судьба в истории страны».

Читатели сразу обратили внимание на то, что с установкой закрытых витрин выставки библиотеки стали содержательнее и эффектнее. В них можно представить как семейные реликвии, так и ценные библиотечные издания.

В результате проведённой работы были собраны 20 воспоминаний, 9 были отобраны для книги. Не вошедшие в книгу воспоминания также были распечатаны на компьютере, они дополнили семейные архивы и фонд сектора краеведения. Среди них воспоминания А.А. Агафоновой, М.Ф. Иванова, Л.Ф. Клементьевой, А.В. Колесникова, В.И. Переборовой, В.М. Петрушовой, В.Н. Плешковой,

О.Д. Поповой, М.И. Поречного, Л.К. Поречной, З.П. Смолиной, М.Ф. Соловьёвой, А.Ф. Сивовой и др.

Общий объём собранных материалов составил: более 200 страниц текста, 150 фотографий, в том числе конца 19 – начала 20 века, а также десятки семейных реликвий. Надо отметить, что в книгу вошли фотографии не только из семейных архивов наших читателей, но и из фондов районной библиотеки.

На выставках из цикла «Моя судьба в истории страны» были представлены материалы из семейных архивов жителей Тосно В.И. Переборовой, Г.П. Красильниковой, З.А. Смолиной, И.Т. Ильиной. В числе экспонатов – книги, фотографии, почётные грамоты, письма-треугольники периода Великой Отечественной войны, удостоверения личности, аттестаты зрелости, продуктовые карточки, почтовые открытки 50-60-х годов.

После обучения на курсах началась совместная работа по созданию книги. Для организации работы был составлен график для тех, кто будет вводить тексты в компьютер. Начиная с 15 октября, ежедневно пожилые люди работали на компьютерах. Среди них: супруги Поречные, супруги Гончаренко, В.В. Малаев, В.Н. Плешкова, К.Н. Титова, А.В. Колесников, В.Б. Грачева, Р.Н. Косарева, Г.П. Красильникова, З.А. Смолина.

Кроме деловой части в проект для пожилых людей вошла увлекательная автобусная экскурсия в Гатчину, которая вызвала у них самые тёплые отклики.

В завершение проекта, благодаря совместным усилиям читателей и библиотекарей, появилась ещё одна книга по истории района. В ней затрагиваются события от начала 20 века и до наших дней, а происходят они в Тосно, Любани, Шапках, Ушаках, Лисино. Темы – история предприятий, школ, учреждений культуры, творческих объединений, ис-

тория семей. Многие авторы затрагивают трагические события Великой Отечественной войны.

Предоставленные материалы разнятся и по тематике и по объёму. Инна Тимофеевна Ильина, написав о своей первой работе, так увлеклась, что описала большую часть своей жизни. Инна Тимофеевна – член клуба «Откровение», много лет посещает заседания литературного объединения «Госненская сторонка». В библиотеке есть сборник её стихов «Я люблю», а теперь у нас есть возможность познакомиться и с её первым опытом в прозе.

Работа над проектом сблизила наших читателей, подарила им радость от совместной работы, разбудила новые творческие возможности, вернула во времена детства и молодости, чтобы извлечь оттуда интересные эпизоды семейной жизни, отметить характерные для того времени приметы, забытые имена.

Надеемся, что наша книга найдёт своего читателя, а для всех участников проекта работа над ней была интересной и полезной.

*Ковалевская Н.П., заведующая методико-библиографическим отделом,
разработчик проекта.*

Тосненцы об участии в проекте

Сотрудники Тосненской центральной районной библиотеки предоставили мне и другим уже немолодым людям возможность стать участниками проекта, благодаря которому мы смогли посещать занятия на компьютерных курсах. Ведь время так стремительно меняется, что всем рано или поздно потребуется знание компьютера. Конечно, честно сказать, эта наука нам нелегко даётся, но наша пре-

подаватель Ольга Викторовна Алимова проявляет огромное терпение, у неё всё чётко спланировано, она всегда внимательна, хотя ей приходится иногда по нескольку раз повторять очевидные вещи.

А 22 сентября библиотекарями и активистами клуба «Откровение» для нас была организована экскурсия в г. Гатчину, где мы посетили замок Павла I, прогулялись по прекрасному парку. Нам был предоставлен комфортабельный автобус. Осенний день выдался солнечным и радостным, во всём было ощущение праздника. Мы прошли по залам великолепного Гатчинского дворца с экскурсией, потом был вкусный обед, от которого никто не смог отказаться. Особенно большое впечатление произвела экскурсия по парку. Серебряный луг, пруды, каналы, речки, острова, вековые деревья в осеннем ярком уборе, мосты – всё завораживало, восхищало. Павильон Венеры, с трёх сторон окружённый водой, казался сказочным кораблём, плывущим навстречу волнам. Берёзовый домик-сюрприз удивил своим зеркально-весенним убранством.

Хочется ещё раз поблагодарить сотрудников библиотеки и благотворительного фонда «Ладога». Они не увидели в нас «неперспективных» стариков и старушек, на которых жалко тратить средства и время, а отнеслись к нам с уважением, пониманием и подарили праздник для души, ума и сердца.

*Алексеева К.В., учитель русского языка
Андреановской средней школы.*

К удивлению нам, «молодым» и жизнерадостным, предложили пройти курс обучения на компьютере. С 14 сентября по 7 октября в 2011 году занятия проводились в здании тосненской школы № 4.

Мы, со страхом и без всякой надежды, явились на занятия, где нас доброжелательно встретила Ольга Викторовна Алимова. Оказалось, что всё не так и страшно. Основные азы работы с компьютером, мы освоили, муж, с которым живём 58 лет, подарил ноутбук.

Благодаря этим курсам освоили выход в Интернет, научились печатать, играем в игры, ведём переписку с моими бывшими подопечными, которые живут во многих странах мира, ведь мой тренерский педагогический стаж составляет 54 года.

Спасибо организаторам этих курсов, а ещё библиотекарям, которые провели для нас много интересных мероприятий по истории района.

Ермоленко Л.Ф., тренер группы «Здоровье».

Что я могла рассказать о прошлом рабочего посёлка Тосно? Жила среди простых людей, которые пережили революцию, войны. Они просто жили: трудились, любили, умели веселиться, растили и берегли детей. Уже нет сейчас рядом родных, близких и уважаемых людей. Листая семейный альбом с фотографиями, жалею о том, что из-за жизненной суеты мало расспрашивала об их жизни, о нашей малой Родине.

Вот почему, когда предложили мне рассказать, каким помню посёлок Тосно, я попыталась восстановить в памяти рассказы о прошлом старшего поколения и свои наиболее запомнившиеся впечатления.

Красильникова Г.П.

Когда прожито энное количество лет, после чего никто не скажет, что я покинула этот бренный мир преждевременно, стали приходить в голову мысли о том, что неуже-

ли уйдёт наше двойное поколение и унесёт с собой память о том, как жили, о чём думали, чем занимались, как отдыхали. Эти мысли переплетались с вялым желанием как-то всё это отразить на бумаге, но лень, которая, видимо, родилась раньше меня, не давала мне это сделать.

Но вот однажды Раиса Васильевна Тихомирова сказала мне, что можно принять участие в проекте для пожилых людей «Учиться никогда не поздно» и что в библиотеке организованы курсы по обучению работы на компьютере. Я ухватилась за эту идею, но, проводя часы за компьютером, скоро поняла, что моё здоровье не позволяет мне этим заниматься. С глубоким сожалением мне пришлось отказаться от этой затеи, зато тут же последовало другое предложение от Натальи Петровны Ковалевской, которая предложила мне поучаствовать в творческом вечере местных поэтов объединения «Тосненская страничка», тем более, что я там состою. Зал библиотеки был полон. Встречу открыл секретарь Союза писателей России, лауреат многих литературных премий Николай Рачков. Потом выступали его подопечные и я тоже.

Я участвовала практически во всех мероприятиях, организованных библиотекой в этом году, но особенно хочется отметить вечер, посвящённый замечательному музыканту, композитору, хормейстеру, Почётному гражданину города Тосно Нелли Альфредовне Синашкиной. Были интересны выступления людей, знавших её. Всё прошло торжественно-печально и светло.

На каждом таком мероприятии Р.В. Тихомирова и Н.П. Ковалевская постоянно побуждали меня к написанию воспоминаний.

Наконец я, что называется, «созрела». Набрала план, как для школьного сочинения, и начала писать. Оказалось, что память много хранит, только её надо вытряхнуть, как

мёд из сотов. Слово за слово, одно воспоминание тянет другое и так сложилось повествование.

Я благодарю всех участников этого проекта, сотрудников фонда «Ладога» и Тосненской центральной районной библиотеки за то, что нас сдвинули с мёртвой точки, заставили поработать головой, дали возможность оживить воспоминания, вернуться на много лет назад и ощутить свою полезность.

*Ильина И.Т., член литературного объединения
«Тосненская страничка».*

Работа над воспоминаниями обострила чувство благодарности к тем, кто меня вырастил и воспитал. Их честность, порядочность и трудолюбие стали моим компасом на всю жизнь.

Работа вызвала чувство удовлетворения от значимости сделанного мною в жизни как педагога: помощь несчастным детям, участие в важной, серьёзной работе по созданию новой российской программы обучения детей и, возможно, гордости за то, что одной из первых я успешно шла по непроторённому пути обучения шестилетних детей.

Обрадована, что все труды не «канули в лету», а останутся в памяти людей. С удовольствием участвовала в праздновании юбилея «Тосненской странички» и в других заседаниях клуба «Откровение», который собирает нас в библиотеке уже много лет.

*Петрова Г.А., член литературного объединения
«Тосненская страничка».*

Я очень благодарна организаторам курсов по обучению работы с компьютером. Внуки неоднократно пытались научить меня, но я упорно отказывалась даже мышки касаться рукой. А вот библиотекарь Нелли Николаевна Спроге сумела вызвать у меня чувство уверенности в себе. Огромное ей за это спасибо! С 14 декабря по 07 октября 2011 года я – «студентка!» Отдельное спасибо Ольге Викторовне Алимовой за её терпение к нам, к нашим нелепым вопросам. Лично я с компьютером никогда не имела дел и была, как слепой котёнок. Теперь это всё позади. И я горжусь собой. За время учёбы, библиотека нам, «студентам», организовала прекрасную поездку в Гатчинский дворец и парк, да ещё и с шикарным обедом в кафе!

После окончания курсов, библиотека предоставила возможность нам продолжить занятия на компьютере в библиотеке по графику. Я занималась по пятницам с 15 до 16 часов, да и в другие дни заглядывала, чтобы набирать воспоминания для книги. Нелли Николаевна, как палочка выручалочка, всегда была рядом в нужную минуту.

Наша библиотека города Тосно живёт интересной жизнью. Здесь постоянно проводятся литературные вечера, встречи с творческими людьми, краеведческие чтения, да всего не перечислить. Мне нравится посещать эти мероприятия – очень познавательно.

Благодаря курсам у меня расширился круг друзей, я умею печатать, входить в Интернет, даже играю в игры и веду переписку с дальними друзьями, ищу всевозможную информацию, пока ещё с помощью внуков и библиотекарей.

Внук мне подарил ноутбук.

Я теперь счастлива беспредельно!

Косарева Р.Н.

Мы, супруги Поречные, были приглашены на курсы по овладению компьютерной грамотой в сентябре 2011 года. Прошли полный курс обучения и практики.

Компьютером мы не думали заниматься и вообще считали, что это детская игра для наших внуков, которые в совершенстве уже владеют ею. Однако, когда стали познавать компьютер, поняли, что это замечательная штука.

На курсах очень хорошо, доходчиво объясняли и добивались, чтобы мы, пожилые люди, поняли, как много нового можно узнать, работая на компьютере. Ольга Викторовна Алимова, преподаватель курсов, терпеливо учила нас азам работы. В библиотеке мы прошли хорошую практику под руководством Нелли Николаевны Спроге и сейчас можем самостоятельно работать на компьютере. Наши наставники так заинтересовали нас, что пришлось разориться и купить домой компьютер. Сейчас мы и не представляем, как жили без него. У нас наладились постоянные контакты с родственниками и знакомыми из Молдавии, Норильска, часто общаемся с детьми, которые живут в Санкт-Петербурге. Стали меньше смотреть телевизор. Всё, что нужно узнать, мы можем спокойно найти в компьютере. Телефоном стали меньше пользоваться. В общем большое, большое спасибо всем, кто научил нас пользоваться компьютером.

Поречный М.И. и Поречная Л.К.

Тосненцы о себе и своём времени

В неопубликованных материалах районной библиотеки имеются воспоминания Ивана Степановича Волкова, биография которого связана с двумя известными в культурном и историческом плане населёнными пунктами района – деревней Рублёво и посёлком Лисино-Корпус.

Эти воспоминания передала в библиотеку его внучка Ирина Владимировна Спиридонова, жительница города Тосно.

Ирина Владимировна работала в Тосненской центральной районной библиотеке художником, затем участвовала в оформлении Музея истории русского лесоводства в Лисино-Корпусе.

Оформление, созданное художницей, отмечено высоким профессионализмом и утончённым вкусом.

В одной из экспозиций музея представлены материалы об Иване Степановиче Волкове, прожившем нелёгкую и интересную жизнь.

Волков Иван Степанович, родился в 1902 году в деревне Рублёво Тосненского района, окончил в 1919 году Лисинское лесное училище, а в 1932 году, после службы в армии – Лесотехническую академию. С 1931 года был на педагогической работе в учебных заведениях Ленинграда, автор учебных пособий по пожарному делу, по теории механизмов и машин. Во время

блокады Ленинграда защитил кандидатскую диссертацию

при ЛИСИ, после войны – докторскую диссертацию. Инженер-полковник. Писал рассказы.

Экзамен

Нас у родителей было пятеро – три сына и две дочери, а земли было один душевой надел, то есть пять десятин, в том числе одна десятина под мелким лесом и кустарником и около десятины заболоченной земли. Отец с малых лет внушил мне мысль о том, что я в семье лишний, так как земли недостаточно, а поэтому должен, как говорится, идти в люди.

В 1915 году я отлично окончил двухклассную шестилетнюю земскую школу и сразу же вступил в самостоятельную жизнь. Работал переписчиком в волостном правлении, сначала в селе Подберезье, что в 25 километрах от Новгорода, а затем – в посёлке, ныне городе Любань.

Ещё с детства я мечтал учиться. Где бы я ни был, что бы ни делал, я всё время мечтал об этом. Страстное желание меня не покидало ни на минуту. Я даже во сне или держал куда-то экзамен, или учился. Я дал себе слово пытаться учиться и получить, в конечном счёте, высшее образование, если для этого мне даже надо будет потратить ещё пятнадцать лет жизни.

Я как деревенский парень по окончании двухклассной школы мог пытаться поступить в учительскую семинарию или в лесную школу. Мой друг и учитель Михаил Филиппович Хомутов настаивал на том, чтобы я поступал в учительскую семинарию, мне же хотелось поступить в лесную школу, которую к тому времени заканчивал мой двоюродный брат.

Лесная школа была низшим техническим учебным заведением, вроде ремесленного училища наших дней. Она давала квалификацию лесного кондуктора и зауряд-

чиновника 14 класса. Окончившие лесную школу обычно занимали должность помощника лесничего 3 разряда.

Лесная школа была для меня не конечной целью, а лишь этапом на пути к получению высшего образования. Окончившему лесную школу, прежде чем попасть в Лесной институт, надо было подготовиться и сдать экзамен на аттестат зрелости, а этого в те времена было очень трудно достичь. Всё это я отчётливо себе представлял, но не буду забегать вперёд. Институт – это моя отдалённая мечта, а вот попасть в число воспитанников лесной школы – это задача ближайшего будущего.

Ещё задолго до экзаменов я с воодушевлением начал к ним готовиться, используя для этого и время после работы, и все воскресенья. Казалось, что всё шло успешно, как вдруг выяснилось, что к экзамену допускали лишь юношей в возрасте не моложе 16 лет, а мне ко времени поступления в школу будет лишь 15 с половиной.

Несмотря на мою просьбу, а также просьбы моего дяди Николая Петровича – бывшего лесника – и моего двоюродного брата Сергея, окончившего эту школу, заведующий школой отказался допустить меня к экзамену, так сказать, по возрастному цензу.

Заведовал лесной школой знаменитый учёный лесовод Дмитрий Михайлович Кравчинский, брат народовольца С.М. Степняка-Кравчинского. Правда, кроме родства, их связывало немного. С.М. Степняк-Кравчинский был революционером, тогда как Д.М. Кравчинский был ярым монархистом и личным другом Великого князя Михаила, брата Николая II, а республику он называл «режпубликой».

Позже, после Октябрьской революции, Д.М. Кравчинский застрелился. Однако крайне правые убеждения не

мешали Дмитрию Михайловичу быть большим учёным, страстным энтузиастом-лесоводом и хорошим педагогом.

Ждать ещё год для того, чтобы поступить в лесную школу, меня не устраивало, и я решил во что бы то ни стало добиться разрешения держать экзамен именно в текущем 1916 году. Но как это сделать? По совету учителя Михаила Филипповича я написал прошение на имя директора Лесного департамента Молчанова и одновременно – письма на имя Министра просвещения – П.Н. Игнатьева – и княгини Голицыной. К прошению приложил справку районной больницы о моём хорошем физическом развитии. В письме к Министру П.Н. Игнатьеву просил о содействии, так как мне было известно о его родстве с Молчановым, а Игнатьев слыл либералом. Княгиню Голицыну как попечительницу двухклассной школы просил о содействии, зная, что она в хороших отношениях с Игнатьевым и Молчановым.

Принятые меры дали свои результаты. Мне разрешили на общих основаниях со всеми держать вступительные экзамены в Лисинскую лесную школу, чему я был несказанно обрадован. Правда, Кравчинский озлился на то, что, помимо его желания, ему предложили допустить меня к экзамену. Я боялся с его стороны подвоха, но он оказался немстительным.

На экзамен прибыли около 90 человек, а на первый курс школы принимали 12 человек, то есть 7 с половиной кандидатов на одно место. Шансы на поступление были очень слабые. Положение усугублялось ещё и тем, что я не имел денег на уплату за обучение, поэтому должен был обязательно попасть в число первых шести казенно-коштных воспитанников. Остальные шесть человек принимались как своекоштные и должны были за обучение и содержание платить 360 рублей в год.

Экзамены держали по русскому языку, арифметике, истории и географии, причём в два потока по 45 человек в каждом. Первый экзамен – диктовка. Педагог Андрей Леонтьевич, среднего роста, лет тридцати, толстенький, румяный, бархатным, немного картавым голосом объявил: «Я буду диктовать быстро. Кто не успеет написать фразу до конца, прежде чем я начну диктовать следующую, ставьте многоточие».

После такого предупреждения он начал диктовку отрывка из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина: «Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом...»

Он читал этот текст почти в нормальном темпе, чуть-чуть нараспев. Я писал очень быстро, тем более, что перед этим работал переписчиком, однако и мне несколько раз пришлось ставить многоточие. Можно себе представить, сколько многоточий было в диктанте других мальчиков. У некоторых мальчиков почти весь диктант был сплошным многоточием (так быстро диктовал педагог).

После диктовки, вечером был вывешен список, в коем около 40 поступавших как получивших двойки приглашались в канцелярию школы взять обратно документы. Меня в этом списке не было. В этот же вечер в канцелярии школы были выбиты стёкла, видимо, обозлёнными неудачниками.

На другой день был экзамен по арифметике. Экзамен проводил старший педагог, действительный статский советник Валериан Самойлович Баран. Это был весьма оригинальный, умный старичок лет шестидесятипяти, малого роста и несколько сгорбленный. Он носил двойные очки. Когда он писал свою фамилию Баран, то всегда ставил над первым «а» жирную точку, однако это не спасало его от

прозвища «баран» с ударением, на второй «а». Правда, надо признать, что это прозвище во всех отношениях к нему не подходило.

На экзамен были даны четыре задачи. Педагог предупредил, что оценку будет ставить в зависимости от числа правильно решённых задач, от скорости решения и от качества их оформления. Задачи были выше средней трудности. Я затратил на решение всех задач и на оформление полтора часа напряжённого труда. Некоторые мальчики решили быстрее, чем я, таких было человек пять-шесть из нашего потока.

Очень многие решили далеко не все задачи и в более длинный срок. Некоторые вообще не решили ни одной задачи, или решили неверно.

Не обошлось без курьёза. Некто Воскресенский раньше всех решил все четыре задачи. Как оказалось потом, за какие-то проделки он был исключён из третьего класса духовной семинарии и поэтому был для лесной школы очень хорошо подготовленным. Решив помочь товарищам, а, может быть, и показать свою удаль, он извлёк лежавшую под партой рейшину (большую линейку) и отчётливо написал на ней чернилами решение трёх первых задач. Сидя сам на второй парте, он сначала несмело, а потом решительно выставил линейку для обозрения в проходе между рядами парт. Сидящие сзади него на двух рядах парт легко могли списывать решение задач. В.С. Баран уткнулся лицом в какой-то журнал и монотонно, негромко повествовал: «За свою 35-летнюю педагогическую деятельность я хорошо изучил психологию учащихся, и, надо сказать, что многие из них, идя по линии наименьшего сопротивления, применяют различные способы, а проще говоря, шпаргалки, для того, чтобы обмануть педагога».

Воскресенский несколько опешил и прижал ближе к парте линейку, но потом, видя, что педагог не обращает на него внимания, вернул линейку в прежнее, удобное для обозрения, положение. Мальчики, не обращая внимания на разглагольствование педагога, продолжали списывать решение задач. Педагог продолжал после небольшой паузы: «Да, воспитанники разные шпаргалки применяют. Некоторые пишут на бумажках и их передают. Это старый испытанный, но не всегда надёжный и мало эффективный метод, можно впросак попасть и самому, и товарищей подвести. Некоторые пишут карандашом на классной доске, на экспонатах, пишут на собственной ладони и даже умудряются писать на ногтях пальцев. Да, для того, чтобы обмануть педагога, применяют разные способы».

Затем Баран быстро вскочил из-за стола и, став в проход, протянул обе руки по направлению линейки и громко произнёс: «А вот такой способ шпаргалить я вижу впервые».

У Воскресенского от неожиданности линейка выпала из рук и, ударившись об пол, произвела звук наподобие выстрела.

Воскресенский был отчислен. Вечером вывесили второй список, по которому ещё около 20 человек приглашались в канцелярию школы за документами.

Географию и историю сдавали на третий день. Географию сдавали у немой карты России, на которой наименования отсутствовали. Зная об этом заранее, я натренировался до такой степени, что не только губернские, но и уездные городишки мог безошибочно указать на этой карте.

По истории надо было особенно точно знать даты всех знаменательных событий и рассказать о них. Географию и историю я также сдал.

И вот на четвёртый день был вывешен список принятых в число воспитанников, в котором моя фамилия стояла седьмой по порядку. Это хорошо и в то же время плохо. Хорошо, что я принят в школу, плохо то, что я принят своекоштным воспитанником и за обучение должен платить. В том же списке указано, что шесть последних по списку воспитанников являются своекоштными и обязаны в двухнедельный срок внести за первое полугодие 180 рублей в кассу школы.

Радость сменилась печалью, я имел лишь 110 рублей. В эту сумму входили и деньги, заработанные мною за год, и деньги, данные мне отцом. Но, допустим, что я как-то собрал бы 180 рублей и внёс их за первое полугодие, тогда откуда взять 180 рублей для уплаты за второе полугодие и далее 360 рублей за второй год обучения? Ответа не было. Узнав о моем безвыходном положении, первый кандидат в воспитанники, фамилия которого значилась в списке под №13, предложил мне 100 рублей отступного с тем, чтобы я взял документы, а он попал бы в число действительных воспитанников. Я отказался от сделки, словно на что-то надеясь, хотя надежды не было.

В школе уже начались занятия, и я был счастлив. Как воспитанник я органически влился в жизнь школы. Как-то не хотелось думать о том, что через две недели эта счастливая для меня жизнь должна прерваться. А жизнь казалась такой хорошей, так хорошо учиться, так хотелось учиться. По ночам, лёжа в кровати и обдумывая своё положение, я плакал и не находил выхода.

Но вот на восьмой день занятий воспитанник Новиков, весьма пронырливый парень, сдавший экзамен третьим по очкам, не захотел учиться и решил уйти из школы. Он перед этим окончил шесть классов гимназии и был за что-то уволен. Конечно, ему низшая лесная школа пришлось не

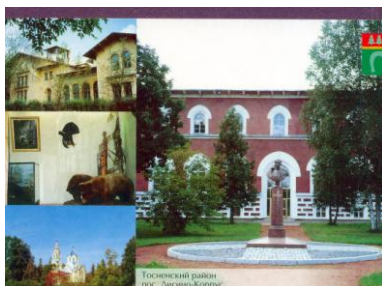
по вкусу. Предварительно взяв с меня и кандидата в воспитанники по 50 рублей отступного, он ушёл из школы по собственному желанию.

Я из своекоштных передвинулся в казённокоштные, а кандидат в воспитанники стал действительным своекоштным воспитанником.

Так окончательно осуществилась моя мечта, и я стал казённокоштным воспитанником Лисинской лесной школы.

С тех пор прошло немало лет. Много пришлось пережить, но мечта получить высшее образование меня никогда не покидала. Лишь через 15 лет после описанного события мне удалось окончить ВУЗ, и то экстерном.

Когда о вступительном экзамене в лесную школу я вспоминаю теперь, через 40 с лишним лет и сопоставляю с советской действительностью, мне становится радостно за нашу советскую молодёжь. Ей не нужно напрягать героические усилия для того, чтобы получить образование. Ей открыты все пути, и не только в низшие и средние, но и высшие учебные заведения, лишь бы было желание и способность.

Ильина Инна Тимофеевна, родилась в деревне Костуя Тосненского района, с 1945 г. живёт в городе Тосно.

Окончила в Ленинграде медицинское училище, химико-механический техникум и три курса университета.

Работала на режимных предприятиях, в объединении «Пролетарский труд», в Тосненской поликлинике, в Колпинском ПТУ-108. Общий трудовой стаж 43 года.

Имеет статус малолетнего узника фашистских лагерей, медали «Ветеран труда» и другие.

Поёт в Хоре ветеранов, состоит членом литературного объединения «Тосненская сторонка». Печатается в периодике и сборниках, в 2005 г. издала книгу стихов «Я люблю».

О себе

В бесстрастных зеркалах я вижу отраженье
Своих уставших глаз, на лбу морщин венки.
И, подмигнув себе, твержу я в утешенье:
«Ещё не прозвенел последний твой звонок».

Ещё чего-то жду, ищу всё смысла в жизни,
Кружит по вечерам черёмуховый дым,
Как будто лишь сейчас я на дорогу вышла,
И всё меня влечёт в подруги к молодым.

Я не люблю стонать и плакаться в жилетку,
Я на свою судьбу не жалуясь нигде.
И сколько ни ломай, я отрастаю веткой
И к солнцу вновь тянусь наперекор судьбе.

Детство

Моя бабушка со стороны матери Густавова Надежда Павловна (1886-1969 гг.), которую дед Густавов Александр Филиппович (1884-1958 гг.), без памяти полюбив на всю жизнь, сосватал в свою крепкую семью в деревню Костуя, была родом из деревни Вериговщина.

Дед служил в каком-то чине в царской армии и по ранению был отправлен в отставку. Об этом в семье молчали как рыбы, а потом всё это затянулось какой-то пеленой беспомыслия. Только и знаю из рассказа бабушки, как она гадала в крещенский вечер в бане на зеркало.

«Сижу я одна, свечи по бокам горят, ну и давай суженого-ряженого вызывать. Сижу, сижу, всматриваюсь. Вдруг в зеркале как будто что-то дрогнуло. Страшно стало, а сижу. Вдруг снизу фигура военного стала подниматься, сначала фуражка, голова, я смотрю, вроде, хорошенький, светловатый, потом как эполеты-то показались, я про всё забыла, ну, думаю, за генерала, наверно, выйду. Засмотрелась, а он уж по пояс показался, а ведь это опасно, я так испугалась, как по зеркалу ударила рукой, свечи задула, уж не помнила, как и из бани выскочила! Ну, а уж когда приехал свататься, я как глянула, так и обмерла – сразу узнала того, из бани».

Этот рассказ мы с сестрой Женей просили рассказывать несколько раз, хотя знали его наизусть. Представляю,

какой она была красавицей в 17 лет, когда стояла с дедом под венцом. Считалось, что у неё слабое сердце, и дед взвалил на себя всю тяжёлую работу по хозяйству, он всё умел делать и даже пёк вкусные пироги.

Но бабушка с «больным сердцем» родила 12 детей, правда, до совершеннолетия дожили только 7 человек. Жили хорошо до раскулачивания. Имели летний, без отопления, и зимний дома, двух коров, лошадей, овец, кур, поросят. Дети учились в церковно-приходской школе в Шапках и Замостье. Моя тётя, которая доживала свою жизнь со мной, однажды очень удивила меня: совершенно слепая, в 90 лет, она что-то пела. Подошла, слушаю.

– Си, ля... си... соль...

– Ты что поёшь?

– Ой, Инночка, совсем стала дурой, вот до, ре, ми, фа, соль помню, а в обратную сторону – забыла!

– Тонюшка, да ты откуда знаешь ноты?

– Как откуда? Я два класса кончила, а уж потом революция помешала, так вот наш учитель Иван Семёнович, бывало, поставит нас кружком около пианино, и мы молитвы по нотам поём.

До революции по деревням разъезжал казённый возок и раздавали в семьи детей-сирот, их называли «казенками». С таким «казенкой» Федей Тоня ходила в церковно-приходскую школу, а потом они поженились.

Конечно, все дети с малых лет были приучены к труду, даже маленькие с матерью ходили за ягодами, грибами, работали в огороде, девчонки пряли, ткали, вязали, шили, а как вышивали! До сих пор храню вышивки мамы и тётки. Парни занимались промыслом, для Питера заготавливали веники, метлы, делали бочки, плели корзины, да ещё много чего.

Грянул октябрьский переворот, потом коллективизация, которая полностью изменила весь уклад жизни. За один день наши семьи стали нищими. Землю, не говоря уже о полях, на которых сеяли лён, пшеницу, овёс, отняли до самого крыльца. Отобрали весь скот. Мама вспоминала, как у заборов выли бабы и ребятишки, когда коровы шли к своим домам, а их не пускали. Вообще, представить всю эту картину просто невозможно. Стали искать пролетариат, который бы мог возглавить колхоз. Оказалось – кругом одни кулаки! Еле нашли единственного мужичишку-пьяницу, у которого нечего было отбирать. Вот его и поставили председателем. Дед, как более понимающий, стал упрашивать бабушку вступить в колхоз, та заявила, что лучше сдохнет с голоду, чем пойдёт подчиняться этой пьяни! Дед вступил в колхоз один, и огород вернули, конечно, безо всякого скота. Потом уже как колхозник дед имел право на одну корову.

Вот в этой семье в 1916 г. родилась моя мама Прасковья Александровна. Мама росла в дружной, любящей друг друга семье, где никого никогда не били, где отец не курил и не пил, за исключением стопки в праздник. Мама говорила, что у деда был мягкий характер, в отличие от бабушки. Та была твёрдой, неуступчивой, и иногда дед ей подчинялся.

«У нас так строго соблюдали Великий пост, ничего скоромного, что тятя (отец), бывало, скажет: «Мать, да плесни ты

ребятишкам хоть простоквашки!», – вспоминала мама. Эта семья даже в трудные годы держалась на плаву, потому что была дружной и работающей.

Другая моя ветка – семья моего отца. Ильины славились красавцами сыновьями и дочками, я точно не знаю, сколько до войны их было. Но не меньше 10 человек. Семья тоже «кулаков», тоже обобранная до нитки, да ещё и пострадавшая больше, так как мой дед Николай Ильич имел небольшую мастерскую по изготовлению для лошадей, вернее их упряжи, всяких бубенчиков, колокольчиков, заклёпок и прочее, где и работал со своими сыновьями. Я всё время удивлялась, почему мой отец так хорошо знал кислоты и свойства металлов. Весь этот товар отвозили в Питер. Кстати, моё имя отец «привёз» тоже из Питера. Деда моего, как эксплуататора, арестовали, правда, через небольшое время отпустили. Но это его сломало, без дела он не мог, в колхоз не пошёл, осталась водка. Он и раньше любил покуражиться, и бедная моя вторая бабушка, безропотная, тихая Агриппина Дорофеевна от него натерпелась всего, да и сыновьям оплеух хватало, и потому взрослые поудирали в Питер.

И вот одна из первых невест на деревне, певунья, плясунья и красавец-баянист, певец, «золотые руки», полюбили друг друга. Отец был старше мамы на 4 года, и он первый обратил на неё внимание. Они стали, как тогда говорили, гулять, хотя мама часто уходила с другим провожатым, дразня отца. Но дело всё равно двигалось к свадьбе, мама все годы готовила приданое – ткала простыни, скатерти (трудно представить этот ручной труд), полотенца вышивала, перо в подушки собирала. Этим занимались все девушки.

Но тут случилась огромная беда! Мой будущий отец попал в Тосно под поезд. Какая-то опаздывающая женщи-

на вцепилась в него, когда он ещё не втиснулся в тамбур, и стащила его прямо под колёса поезда. Ногу ему отрезало выше колена. Это был по тем временам инвалид, калека, не имеющий никакой цены. Бабушка Надежда сразу же сказала, что не отдаст ему дочь и никакой свадьбы не будет. Дедушка молчал, в душе соглашаясь. Но тут проявила характер мама, заявив: «Здоровый нравился, а калека сразу стал не нужен?» – и что она его не бросит и не предаст и всё равно выйдет за него замуж. Это противостояние длилось довольно долго. У отца откуда-то появился пистолет, и он часто сидел, причём, не один, в засаде, наблюдая за мамой и её провожатыми.

Наконец молодые решили пожениться. Родные отца радовались, но родители мамы и слышать об этом не хотели, и всё же они поженились в июне 1936 года.

Раньше это было просто, зашли в сельсовет, расписались и всё, так же просто оформлялся развод. Церкви вблизи были разрушены, но благословение родительское каждый хотел получить. Так бабушка Надя с самого утра ушла из дому, и её никто не мог найти. Почти перед закрытием сельсовета её откуда-то привёл дед, и бедную маму кое-как благословили. Но из её же приданого ей ничего

не дали, о чём она всю жизнь вспоминала с горькой обидой. Свадьбу играли у жениха, но родители мамы, кажется, не были. Были братья и сёстры. Молодые сразу стали строить свой дом на берегу озера «Чернушка», что находится посреди деревни. Со временем, тем более, с рождением внучек, страсти поутихли, отец ходил на протезе, работал в сельской лавке. Жизнь потихоньку налаживалась, по крайней мере, не голодали. Отец единолично, но с помощью мамы, по старой памяти наладил производство заклёпок (пуклей), о которых мама даже говорить не могла без ругани, так они ей надоели. «Все пальцы были стёрты от шлифовки», – вспоминала она.

Когда мне было чуть больше года, уже справили новоселье. Я много помню с очень раннего возраста, во что долго не могла поверить мама. Я частично помню это новоселье. Я стою в кровати, держусь за боковинку, смотрю на чёрное незанавешенное окно, оно меня очень пугает, и оттого я оглушительно реву. За стеной играет баян, песни, смех, в открытую дверь льётся свет. На столе в моей комнате стоит лампа. На мои вопли несколько раз приходит отец, что-то мне говорит и кладёт мне в кровать музыкальные часы, были такие раньше, играющие какую-нибудь мелодию, пока не кончится завод. Этим эпизодом я доказала маме, что помню: ко мне, действительно, заходил только отец, так как сидел у двери.

Первая моя сестра («Красавица была, не то, что вы», – говорила нам всю жизнь мама) умерла в 6 месяцев от воспаления мозга и была похоронена на нашем семейном кладбище в Замостье, недалеко от Костуи. Там же похоронены и мои родители, которые о другом месте и слышать не хотели. Мама хотела лежать «только рядом с доченькой», а отец потому, «что рядом река и поют соловьи». Могилы прадедов, деда Николая и других родственников

во время войны разбомбили, а само кладбище уже в мирное время было разграблено. Я помню, какие там стояли старинные памятники и кресты – всё украли! Сейчас стоит, сдвинутый с места, очень красивый, полуразрушенный чугунный крест как горькое напоминание о потере всяких нравственных ценностей.

До войны Костуя была красивой, в 192 дома, деревней, с магазином в центре и часовней. Дома были разные – большие, крытые дранкой, с хорошими воротами, разными хозяйственными постройками, со скотиной, садами. Но были и более скромные, крытые толью, особенно, где в доме не было хозяина, мужика. До революции народ жил обеспеченно, нищих не было, и никогда на улице не валялись пьяные, хотя какой русский не любит... Деревня работала, лодыри там просто не выживали. Костуя славилась очень красивым народом. Уже взрослой, я была знакома с некоторыми из нашей деревни, они жили в Тосно, Ленинграде, но и в Костуе. Это были статные, энергичные, с весёлым нравом, красивыми голосами люди. Особенно была хороша моя крёстная Лиза – белолица, с копной рыжих кудрявых волос.

При советской власти около Белого озера стояли два одноэтажных длинных дома, где летом открывались пионерские лагеря от «Ижорского завода». Приезжали автобусы, пионеры с барабанами шли по деревне, жгли костёр, устраивали разные праздники на зависть местной ребятне. У озера было хорошо оборудован чистый пляж. Зимой в одном из домов была начальная школа. Об этой школе мама любила рассказывать, об учителях, ребятах, о том, как один мальчик читал стихотворение и вместо слова «нагачка» говорил «нагачейка» да так и получил это прозвище.

Деревенские ребяташки ходили к лагерю искать обёртки от конфет: в них они играли, а конфет-то таких и в глаза не видели.

Я как-то попросила родителей рассказать о свадьбах, которые играли весело, шумно. Они рассказывали, вспоминая конкретные свадьбы. Я кое-что припомнила сейчас, вставив имена родителей в песни.

Конечно, в советское время весь ритуал не выдерживался. Мама вышла замуж без всяких обрядов. Но все остальные, кто женился по воле родителей, старались хоть что-то сохранить из старины. Всего я не запомнила, вернее, забыла. Накануне свадьбы подружки вели невесту в баню. Все об этом знали, выходили, провожали с песнями (ни одной не записала). Несли веники, разукрашенные лентами, таз. Парни стреляли из ружей. После бани – девичник. Здесь девчата тоже пели специальные песни, невеста могла и поплакать. Потом в дом жениха везли на лошади приданое невесты. Лошадь была разукрашена в «пух и прах». Дуга вся увита лентами, цветами. За возом шли бабы, нарядные, весёлые, играли гармони. Шумно вносили вещи в дом, расхваливали рукоделие – вышитые полотенца, вязаные салфетки, в общем, всё, что можно смотреть. Жених устраивал мальчишник. Собирались друзья, немного выпивали, пели песни, играли на гармошке. Женщины только подавали на стол угощение и уходили в другую комнату. Перед венчанием или ЗАГСом собирались подружки невесты, пели грустные прощальные песни и начинали одевать невесту к венцу. В дом набивались бабы, ребяташки, все смотрели на невесту, пели ей хвалебные песни и невесте расплетали косу, вынимали из неё алую ленту, клали на блюде с песней «Уж ты, краса моя, краса девичья...» Здесь любая невеста не выдерживала и начинала плакать. Заплетали две косы, укладывали их по моде того

времени, надевали фату. Больше невеста не должна плакать. К приезду жениха она обязана быть красивой. Ребятишки у ворот караулили приход жениха с друзьями, которые должны были «выкупить» невесту. Жениха в дом не пускали. Шаферы с лентами или расшитыми полотенцами через плечо входили на крыльцо, где уже стояли подружки – «вымогательницы». Всё остальное зависело от остроумия играющих свои роли. Задача друзей-шаферов – откупаясь, чем можно: деньгами, конфетами, пряниками, обратиться к невесте, чтобы её забрать. Конечно, иногда заранее договаривались, сколько можно вытянуть из жениха денег и прочего, чтобы не поставить его в неловкое положение. Но бывалые игроки так обставляли этот «выкуп», что со стороны никогда не заметишь сговора. Наконец, шафера рядом с невестой, и вот здесь начинается самый «ожесточённый» торг. Причём, разрешалось жениха нахваливать сверх меры, а невесту разглядывать и говорить примерно так: «Ой, да у неё глаз косит, ой, да она кособокая, да у неё нога одна короче и т.д.», всячески «сбивая» цену. Здесь только надо не промахнуться и не ляпнуть о действительно имевшемся недостатке, если он, к несчастью, был. На большое блюдо летели деньги, начиная от самых мелких. Иногда шаферы выворачивали карманы и, махнув рукой, делали вид, что уходят. И вот, невеста выкуплена, жених входит в дом. Здесь все поют песню для жениха и невесты, вплетая в неё их имена.

На горке, на горочке,
На высоком на пригорочке.

Привев:

Ой, лёли, лёли, оё, лёшеньки.

На горке два дубочка стоят,
На дубочках два голубчика сидят.

Припев

Промеж собой они речь говорят,
Разговоры разговаривают,
Тебя, молодец, выхваливают.

Припев

Уж вы, красные девушки,
Уж вы спойте мне песенку.
Вы припойте молодую жену.

Припев

Вы пропойте молодую жену,
Свет Прасковью Александровну.
Она ростом небольшой человек,
Она рода хорошего.

Припев

Она рода хорошего.
Отца, матери почётного.

Припев

А Тимофей-то уж хорош,
Хорош, хорош,
От русских кудрей на барина похож...

Припев

Дальше слов не знаю. Выходят родители с иконой. Молодые становятся на колени под благословение, и все едут в церковь или ЗАГС.

Потом едут туда, где будет свадебный стол. Ребятишки караулят, когда молодые подъедут, но им приехать не так-то просто – везде их поджидают деревенские бабы, – которые перегораживают дорогу верёвками, жердинами, – всем, что есть под рукой. Теперь уже жених от них откупа-

ется. Обычно в ход идут бутылки с вином, водкой, конфетами, в общем, с угощением. Наконец, крик: «Едут, едут!» Родители наготове стоят с хлебом-солью на расшитом полотенце. Остальные гости, кто во что горазд, посыпают их зерном, мелкими деньгами, цветами. Все идут за столы. На свадьбу выкладывались всюю! Поздравления сначала от родителей, потом всех остальных. Но молодым пить крепкое не полагалось, да и на еду тоже нельзя особенно налегать. Вдоль стен сидели славильщицы из молодых женщин. За особую, по возможности, плату они пели величальные песни.

Как у месяца золоты рога,
Ой ли, ой ляли ли золоты рога.
Как у Тимы кудри русы,
Кудри русы по плечам лежат,
Ой ли, ой ляли ли по плечам лежат.
По плечам лежат, словно жар горят.
На него то люди дивовались,
Ой ли, ой ляли ли дивовались.
Чьё же, чьё это чадо милое?
Хорошо оно воспорожено,
Ой ли, ой ляли ли воспорожено,
Воспорожено оно родной матушкой,
Завила кудри молода жена,
Ой ли, ой ляли ли молода жена,
Молода жена Парасковьюшка.

Молодых одаривали подарками, кричали «горько», пели, плясали.

Потом торжественно провожали в опочивальню, где для них были приготовлены постель и угощение.

Утром перед молодой женой гости били горшки с деньгами, молодая мела черепки украшенным веником, а гости ногами разбрасывали их снова и снова. Наконец, всё выметалось, убиралось, и веселье продолжалось, у кого ещё день, у кого и больше.

Мы с сестрой очень любили слушать всякие истории из жизни нашей деревни. Но сначала мы любили слушать сказки, которые нам рассказывал отец. Обычно это была сказка про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку. Сидим мы втроём у круглой печки, дверца открыта, отец кочергой пошевеливает ядрёные огненные угли, они переливаются яркими и тёмными пятнами, посылая нам тепло и ласковый уют. Начинается сказка. Отец, по своей натуре очень артистичный, изображает её героев в лицах. Сестра сидит вся в напряжении, вот-вот готова разреветься, да и я не лучше, хотя знаю сказку наизусть и ведь уже большая. В итоге – слёзы, но зато концовку отец каждый раз так разукрашивал по-новому, что мы радостно смеялись, задавали

ему вопросы по сказке, и уж тут-то он фантазировал на славу.

Но про Костю, её жителей я слушала истории всю жизнь и не могу себе простить, что не записала на магнитофон или хотя бы в тетрадь. Всё надеялась на свою память. Истории эти рассказывались и за столом, в компании ещё живых родственников.

- А помнишь, – начинал кто-нибудь, – деда Пупа?

- А почему его так звали?

- Да у него была привычка, когда он сердился, то крутил пальцами около пупа и выкрикивал: «Трензели-брензили», так вот, проезжала как-то через деревню одна дамочка, а у неё лошадь, как на грех, и распряглась. Увидела она Митьку и просит лошадь запрячь. «Не-е, – отвечает тот, – вон видишь, у забора в красной рубахе дед Пуп сидит? Вот он мастер». А у Пупа и лошади-то не было.

- А как же мне его попросить?

- Да подойди и попроси: «Дедушка Пуп, запряги лошадь». Та пошла, а Митька спрятался за дерево и смотрит, что будет. Что будет, что будет? Дед как заорал, ногами затопал, руками закрутил, так что бедная бабёнка чуть не ополоумела. Ну, Митька, конечно, насмеялся, да и запряг лошадь.

- А как Костя Холодилов лошадь кусал?

Про Костю я слышала от мамы поговорку: «Во, злой, как Костя Холодилов!» – говорила она о ком-нибудь.

- Так почему лошадь кусал?

- Да он на колхозной лошади работал, возил кое-что, а лошадь от голода не могла идти, тогда он стал её кнутом стегать, она, бедная, и упала. Он как завизжал, наклонился к ней и давай её за уши кусать, пока его не оттащили.

- А тебя как я ехала рожать? – обращается ко мне мама. Отец шёл впереди и перед носом лошади клок сена нёс, она потянется и сделает шаг, я чуть в телеге не родила.

- А как тебя крестили в Пельгоре? В Замостье-то комсомольцы такую старинную красивую церковь разорили, иконы сожгли. Только вот надписи да лик Богородицы долго со стены сбить не могли. Даже сейчас можно прочитать «Пресвятая Богородица, спаси нас». К бывшей иконе приносят цветы, вешают полотенца. Так ведь рука-то отсохла у Захарки, который сбивал её лик, даже работать на мельнице не мог. Вся деревня об этом знала. Это же надо, тебя поп уронил в купель! Ты так на дно и ушла, тут твоя крёстная как закричит: «Девчонку утопил!», бросилась к купели, схватила тебя и давай вниз головой трясти. Не знаю, как уж потом и докрестили.

-Теперь понятно, почему я так воду люблю, из реки часами не вылезала, а уж про море и говорить нечего! – смеялась я.

Потом вспоминали, как я, кроха, в подоле платья выносила из лавки отца деньги и ссыпала в канаву, хорошо, что кто-то ему об этом сказал, тогда за малейшую растрату сажали сразу как врага народа.

- А помнишь, Тима, как у твоего деда сено украли? Да ещё оставили записку:

«Дедушка Илья, украл сено я.

Будут недостатки, увезу остатки!»

Любили вспоминать, как большой компанией босыми шли молиться в Макарьевский монастырь, звон колоколов которого долетал до Костуи, а это не меньше 10 км. Монастырь располагался среди огромного болота. Просто удивительно, какая необъятная работа была сделана по осушению большого куска земли. К монастырю вела дорога, вдоль которой с обеих сторон стояли маленькие часовенки,

от игрушечного размера до детского домика, куда уже можно было войти. В них расставляли тарелки для жертвы на монастырь. И вот с одной такой тарелки отец, будучи мальчишкой, стащил 1 копейку. Он в этом каялся всю жизнь. Молиться ходили с ночёвкой, людей размещали в чистых небольших комнатах, вкусно кормили, особенно родители вспоминали постные щи с грибами. Отстояв на службе, шли к склепу, опускались вниз по ступеням в холодный мрак, где находился каменный гроб, горели свечи, были иконы. Я думаю, что это был склеп самого Макария. Мама не помнила. Но каменный гроб стоял и в самом монастыре на полу, на нём висели тяжеленные цепи, которые богомольцы, стоя на коленях, накладывали на себя. При монастыре был большой огород и разная скотина, но зимой монахи на санях объезжали деревни, собирая подаяние, которое с радостью люди оказывали. После революции монастырь был жестоко разрушен, ограблен, монахов расстреляли. Мама говорила, что народ даже боялся взять иконы и старинные книги в золотых обложках, которые, шелестя страницами, медленно засасывались болотом. Потом в уцелевшее здание поместили душевно больных, которых немцы расстреляли. Сейчас монастырь потихоньку возрождается, только нет таких чистых душой монахов.

Тётя Тоня вспоминала, как в праздники новый поп, обходя дома, напивался. «Да это уже были не настоящие священники, которые и в Бога-то не верили, их власть ставила, чтобы за нами следить», – пытался кто-нибудь её просветить. Но она, как будто не слыша, сидела, тихонько смеясь.

– А помнишь, Тоня, как я твоего старого ухажёра отшила?

– Ещё бы, он тебя на месяц за это на лесозаготовки зимой отправил, хорошо, что Шурик (брат) вместо тебя ра-

ботал, а то, наверное, и не выжила бы (ухажёр был в колхозе каким-то начальником).

– Мама, а как ты отшила?

Мама, озорно сверкнув глазами:

– Да частушку ему спела:

Не ходи за Тоней вслед

С грязными штанами.

Не тряси, как старый дед

Тощими м...и.

Все хохочут, только отец смущённо хмыкает. Он очень не любил частушки «с картинками» до самой старости, хотя назвать его старым было невозможно.

Эти воспоминания очень мне дороги, пишу и словно слышу родные голоса. О том, как однажды на гумне цепи грохотали, заглянули туда, кто это ночью зерно молотит? А там – никого. Как все бежали от страха, бросив Тимку на костылях, и как ехали из Шапок на лошадях, вдруг те храпеть стали, оглянулись – за телегой идут козлиные ноги! Только когда стали молитву вслух читать, да крестить эти ноги, так они исчезли. Ну, прямо по Гоголю!

Особенно я любила слушать, как проводила свободное время молодёжь. Клуба в деревне не было, и каждый вечер со всех концов деревни шли гармонисты, а играть умели почти все парни. Собирались в центре деревни у большого дуба. Он и сейчас стоит. Не передать чувство, которое охватывало меня, когда я гладила его столетнюю кору и представляла, что здесь стояли мои молодые родители. Ещё росла сирень тех лет на месте бывшего дедушкиного дома. Деревня условно делилась на «польскую» и «шведскую» части. Объяснить причину этого «разделения» никто не мог. Надо рыться в истории, вероятно, что-то связано с войнами, да и фамилия моего деда Густавов наводит на размышления. Но когда парни шли силушку померять

«стенка на стенку», то боевые вопли «Бей шведов!» не уступали таким же «Бей поляков!». Всё кончалось хохотом, но бывали и синяки. Танцевали, плясали, пели частушки, часто сочинённые на ходу. Любили вальсы, кадрили, польки, особенно «Ланце» (Лансье). Мне интересно было наблюдать после войны, когда ещё все были живы, как во время домашних праздников гости выстраивались по парам и спорили, какая фигура шла первой, второй и далее. Лица разгорались, молодость возвращалась прямо на глазах.

На зиму по очереди ходили на посиделки в разные дома, приносили с собой дрова и работу – прялки, кудель, вышивку. Девчата чинно рассаживались, пряли, вязали, вышивали, а парни терпеливо толпились по углам. Играла гармонь, пели песни, но потом парням надоедало ждать, они начинали приставать к девчонкам, путать нитки, отпускать всякие реплики, и после чего, к всеобщему удовольствию, следовало веселье – танцы и пляски.

Вспоминали нарядных, в шляпах, дачников. Это ещё были настоящие дачники, которые несли дух дореволюционных лет. Они покупали ягоды у местных крестьян, хотя ягоды росли буквально под ногами.

– А помнишь бабу Анистью? Сидит, бывало, за самоваром с баранками, внуков целая изба, все лезут к столу, а она как цыкнет на них: «А ну пошли прочь, в вашу шкуру не завернёшься!»

– А помнишь Романа с Дуськой? Откуда они к нам перед войной приехали? Все говорили, что это полюбовники. Он-то хромой, с палкой, всё корзинки плёл, домик небольшой построили, тихо жили, не высовываясь.

Про этого Романа с Дуськой я расскажу ниже. Все воспоминания, смешные и весёлые, кончались на начале войны, народ только-только стал приспособливаться к но-

вой жизни, как-то вставать на ноги – и снова такое испытание!

В 1941 году немцы заняли Костую. Население: старики, дети, инвалиды, женщины, – были выселены из своих домов. Кто поселился в хлевах, кто рыл землянки, кто перебрался в дома соседей, которые немцы по каким-то причинам не отняли. Мои родители вырыли землянку напротив нашего дома. Сделали нары, на которых мы спали, какие-то ящики служили столом, под «полом» хлюпала чёрная вода, не помню, чем отапливались. Немцы тоже вырыли много землянок, так как домов на всех не хватило. Но у них землянки очень отличались от наших, да и сравнивать даже нельзя, кто и как строил – женщины со стариками или молодые опытные военные.

Первым делом немцы стали забирать скотину для своего питания: коров, поросят, овец резали по очереди. Причём, не было никакой возможности что-либо утаить, так как вышеупомянутый Роман при фашистах вдруг распрямился, бросил палку, надел костюм с галстуком, прекрасно заговорил по-немецки и стал кем-то вроде бригадира. Распределял всем работу: кого – заготавливать лес, более слабых – стирать солдатское бельё, работать на разных местах, где требовали немцы. Мама ждала ребёнка, мою сестру Женю. Она рассказывала, как уже с большим животом стирала и кипятила завшивленное солдатское бельё. Роман знал всё про каждого жителя, кто что имел до войны, и потому даже ни одна курица не могла выжить. «Матка, яйцо, курка» – это немецкое требование, наверное, слышала вся земля, побывавшая под немцем.

Русские самолёты нещадно бомбили Костую. Горели дома, в один из таких налётов разбомбили дом родного брата моего отца, Ильина Фёдора Николаевича, который был на фронте, и убило его жену-красавицу Татьяну. «Ле-

жит она, придавленная балкой, длинные волосы разметались, а мы четверо, мал-мала меньше – двое девчонок, двое мальчишек – кричим не своим голосом», – рассказывала моя двоюродная сестра Екатерина Фёдоровна, ныне живущая в Тосно. «Запрытались в баню, сколько там отсидели, не знаю. Только однажды дверь открылась, на пороге наша деревенская женщина с немцем стоит, о чём-то разговаривает. Вывели нас и по двое оставили в семье родственников, выдав на руки справки, по которым мы получали на немецкой кухне еду, хотя её приходилось делить на всех».

Начинался жуткий голод. Мы, ребяташки, шли с военными котелками к немецкой полевой кухне. Я была самая младшая и ковыляла последней. Нам вливали в наши манерки (так называли котелки) понемногу горохового супа, иногда туда же кидали кусочек хлеба и, если повезёт, то в другой котелок клали шмоток ярко-жёлтого, невыносимо вкусно пахнущего пудинга. Цвет и запах этого пудинга меня преследовали долгие годы. Я всё пыталась определить запах. Оказалось, так пахнет миндаль. Иногда нам ничего не доставалось, но мы продолжали стоять, выводя из себя солдата на раздаче. Он начинал на нас кричать, а более старшим давал пинка.

Ещё помню: я собираю на помойке выброшенные немцами увядшие ландыши и спускаюсь по крутой лесенке к ним в землянку. Двое немцев сидят за маленьким столом, я протягиваю им цветы, они смеются, один сажает меня на руки и достаёт зелёный леденец из круглой упаковки. У нас такие конфеты назывались «Спортивные». Были и среди фашистов нормальные люди, ставшие «под ружьё» не по своему желанию, оставив дома таких же детей.

Голод наступал. Умер мой двоюродный брат из четвёрки сирот. Он всё время просил есть, Катя дала ему очистку от картошки, он её сжал губами, вытянулся и

умер. Умерла лучшая подруга мамы. Катя ходила к Роману и носила оставшиеся от матери вещи за кусок хлеба или несколько картошин. Бомбёжки продолжались, у немцев эйфория проходила, они становились озлобленнее. В лесу поймали двух мальчиков, с одним из них, Рыжовым, училась Катя. Их расстреляли за связь с партизанами, а им было по 12 лет всего. Их могила до сих пор посещается в Костуе.

Однажды привезли семью евреев – мать с очень красивой девушкой-дочерью и троих мужчин, вероятно, отца, деда, мужа. Их заставили раздеться до белья на глазах всех жителей и расстреляли под горкой, где была заранее вырыта могила. Женщины очень кричали, их зарыли недобитыми, и из-под земли долго доносились стоны к великому ужасу населения. Были расстрелы и жителей Костуи.

Люди, работавшие на лесозаготовках и строительстве дорог, от голода стали падать и наконец решили обратиться к немецким властям с жалобой и просьбой о выдаче хотя бы каких-нибудь пайков. Реакция немцев была для всех неожиданной. Без лишних слов патруль направился к дому Романа и обнаружил там пайки хлеба, сгущёнку, крупы и другие продукты. Оказывается, всё это выдавалось через Романа для работающих, а он ничего ни разу никому не дал. Немцы его вывели на улицу, где собралась вся оголодавшая деревня. Мама рассказывала обо всём этом, когда я стала уже взрослой. Романа втолкнули в эту толпу для самосуда. Он что-то кричал немцам, но те стояли в стороне, наблюдая за всем происходившим. Роман бухнулся на колени перед народом, и это послужило сигналом к его казни. Его забили, затоптали, а потом волоком оттащили в лес и бросили в ложбину, даже не зарыв в землю. Мама показывала мне это место. Конечно, теперь я его забыла. Дуська, сожительница Романа, осталась одна и, чтобы как-то

выжить, стала погуливать с немцами. Однажды она убежала от пьяного солдата, а ему показалось, что свернула в нашу землянку. Я хорошо помню этот эпизод. Я лежу на нарах, мама стоит, прижавшись к стене напротив. Отец упирается руками в косяк двери, всем телом наваливаясь на неё, но дощатая дверь вся содрогается от ударов ногой немца, который требует открыть. Никто не знал причины, из-за которой солдат рвался к нам, и потому дверь не открывали. Немец закричал, что будет стрелять. Родители уже кое-что понимали по-немецки, и я сейчас очень хорошо представляю их состояние. А тогда я спокойно лежала, наблюдая за дверью, которая ходила ходуном. Немец стал считать: «Айн, цвай», и при слове «драй» отец вдруг оторвался от двери и почему-то (есть Бог!) рванул меня за ноги на себя. Пуля пробила подушку именно там, где лежала моя голова, и застряла внизу под нарами. На выстрел выскочили солдаты из нашего дома и увели своего товарища. Так я родилась на свет второй раз.

На Новый 1942 год появилась у меня сестра Евгения Тимофеевна. Это был малюсенький, слабенький, постоянно плачущий человечек. Как только мама сберегла её в лютые морозы с таким питанием! А тут ещё немцы решили всё население гнать кого в Германию, кого в Прибалтику. Нас, несмотря на мороз пешком, под частыми бомбёжками несколько раз гнали то до Любани, то до Тосно, а потом возвращали назад. Мама везла меня и Женю на санках, как шёл отец на протезе по столько километров – не укладывается в уме! По рассказам родителей, при таких походах вдоль дорог оставалось замёрзшими множество людей: кто лежал, кто сидел. При очередном переходе до Тосно нашей семье удалось остаться у маминой сестры, откуда нас и увезли в Прибалтику, её с мужем – последним эшелоном – в Германию. В доме тёти жили поляки, которые воевали

вместе с немцами, но тётю из дома не выгнали, они ютились в летней комнате на чердаке, вот туда-то мы и вселились, правда, очень ненадолго, буквально на несколько дней.

В Тосно творились страшные дела – расстреливали, вешали. Напротив дома тёти жила еврейская семья. Их всех расстреляли, но каким-то образом уцелел ребёнок лет пяти. Соседка объявила всем, что возьмёт этого ребёнка себе с условием, что будет жить в его доме. Поляки сделали вид, что ничего не знают. Эта женщина забрала себе все вещи, с этим ребёнком прожила неделю и отвела его в немецкую комендатуру. После войны она вернулась в Тосно, я знала её фамилию и имя от тёти. Сейчас уже забыла. Поляки, жившие у тёти, особенно не бесчинствовали, даже подкармливали хозяев, но очень охотились за молодыми женщинами, так что бывали случаи насилия. Дом тёти на улице Станиславского в войну уцелел. Он стоял, обнесённый частоколом, заготовленным младшим её и маминым родным братом Серёжей, сгинувшим в боях под Ленинградом. Мы часто стояли с мамой у этой изгороди, гладили ровные палочки, потемневшие от времени, и грустили, что какая-то изгородь живёт уже не один десяток лет, а молодой, красивый парень исчез, пропал без вести. Со своей стороны, я считаю великим государственным кощунством объявлять без вести пропавшими солдат, которые на глазах всех шли в огонь и там сгорали тысячами.

Дом этот снесли, и последняя вещественная память о Серёже, кроме маленькой любительской фотографии, исчезла.

Родители

Наш дом был наконец-то построен. Он соединялся крытым двором со хлевом. Под крышу этого двора (на городину) набивали сено для коровы. Корова Ночка, чёрно-белая красавица со звёздочкой на лбу, была нашей любимицей. Ещё у нас появились коза Розка, которая давала до пяти литров молока, жирного, как сливки, очень симпатичный, с чубом между рогов, козёл Букан, куры и чёрная, с белым галстуком,

кошка Васька. Позднее мы держали поросёнка.

В Тосно официально было два больших стада коров и коз. Рано утром раздавалось щёлканье кнута и крик пастуха, которого хозяева выбирали голосованием. Все торопливо выгоняли своих бурёнок в стадо. Иногда делала это я. Ноги утопали в сверкающей росе, мягко наступали на спорыш и низкую ромашку, впитывая всю эту здоровую благодать, корова шевелила толстыми губами, не спеша шла к своим товаркам. Потом выгоняли коз, тут озорничал наш Букан. На всё стадо он был единственный, и хозяйки его очень уважали за доброкачественный приплод, пытаюсь расплатиться с мамой очередным козлёнком, от чего мама с трудом отбивалась. На молоко был налог. Не помню, сколько литров, в зависимости от жирности, нужно было бесплатно сдать государству. Мама часто посылала меня отнести молоко, наказав проследить, как запишут. Я с интересом смотрела, как поднимается диск молокомера в лёгкой воздушной пене, как приёмщица сливает молоко в

большой бидон, записывает в журнал количество и жирность 4,5% молока. Потом Хрущёв запретил держать коров. Сколько было слёз и проклятий в его адрес, когда высокоудойных коров сдавали на мясо! Но пока Ночка с нами, значит, и мы сыты, хотя большая часть молока продавалась: нужны были деньги на погашение ссуды за дом и на всё остальное.

Дом нам нравился. С окнами на трёх стенах, он с утра до ночи просвечивался солнцем. На конёк отец установил выпиленное им самим из дерева солнышко, посадил несколько яблонь, тополя, смородину невиданного сорта: ягоды, как виноград, свисали до самой земли, почти закрывая листья. Мама в палисаднике насажала флоксов, по завалинке – ноготков, вдоль забора – рябину и сирень. Дом делился на четыре квадрата. Справа – кухня с выходом во двор, слева – прихожая с выходом на веранду и на улицу. Ещё квадрат – большая комната, где посредине стоял тяжёлый дубовый стол, комод, между окон висело зеркало, стояла этажерка с книгами, в углу висела большая, в тяжёлом золотом окладе, икона. Со временем появилась оттоманка с вышитыми на подушках чехлами. Над ней висели красивые старинные часы, футляр которых съел жучок, и отец заменил его самодельным. Сейчас эти часы и баян «ленинградского строя», на котором никто, кроме отца, не умел играть, находятся в нашем музее. Над столом висела красивая люстра из тонированного стекла, которую сделал тоже отец. Это какой же труд – нарезать на полоски стекло, на круге запилить, затонировать, просверлить отверстия, закрепить на трёх обручах в виде перевёрнутого цветка, всё на заклёпках, цепочках – красота! У стены стояла никелированная кровать, где мы спали с сестрой Женей. В комнате росли фикус, столетник, бальзамин. Над нашей кроватью висел плакат: на фоне летящих истреби-

телей стояли лётчики и была надпись «Всё выше, и выше, и выше!» Потом его сменила картина, написанная бродячим художником. Тогда много таких ходило по домам, но рисовали все один сюжет: остров с ёлками, плавающих лебедей, или ещё сидящую в кресле красавицу, никого не смущало, что красавица была выше ёлок. Мне очень нравились ёлки, они действительно были хорошо написаны и будили воображение. Четвёртый квадрат – спальня родителей, с дверью в большую комнату и на кухню. В спальне на стене висели два ружья. Одно – обычная двустволка, но другое – маленькое, всё в серебряных узорах с инкрустацией. Я такое позже видела в музее в Ленинграде. Один «прилипала» всё просил отца продать ему это ружьё и так надоел своим нытьём, что отец отдал ружьё даром. Как жаль, что я тогда была ещё мала и не могла спасти эту драгоценность.

От нашей улицы до проспекта Ленина было сплошное поле, где все желающие сажали картошку, которую нещадно воровали. Отец, страдавший бессонницей, не выдерживал и стрелял из окна поверх голов воришек, те на некоторое время разбегались, а потом возвращались вновь.

Мы с сестрой любили кухню, потому что там стояла очень аккуратно сложенная русская печь, о которой современные дети имеют туманное представление только по сказке про «Емелю-дурачка». Зимой, очоленевшие, мы с сестрой забирались на тёплую лежанку, где распластался огромный лохматый тулуп, и для нас наступал рай. Как хорошо там было шептаться, дремать, слушать мамин голос и побрякивание посуды, вдыхать вкусные запахи щей или пирогов, вынутых из глубины разгорячённой печи, зарываясь в космы тулупа, попавшего к нам необычным способом, будто специально уготованный для лежанки.

У отца был офицерский полушубок, который сидел на нём, как влитой, на голове кубанка с красной полосой. Всё это было куплено на «барахолке». Вот таким модником он поехал в Ленинград по каким-то делам. К вечеру зашёл перекусить в столовую, полушубок повесил на вешалку, с кем-то познакомился, выпили, а когда собрался уходить, то вместо полушубка обнаружил это страшилище. Отец сидел до закрытия столовой в надежде, что человек ошибочно приоделся в его полушубок и вернётся. Но никто, естественно, не пришёл. Отцу пришлось закатать огромные рукавицы и, поддерживая полы, так как они на полметра, если не больше, волочились по земле, добраться до Московского вокзала и только утром отправиться домой.

Помню, как мама ходила по дому, утирая слёзы, бегала к последним поездом встречать отца, а рано утром мы уже торчали у окошек, высматривая его. И вот мы с Женей увидели какое-то существо, еле бредущее к дому. Присмотревшись, мы закричали: «Папка приехал!» Мама мельком взглянула в окно: «Ну, какой же это папка? Глупые!» «Папка, папка!» – вопили мы. Мама ещё раз посмотрела и охнула: «Да в чём же он одет, окаянный?!» Слёз у неё как не бывало! Сцену встречи описывать не буду, но тулуп трогать не стали, а закинули на печь на радость всем, желающим погреть кости.

На кухне стояли два стола – один для всяких дел и общих обедов, другой – с ящиком для посуды, только наш с сестрой. Взрослые за этот стол никогда не садились. Также были для нас отдельные полотенца. В углу висела икона Николая Чудотворца, под которой было место отца. На стене находился посудник, сделанный отцом. Очень удобное приспособление – полка с горизонтальными и вертикальными перегородками для тарелок, чашек и прочей посуды, хотя тогда её было мало. Мне очень нравился хват,

которым мама сажала в русскую печь чугушки, кастрюли. Никогда не забыть вкус пшённой каши из чугушка, сверху чуть подрумяненной и слегка заправленной маслом. А чёрные щи из крошева (из зелёных листьев капусты)! На плите такое не сварить. Я особенно любила пирожки «калитушки». На ржаную лепёшку мама клала картофельное пюре с яйцом, смазывала сметаной и выпекала. Получались золотисто-коричневые, необычайно вкусные ватрушки, которые мы ели с топлёным молоком, поддевая жирную пенку. Конечно, пироги были только по праздникам, если удавалось достать муку. Мама иногда пекла в печке и хлеб. Замешивала тесто в деревянной кадлушке, на деревянную лопату, на капустный лист сажала круглый каравай, протыкала сверху вилкой несколько рядов дырочек и – в печь. Аромат от домашнего хлеба не описать. Не было тогда в муке из чистого зерна никакой химии, потому и вкус был отменный. Поесть бы сейчас этого хлебушка, вдохнуть бы запах родного дома. Посидеть бы с родителями, как в детстве, в полутёмной комнате, пока в доме не было электричества. На столе стояла лампа, отбрасывая на стены фантастические тени. Мы все сидим за столом в комнате. Если мама свободна, то просим её и отца что-нибудь нам нарисовать. Мама прибавляла огня в лампе, давала лист бумаги отцу и, подзадоривая и поддразнивая друг друга, кто из них лучше рисует, они рисовали нам смешных человечков, кур, петухов, приговаривая: «Вот это Инна Женю ведёт за руку, а это курочка червяка нашла» и так далее. Но такие вечера были редко. Игрушек у нас почти не было. Мама шила нам кукол, смешно рисуя им лица карандашом. Уже намного позже она где-то купила мне большого зайца, которого ночью я укрывала, а сама мёрзла, так как одеяло было узкое. Потом появились две красавицы куклы с керамическими головами, которых мы быстро разбили, и,

наконец, для Жени был куплен большой пупс – кукла из целлулоида с пустыми голубыми глазами, которая стала между нами настоящим яблоком раздора и незабытой детской обидой, смешно сказать, на всю мою жизнь. Сидит сейчас на шкафу эта полуразбитая кукла, подкрашенная и наряженная мною как напоминание о моих страданиях. Женя забирать к себе её не хочет, она ею наигралась в детстве, а я не могу от неё избавиться. Вообще, детские обиды – это страшное дело! Как нужно быть родителям по отношению к детям справедливыми, как нужно объяснять ребёнку ситуацию, чтобы он мог понять, почему родители поступают именно так. Со мной было всё иначе. Я считалась старшей, разница в два года, здоровой, боевой и потому была всегда на втором плане во всём: лучший кусок, новое платье, какая-нибудь безделушка – для Жени, а мне не обязательно, она – «ребёнок». С этим прозвищем она у нас живёт до сих пор. Сейчас-то мы взрослым умом всё понимаем, но тогда... Мама нас никогда не ласкала, не целовала. «Нечего лизаться, надо сердцем любить», – говорила она. И мы никогда не целуемся. И даже сейчас у меня стойкое неприятие к поцелуям с женщинами. Все эти «несправедливости» ко мне выливались в ссоры с сестрой, перерастая в драки, о которых родители не догадывались, и так было лет до двенадцати. Но она меня всегда побеждала, потому что от природы смешливая, я, видя её злое лицо и полную решимость сразиться со мной насмерть, начинала смеяться, теряла силы и бдительность, и уж тогда она лупила меня, как хотела, а дрались мы, как мальчишки, никогда не таская друг друга за волосы. Сейчас, когда Женя приезжает ко мне из Белгорода, куда они буквально бежали из Алма-Аты после развала СССР, мы очень радуемся тому, что нас двое, вспоминаем наше детство, родителей, смеёмся, плачем.

Мы удивляемся, как мама учила нас правилам поведения, как она следила, чтобы мы правильно сидели, не горбились, не раздвигали ноги, как парни (колени вместе), не влезали в разговор взрослых, не вертелись у стола, когда были гости. Наше место было на кухне, где нас всегда кормили отдельно от гостей, мы не садились за стол после первого предложения отобедать у посторонних людей, как бы ни были голодны. Ну, и конечно, не жевать с открытым ртом, не чавкать, не совать палец в рот и тому подобное. Эти правила вошли в нас органично и навсегда. Мы никогда не должны были появляться перед отцом в полураздетом виде, например, в юбке, но без кофты. И я, уже будучи замужем, была шокирована тем, что моя золовка ходит в нижнем белье перед отцом и братом.

Нас никогда не били, не ставили в угол, но ругать ругали. И всё же однажды я испробовала «берёзовой каши». Мы играли с Галей Денисовой в дочери-матери. Она была такая хорошенькая, маленького роста девочка (она и сейчас симпатичная, маленькая женщина). Я ей говорю: «Поеду в Ленинград, куплю тебе что-нибудь вкусное, а ты не балуйся, жди меня». И я «уехала» на кухню, отодвигаю за-

слонку печи, забираюсь туда до половины, оставляя заднюю часть тела без присмотра, ложкой забираюсь в кастрюлю с компотом и начинаю вылавливать ягоды в чашку. Мама пришла с дойки коровы и, увидев такую «мишень», успела несколько раз стегнуть меня прутом, так как я быстро не могла вылезти ногами вперёд. «Ах ты пакость», – приговаривала она. Помню, что я даже не заплакала.

А как мама готовила дом к праздникам, особенно к Пасхе! Стиралась буквально каждая тряпка, перемывалась вся посуда, хорошо, что её было мало; некрашеный пол голиком с песком драили до белизны, застилали чистыми домотканными мамой половиками, чистили клюквой до золотого блеска медный тульский самовар, которым мы постоянно пользовались, все цветы протирались, стёкла сверкали хрусталём, занавески полыхали белизной, иконы чистились. Даже отец в своей каморке наводил порядок с инструментом. В общем, всю неделю до Чистого Четверга работали не покладая рук. Потом красили яйца в луковой шелухе, пекли куличи, необычной высоты, вкусные, сдобные, украшенные разными завитками, с буквами Х.В. Печь куличи приходили и соседи, оживление было в доме целый день. Мама варила на редкость вкусную «Пасху». Конечно, продукты были все свои, без химических добавок. Я помню, как мама готовилась печь куличи. Обязательно помолится, тесто благословит, а уж потом начинает с ним заниматься. Она вообще была великой мастерицей печь пироги. К сожалению, я не переняла это умение, похожие пироги получались у моей двоюродной сестры Веры Васильевны Кушаковой. Готовые куличи и яйца в субботу перед Пасхой освящались. Сначала это делала мама, а потом я, когда подросла.

Вечером на Пасху ждали гостей, которые приезжали на ночную службу. Это были бабушка с дедушкой из Рябова, мамыны двоюродные сёстры из Костуи. Уходили к 11 часам вечера, чтобы вернуться утром, и если повезёт, то посмотреть, как «играет» солнце. Однажды дедушка приехал один, посидел, да и пошёл в темноте. Через какое-то время слышим стук в дверь: «А, дочь, вернулся я. Так одному не хотелось в такую даль идти. Бог простит». Конечно, его Бог простил, если он умер через несколько лет в Пасху. А тогда все как-то обрадовались, дождались полуночи, спели «Христос воскрес!» да и сели за праздничный стол, Мы, ребятишки, очень любили этот праздник, хотя в школе все делали вид, что нас это не касается. Обменивались яйцами, играли в «стукалку»: чьё яйцо крепче. Ждали яиц от всей родни. Мама всегда дарила яйца моим приятелям, обязательно тем, у кого не было кур. С курами бывали всякие заморочки. Одна наша курица любила нестись у соседки, и мама не всегда брала найденные яйца. Иногда куры устраивали себе гнёзда, где им нравилось – на хлеве, на городине. Как же было интересно везде лазить и искать эти гнёзда! Бывало в одном гнезде штук до 12 яиц.

На нашей улице осталось несколько воронок от бомб. В одной из них мы даже купались. Две воронки были на нашем огороде. Одну засыпали, а другую, рядом с домом, использовали для полива грядок. Вот я решила сделать плот и поплавать в удовольствие. На тонкие жердины набила доски, взяла в руки палку, спустила плавсредство на воду и храбро на него шагнула. Была ранняя весна, на мне – пальто и боты. Хорошо, что, не выдержав тяжести, плот перевернулся сразу, и я ухнула только по пояс, успев как-то упасть на край воронки, отпустив палку. Не знаю, как мне удалось скрыть от мамы это происшествие, но помню, что я очень испугалась: плавать тогда ещё не уме-

ла. Зато летом я быстро научилась плавать, сначала держась за надутую воздухом наволочку, а потом и без неё. Купались в нашей реке напротив ДК у большого камня. Купались до синевы, отогрелись на горячем песке и снова лезли в воду. Родители как-то не очень беспокоились, где мы пропадем целые дни. Они знали, что мы все вместе уличной компанией. Сколько летом мы съедали разной травы! Мы ели верхушки у полевого хвоща, называя их «пупышами», кстати, очень сытные, ели щавель, который рос везде, клевер, выдёргивали все колосющиеся травы и обкусывали сладкие кончики. Наверное, мы попробовали на зуб всё, как первобытные люди.

С раннего детства мы все помогали родителям по хозяйству. Всё начиналось с копки огородов. Копали все, кто мог держать лопату, я копала хорошо и быстро, но плохо отделявала межи. Интересно было смотреть, как почти все соседи одновременно выходят на грядки, заборов ещё никаких не было, и было видно, кто как работает. Мелькали лопаты, отдохнувшая за годы войны земля чёрными тяжёлыми комьями блестела на солнце, выбрасывая мелкие трофеи в виде черепков от посуды, гвоздей, кирпичей, но иногда что-нибудь неожиданное. Так, Женя выкопала интересный металлический подсвечник в виде жнеца с серпом в руке. Я, вероятно – пепельницу в виде сидящей на лестнице девушки, снимающей яблоки. После копки начинались всем известные работы: посадка, прополка, окучивание, поливка.

Все ребяташки помогали на огороде своим родителям. Иду я, бывало, подросток с двумя полными вёдрами воды на коромысле. Вёдра, тяжеленные, меня водят из стороны в сторону, хорошо, что мама не видит, а то бы заругала. Но мне хочется быстрее закончить поливку и убежать на улицу. Мы с сестрой продавали на рынке зелёный лук, ягоды,

которые приносила мама из леса. Пока мы подрастали, пока держали скотину, мама не работала на производстве, а заготавливала для зимней продажи клюкву, за которой даже ездила с подругой Верой на Макарьевское болото, в такую даль! На этом болоте они находили скелеты солдат, неизвестно чьи. И Вера частенько пугала маму, поднимая очередную находку за позвоночник.

Особая пора была – сенокосная. Нас с сестрой иногда родители брали с собой. Мы ворошили душистое, разноцветное сено, над которым носились бабочки и слепни. Последние больно кусали. Вокруг всё благоухало разогретыми запахами скошенных трав, жужжало, чирикало, жило своей жизнью, а мы, разомлевшие от яркого, горячего солнца, падали на валики подграбленного сена и не хотели вставать. «Эй, помощницы! – слышался голос мамы, – Идите обедать». Нет ничего лучше вкусного обеда в лесу! Тот же хлеб, то же молоко, картошка с солёным огурцом, одним словом, всё, что приносилось из дома, – всё съедалось до последней крошки с большим удовольствием. В те времена трава скашивалась под каждым кустом, где только доставала коса. Скашивали вдоль железной дороги почти до Колпина. Не было палов сухой травы, не было самовозгораний от бутылок, так как лес был чистый. Для нас, ребятни, было много радости, когда сено привозили к дому, и пока его не убрали, мы прыгали с крыши сарая в его одуряющую запахом густоту, зарываясь по самые уши, набирая за шиворот разных колючек, чешуек, травинок.

Мы часто ходили в лес за хворостом, что категорически запрещалось. Может быть, на это требовалось разрешение, я не знаю. Но мы с верёвками шли в ближайшие кусты, набирали охапки засохших веток и несли домой, зорко поглядывая по сторонам, чтобы не нарваться на лесника, один из которых был нашим соседом. Однажды, рас-

тянув верёвки (это была ценность), мы уложили на них сушняк, не успев завязать, как увидели лесника, едущего со своей невесткой на телеге. Всё побросав, мы залегли в кустах. Лошадь остановилась, Мария-невестка спрыгнула с телеги, забрала наши верёвки, и лошадь тронулась. Это так меня ошарашило, что само собой родилось что-то вроде частушки, которую в ярости я прокричала вслед удаляющейся телеге:

Мар-Мар-Мар-Маруська,
Маруське тридцать лет,
Стибрила верёвки,
У нас верёвок нет!

Вечером мама пошла к леснику каяться и выпрашивать верёвки. Он вернул всё, он был неплохой человек, и его сын бывал в нашей компании. Но одного лесника Ч., который очень лютовал, поймали в лесу, привязали на верёвке к грузовику и провезли по лесным дорогам несколько километров. Помню, что жалости к нему ни у кого не было, хотя поступок очень жестокий. Его сын приходил на нашу улицу играть, так как ему нравилась одна особа.

Я удивляюсь тому, как мы с таких малых лет пытались помочь родителям заработать какие-то копейки. Мы собирали лекарственные травы, благо экология тогда позволяла это делать, сдавали в нашу аптеку; мы ездили на грузовике сажать берёзы вдоль шоссе, даже не знаю, от какой это было организации. Вечером за нами приезжал грузовик, нам сразу платили деньги, очень небольшие, но мы были рады. Мы учились шить, вязать, вышивать, я-то в этом не очень преуспела, но сестра Женя – золотые руки. Я почему-то больше люблю мужской инструмент.

После войны через Тосно шло много всякого народа, часто за окном вечером слышалось какое-то царпанье. Иногда мы отдёргивали занавеску и видели сплющенное,

прижатое к стеклу лицо, зрелище не из приятных, лицо сразу падало вниз, но иногда потом раздавался робкий стук, и кто-нибудь просился на ночлег. Родители всегда впускали переночевать, ничего не боясь, и даже вшей. Один священник жил у нас дня четыре и всё уговаривал маму и отца обвенчаться. Однажды я привела с вокзала старуху с узелком, она прожила у нас два дня, пока неприятный запах не заставил маму заглянуть в её узелок. Там оказались обрезки мяса, которые протухли. Жадная бабка не поделилась с нами, хотя мы её кормили. Двери домов днём никогда не запирались.

Помню, как во дворе появился человек в военной форме. Он с любопытством смотрел на меня. «Ты Инна? – спросил он. «Да, – ответила я. «А я твой крёстный Митя, – продолжал он. – Вот возвращаюсь домой». Тут во двор вошла мама, вскрикнула и повисла на нём.

Как же после войны народ хотел веселиться! На каждый праздник собирались всегда у нас, вкладчину накрывали стол. Но бывали и дни рождения. Тогда мама с отцом писали имена родных и друзей и вслух рассуждали, кого пригласить, чтобы другой не обиделся. Родня была очень большая, да и друзей хватало. Наконец, в списке оставляли человек двадцать пять. Надо было думать, чем напоить, чем накормить. Почему-то все тогда варили брагу: то ли водки не было, то ли на неё не хватало денег. Но в розлив в «шалманах» она была. Ставилась огромная бутылка браги, мама её делала то с изюмом, то с вишней, в зависимости от сезона, и брагу мамину ценили. В магазине «Сельпо», нынешнее «Райпо», в деревянных корытцах лежала чёрная и красная икра, висели гирлянды твердокопчёной колбасы. Но мы не обращали внимания на эту роскошь, я даже не знаю, сколько это стоило. Мама караулила очень дешёвую ливерную колбасу, селёдку, солёную треску, которую она

вымачивала и подавала с горячей картошкой, луком, заправленной подсолнечным, без примесей, маслом. Вот что примерно стояло на столе у нас в праздники после войны: винегрет, макароны с молотой ливерной колбасой и жареным луком, селёдка с луком, иногда студень, жареная рыба (треска), бычки в томате, квашеная капуста или огурцы, горячая картошка, чай с пирогами, если удавалось достать муку. Гости приходили шумно, весело, радостно приветствуя друг друга. Было большим счастьем, если кто-нибудь из них давал нам карамельку или пряник. Мы с Женей стояли в сторонке, к накрытому столу не смея даже приблизиться, и так было лет до семнадцати. На день рождения приносили чулки (простые), альбом для фото, кусок ситца, штапеля, заварной чайник, шесть дешёвых тарелок и прочие «ценности». Но любой подарок был в цене.

Открывал застолье отец. Он важно вставал, все умолкали, и первый тост произносился за Сталина, за Родину. Все кричали трижды «Ура!», и уже больше о Сталине никто не вспоминал. После смерти «отца народов» уже никогда о нём в компаниях не вспоминали. Поднимали гранёные стаканы, дружно чокались, поздравляя хозяйку или хозяина, или просто с праздником, пробовали закуски, нахваливая маму. Как же тогда много ели! Изголодавшийся за годы войны организм, казалось, не знал меры в еде. Только благодаря маминой щедрости на столе всё же кое-что оставалось. Закусив, начинали разговаривать, вспоминать войну, поднимали стоя стаканы на помин души погибших родных, знакомых, кто-то плакал, кто-то пытался что-то сказать, но его всегда одёргивали: «Ладно, дорогой, помолчи, не надо». Боялись сказать слова правды. А правда была очень страшной. У наших бывших хозяев на улице Трудовой из немецкого плена вернулся сын Ваня, молодой

парень. Не успели высохнуть слёзы радости, как его арестовали, и сгинул он навеки в сталинских лагерях.

Отец брал в руки баян, и вырывалась, как крик души, русская песня. Петь умели все, голоса были чистые, звонкие, в песни вкладывали всю боль, все страдания, о чём в жизни молчали. Иногда соседи останавливались около забора и слушали этот хор. Пели песни военные, их знали много, и авторских и переделанных на мотив о синем платочке; пели много старинных, даже, как я узнала позже, студенческую восемнадцатого века. Её запевал отец своим красивым, от природы поставленным голосом: «Из страны, страны далёкой, с Волги-матушки широкой, ради вольного труда, ради радости весёлой собралися мы сюда...» Её подхватывали мощно, задорно: «Пьём с надеждою чудесной из бокалов полновесных...» Потом пели «страдания»: «Сколько брату ни работай, брату дом не наживёшь, свою силушку положишь, в чужи люди жить пойдёшь». Потом опять тосты, шутки, хохот и, наконец, пляски: «барыня», «русская», «цыганочка». Плясали, крепко отчеканивая «дробь», приостанавливаясь на минуту, чтобы спеть частушку:

Мне не надо лейтенантов,

Мне не надо «кубарей».

Мне бы шофера в кабине,

Да побольше сухарей.

«Кубари» – так звали офицеров, когда вместе погонов со звёздами были кубики на воротнике гимнастёрки или кителя.

Надоели мне бараки,

Надоели коечки,

А ещё мне надоели

Лесозаготовочки.

Мужчины ударялись вприсядку. У одорукого маминного брата пустой рукав вылезал из-под ремня и бился, как перебитое птичье крыло, взлетая в стороны и обвиваясь вокруг крепкого тела. Лукаво поглядывая на отца, какая-нибудь женщина вдруг вставляла частушку с «картинками»: «На телегу я не лягу...» Отец странно хмыкал, переставал играть и ставил баян в сторону. Он очень не любил такие частушки и мат. Виновница под всеобщее хихиканье подходила к нему, обнимала, чмокала в щёку: «Ну, Тимушка, миленький, больше не буду...» Отец милостиво прощал, начинал играть, терял бдительность, и опять звучало от другой: «Всё картошка, да картошка...» Опять история под всеобщий хохот повторялась. Наконец, отец начинал играть вальсы, «Ланце», правильно «Лансье», это танец из пяти фигур, и танцующие начинали вспоминать, какая фигура за какой идёт.

В один из таких праздников мама учудила. Мы, ребята, как всегда, толпились в прихожей, смотрели, слушали. Мама обычно всех кормила на кухне. А тут она совсем расщедрилась, вынесла нам блюдо вишни, вынутой из браги. Ягоды были очень вкусные, и она отдала их нам как угощение. Конечно, мы набросились на них, а было нас пятеро: трое мальчишек и я с подружкой Лилей. Мы ели их на веранде. Больше я ничего не помню. Заметив, что мы куда-то делись, мама заглянула на веранду и увидела нас мертвецки спящих в самых необычных позах, лежащих буквально вдоль и поперёк друг на друге. Она перепугалась, все гости выскочили из-за стола, и только мужчины сразу поняли, что мы все пьяны! Нас, не трогая, укрыли чем попало, и мы несколько часов крепко спали.

Мы с сестрой с детства пропитаны русской песней. Я всю жизнь люблю фольклорные ансамбли. Слушая их пение, я испытываю какую-то глубинную непередаваемую

тоску, часто плачу на их концертах. Душа стонет и мечется и как бы очищается от всего наносного, не нашего. Это всё сливается с воспоминаниями об ушедших родных: родителях, сыне, муже...

В храме перед образом вспоминаю вас,

Таёт воск и капает, как слеза из глаз.

Одним из любимых праздников был Новый год, потом Рождество и Святки. Вообще-то, в Святки надо вести себя пристойно, побольше молиться, но истосковавшаяся в годы войны душа требовала радости и веселья, и потому по улицам ходили компании ряженных, причём, это были очень даже взрослые женщины и мужчины, иногда около них вились ребятишки. Описать, во что они были наряжены, довольно сложно, но лица их были разукрашены разными цветами, от сажи до свёклы. Они несли разные кухонные предметы, например, кастрюли, в которые стучали, пустые бутылки с камешками внутри, выдумки хватало. Со смехом, частушками они вваливались в дом, часто к знакомым, и начинался концерт. Хозяйева всегда их встречали весело, угощали, чем Бог послал, пытались угадать, кто перед ними. И вот в один из таких вечеров мама с сестрой Тоней нарядились цыганами, мама за мужика, Тоня за его жену с ребёнком (завёрнутое полено) и поехали к своим родителям в Рябово. Там они ещё поднарядились, измазав лица, и подошли к родительскому дому. Вошли в незапертую дверь и, изменив голоса, дали концерт, заставив деда играть на гармошке, что он делал мастерски. Удивительно, что родители их не узнали, им, видно, и в голову не могло прийти, что их дочери так поздно приедут из Тосно. Мама стала просить денег на цыганёнка, дед жадничал, денег не давал, а стал ворчать на бабушку, что та не заперла дверь. Зная, что к празднику они зарезали свинью, Тоня стала просить мяса. Дед, страдая, дал ей кусок шпига, вытолкал

их взашей и закрыл дверь. Тоня с мамой насмеялись от души и пошли по Рябову, особенно чудили у знакомых. Потом вернулись к дому родителей и стали проситься на ночлег, стучали в дверь, умоляя впустить. Сердитый дед через дверь прогонял их. Они долго канючили и подвывали, но, наконец, поняли, что надо рассекречиваться, если не хотят остаться на морозе. Уже своими голосами они стали звать: «Тятя, открой. Это мы, Паня с Тоней». Дед вышел в сени, послушал их, потом приоткрыл дверь, с трудом вживаясь в своё отцовство, и, наконец, пустил, к негодованию бабушки. Долго потом все смеялись, ахали и удивлялись, разбирая добычу: картофелины, куски хлеба и шпиг.

Так и я однажды решила скототить состояние. Наряжаться нам было не во что, а вот славить Христа я умела, не беда, что дело было под старый Новый год! Я собрала человек пять своих верных мальчишек, наскоро научила их петь несколько слов, и мы отправились по домам. Я просто сейчас удивляюсь сама себе, какая я была в детстве сорви-голова. Правда, мама меня называла «саврас без узды», даже не «савраска». В первом доме мы пели совсем плохо, вернее, пела я одна, и за это мне дали денег. Я ни с кем не поделилась: «Кто не работает, тот не ест». Мальчишек обуяла зависть, они сами напросились на «репетицию». Во втором доме встречали старый Новый год, и такое развлечение для гостей было кстати. Нас щедро одарили, что-то дали со стола, и мы, воодушевлённые успехом, обошли несколько домов. У меня оказалась некая сумма денег, о которой я боялась сказать маме. Но стоило ей только показаться на улице, как всё сразу узналось. Странно, что она не ругала меня, видимо потому, что «славили Христа», только поудивлялась, поохала да объяснила, когда ходят славить. А на деньги я долго покупала петушков на палоч-

ке, которые были сделаны из настоящего расплавленного сахара, пахли так вкусно и были единственным лакомством. Теперь, когда во время простуды я на сковородке плавлю сахар до коричневого цвета, то всегда вспоминаю продавщицу с коробкой петушков и себя, стоящую рядом, с вождением смотрящую на них.

В пятидесятые годы на нашей улице произошло страшное преступление – убийство. Это сейчас мы, «приученные» к сценам насилия телевизионными передачами и разными СМИ, отупевшие, уже не реагируем ни на что, но тогда это был шок для всего посёлка. Хозяин – фронтовик с женой и маленьким сыном жили в недостроенном доме. Строились медленно, так как не хватало денег. Муж уехал в ночь на работу, а его родной брат, решив, что в доме есть деньги, пришёл вечером к ним и топором, на глазах ребёнка, зарубил мать, а потом и его, потому что он кричал: «Дядя Боря, не убивай маму!» Денег убийца не нашёл. Хозяин утром вернулся с работы... Хотя всё вокруг было обсыпано махоркой, собака взяла след. Я на всю жизнь запомнила набитый народом дом, посреди дощатый гроб, в котором лежала женщина, а под её левой рукой её сын со шрамом на левом виске, грубо зашитым толстыми нитками.

Преступника приводили на следственный эксперимент. Народ собрался, казалось, со всего посёлка. Мы молча стояли по обе стороны улицы, напряжение было жуткое, и если бы не милиционеры, окружившие его со всех сторон, толпа его бы растерзала. Он шёл в казённом полушубке, что нас потрясло, и спокойно смотрел на всех. Кажется, его осудили на 25 лет.

Из окна в кухне мы поневоле наблюдали за жизнью наших соседей Савиных. Тётя Таня, измученная работой и заботой о большой семье, рано утром уезжала с бидонами

молока в Ленинград. Они никак не могли достроить веранду. Хозяин семьи, работавший кем-то на железной дороге, важный и довольно ленивый, не проявлял особого рвения к домашним делам. Двое взрослых сыновей-двойняшек следовали его примеру, но однажды мы не поверили своим глазам! С самого утра парни принялись достраивать веранду. Они ловко покрыли крышу, зашили тёсом боковые стены, оставалось только вставить рамы. Мама очень удивилась, что за несколько лет не достроенная веранда преобразилась за несколько часов! Приехала тётя Таня, не знаю, удивилась ли она. Но зато поразились все мы, когда увидели, как эти же парни вышли на улицу и разобрали готовую веранду до прежнего состояния буквально за час! Оказалось, что они стали просить у матери денег на бутылку водки за работу, она отказала в просьбе, и они решили таким образом её наказать! Веранда так и не была достроена до сноса дома.

Жизнь шла своим чередом, потихоньку налаживался быт. Маме очень надоели отцовские выпивки, она попросила директора, уже тогда не артели инвалидов, а фабрики, перевести часовщика на работу в цех. Отец к тому времени оставил вместо себя своего ученика, но тот не пользовался успехом, и будку скоро закрыли. Переход в цех для отца стал праздником. Там работали все его знакомые. В цехе делали оправы для очков, клеили корочки для пропусков и ещё разный ширпотреб. Отец сразу же попал в передовики, и его фотография красовалась постоянно на доске почёта, а часы он ремонтировал «втихаря» дома, но это тщательно скрывалось, за это можно было сильно пострадать, вплоть до тюрьмы. Вспоминаю, сколько раз приходили к нам какие-то люди, осматривали всё вокруг – не найдут ли след «нетрудовой деятельности», сколько раз спрашивали нас с Женей: «Чем ваш папа занимается по вечерам, он часы не

чинит?» Но мы, наученные родителями, бодро отвечали: «Наш папа вечером пьёт водку и поёт песни». Сколько было дикого в те времена! Отец почти никогда не брал денег за ремонт часов, это было его любимое хобби, как сказали бы теперь.

Почему-то родителям надоела русская печь, и они по моде тех лет поставили плиту с духовкой и стояком. Места в доме от этого не прибавилось, а вот куличи печь приходилось у других, да и полежать, погреться было уже негде.

Мы с сестрой подрастали. Яблони, посаженные отцом, стали плодоносить. В большой родне стали появляться первые горькие потери: от ран умерли родной брат отца, брат мамы и другие родственники. Я однажды со своей знакомой зашла к ней домой. На кровати лежал её дядя – полковник, на вид ещё очень крепкий мужчина. Он вдруг почему-то подозвал меня к себе и сказал: «Девочка, запомни навсегда, что Бог есть». Больше он не сказал ни слова и вскоре умер, а я так и не узнала его имени и даже забыла эту знакомую.

Моя мама всю жизнь очень много работала. Она была складная, быстрая, ловкая, с красивыми ногами, про кото-

рые, смеясь, говорила: «Да, подстановочки-то у меня ничего!» Мама орудовала топором и ножовкой лучше иного мужика. Отец в вечернем подпитии мог только с соседями петь песни да играть на баяне, сидя на брёвнах, привезённых кому-то для стройки. А как она вышивала крестиком, снимая откуда-нибудь сложный рисунок! На изнанке у неё были ровные по косой линии полоски. Она шила нам платья, украшала их оборочками, воланчиками, и мы с Женей ходили относительно нарядными. Она никогда не сидела без дела, не болтала с соседками. Она много помогала однорукому брату и его семье, косила сено, копала огород, всю жизнь помогала по хозяйству полуслепой сестре, носила ей продукты из магазина, когда у той умер муж, заработавший в концлагере в Германии туберкулёз. Уже лет в 76 мама увязалась со школьниками на уборку моркови в Шапки и там так поработала, что бригадир попросил её вместо учеников привезти ещё несколько таких бабушек. Ей дали столько моркови, сколько она могла поднять!

Мне исполнилось пятнадцать лет, и я пошла работать и учиться в школу рабочей молодёжи. Я приходила из школы около двенадцати ночи, а утром на работу мы должны были являться к восьми часам. Концерты отца были не всегда кстати, он, если был навеселе, то не мог спать, а бродил по дому, пытался с нами говорить. Он был очень добродушный по характеру и особенно ласков с мамой. Если бы она его пьяного не «заводила», то, может быть, и не было боёв «быка» (отца) с «гладиатором» (мамой). «Паничка – милочка, ну что ты такое кричишь? Деточки мои, ну что говорит ваша мама?!» – это обычная прелюдия перед ссорой. Удивительно, как мои родители могли ругаться, не употребляя мата. Мамины ругательства не выходили за пределы слов «окаянный» и «паразит», но она так их мастерски комбинировала с другими словами, что отец, со-

вершенно побеждённый, заявлял, что всё – его здесь не любят, он никому не нужен, и что он уезжает в Сибирь. В другие места он почему-то не «ездил». Отец начинал собираться. Он клал в скатерть на столе краюху хлеба, луковицу, от часов ободки, которые у него висели на верёвочке, завязывал скатерть узлом. Надевал мамину пальтушку, в которой она ходила в хлев, пуговицы, конечно, не сходились с петлями, нахлобучивал шапку и, всхлипывая, со словами: «Прощайте, мои деточки, прощай, милоч!» – выходил через дверь, ведущую во двор. Женя, пока была маленькой, верила в его «отъезд» и начинала плакать, я её успокаивала. Отец открывал ворота, обходил вокруг дома и через некоторое время начинал отчаянно колотить в переднюю дверь. «Девчонки, – говорила мама, – идите, откройте дверь, паразит приехал!» Женя бросалась его встречать, я иронично наблюдала за этой встречей. «Миленькие мои, – радостно говорил отец, – вышел я: темно, холодно, куда, думаю, я поеду от миленьких моих? Взял, да и вернулся». Он разбирал узел, стелил скатерть на стол и шёл спокойно спать.

В конце концов маме все эти выпивки и «отъезды» надоели, и она решила его отделить. «А ты ему будешь стирать, ведь он такой чистюля?» – ехидно спрашивала я. «Ничего делать не буду», – запальчиво отвечала мама. Она пригласила печника, со стороны стояка сделали вторую плиту, забили проход из кухни в прихожую, и дом оказался поделённым пополам. Это было ещё одно действие из ненаписанной оперетты. От незнания, что там из еды готовит себе отец, у мамы ложка со щами не лезла в горло, и она просила меня снести ему еду, но, как бы, без её разрешения, и для достоверности она уходила из дома. Я, конечно, с радостью всё относила отцу, причём, «продавая» мать, да ещё и прибавляя что-нибудь от себя: «Да она всё

время плачет втихаря». Отец, как мы узнали потом, в перегородке просверлил много дырочек и целыми вечерами подглядывал за нами, передвигаясь от одной к другой. Но, видимо, за время «развода», который длился недели две, отец ни разу не выпил. Вскоре меня от работы отправили на месяц в колхоз. А когда я вернулась, то увидела прежнюю кухню со стояком и одной плитой, смущённую мать, весёлого отца – ударника коммунистического труда – в подпитии, и всё стояло несокрушимо на своих «рельсах».

Как Тартарен из Тараскона, отец стал однажды с приятелем собираться на охоту за тетеревами. Задолго до этого события он сам сшил большого чёрного тетерева с красным гребнем, купил свистульку – манок. Накануне охоты на столе были разложены гильзы, порох, дробь, пыжи. Гильзы набивались, патроны укладывались в патронташ. Всё делалось основательно, я с подвохом спрашивала: «А не жалко птиц убивать?» Отец не мог даже заживевшей старой курице отрубить голову. Для этого приглашалась соседка тётя Наташа Камахина, которая иногда и уносила домой эту же курицу, так как по какой-то странности мы никто не ели курятины и крольчатины. Меня к курятине с большим трудом приучил муж. Не помню, на чём и на какой тетеревиный ток он ездил, но привёз в мешке разбитого вдрызг тряпичного тетерева и пучок берёзовых веток с молодыми клейкими листочками.

Мама всё же не оставила своей попытки подвести отца под «сухой закон». Я к тому времени уже вступила в народную дружину, что отцу очень не нравилось.

И вот однажды, после очередного «боя», мама на ночь решила посадить отца в милицию. Она думала, что это его напугает, и с водкой будет завязано. В то время сдать пьяного в милицию было проще простого. Подъехал «воронка», отца «под белые руки» посадили и увезли. Даже сей-

час я испытываю какой-то стыд за этот поступок, но мама была совершенно спокойна. На другое утро, когда чуть рассвело, ещё не было шести, около нашего дома раздался треск мотоцикла с коляской. Мы вскочили и бросились к окнам. Милиционер очень аккуратно помогает отцу сойти с коляски, ведёт его к крыльцу и говорит маме, открывшей дверь: «Больше никогда не вызывайте, разбирайтесь сами, мы его никогда и ни за что не возьмём даже на час!» Потом развернулся и уехал. Я стала приставать к отцу с расспросами. Он только хмыкал что-то и смеялся. Разделся и на часок прилёг перед работой. Я уже потом, бывая с дружинниками в милиции, всё узнала подробно. Оказалось, что уже в «воронке» он начал пробовать свой голос, а когда его уже вводили в здание, он во всю ивановскую пел: «Мы смело в бой пойдём за власть Советов и как один умрём в борьбе за это!» С этим боевым кличем он прошествовал в камеру, где уже находилась компания его знакомых и ещё не знакомых мужиков. Их ликование не было предела. Вопли: «Тимку – часовщика привезли!» – достигли соседней камеры, и там стали кричать: «Давай его к нам!» В общем, началось то, чего никогда в милиции не было! Не думаю, что современная полиция стала бы всё это терпеть, наверняка бы всех избili дубинками! Но тогда начался концерт. Отец понял, что зрителей и слушателей полно, и он развернулся во всю силу своего таланта. Он пел разные песни, от русских народных до блатных, от «Мурки» до «Огонька», и все подпевали. Он читал стихи: «Сижу за решёткой в темнице сырой» и, не зная слов до конца, начинал импровизировать, вплетая имена знакомых милиционеров, которые чинили у него часы. Его просили замолчать, выводили из камеры, поили чаем, но его горло, как вулкан, извергало песни одну за другой. Говоря современным языком, вся милиция до утра «стояла на ушах».

Еле дождавшись утра, видимо, боясь, что он захочет задержаться в «тюрьме», отца не то чтобы отпустили, а скорее, уговорили вернуться в родимый дом, чтобы больше никогда его не видеть у себя. Конечно, на работу никто ничего не сообщил, и фотография отца по-прежнему с любовью смотрела на маму с Доски почёта, когда она пришла работать на фабрику.

Я никогда не слышала, чтобы отец плохо говорил о ком-то, он никогда ни с кем не ссорился, его все любили, и если он иногда не мог по известной причине дойти до дома, то его всегда приводили, иногда незнакомые люди. Я могла бы описать много историй, связанных с отцом, все самые весёлые праздники связаны только с ним. Как он мог обыграть любую ситуацию, сколько было у нас разыграно разных сцен с переодеванием, с шутками, с выдумкой! Все любили ходить к нам в гости из-за песен, плясок, музыки и, конечно, из-за обильного угощения с мамиными пирогами. Отец любил приводить в дом незнакомых, случайных людей, с которыми сходил за рюмкой. Однажды он привёл какого-то человека по имени Адам. Они сидели на кухне с бутылкой, разговаривали, пели. Но, так как было уже поздно, то я предложила Адаму уйти домой. Отец стал возражать. Видя, что его поддерживают, Адам осмелел и, довольно грубо выругавшись в мой адрес, велел мне убираться и не мешать им. У нас с отцом произошла одна и та же реакция – я покраснела, отец буквально побагровел и стал приподниматься с места, сжав кулаки. Я же просто впала в ярость, схватила ничего не понимавшего Адама за шиворот, почти волоком дотащила до двери под крики отца: «Ах ты, сволочь! Мою доченьку обзывать? А ну, дружинница, бей его!» – и вытолкнула его за дверь. Отец живописно стал пересказывать всю эту сцену, я стала хохотать, не понимая, как я, хрупкая девчонка, могла выкинуть

за дверь нормального взрослого мужика. Больше Адам у нас не бывал. Отец никогда никому не разрешал сказать плохое слово в адрес семьи. Он очень любил, чтобы я пела ему песню «Ой ты душка, моя Дуняшка! На чём играешь, не понимаю...» Дальше шло перечисление, на чём играла Дуняшка. Отец пристукивал ладошками по столу, всем телом приплясывая в такт, явно испытывая удовольствие. Эту песню я ему пела до конца его жизни.

Из посёлка Тосно превратился в город. Начали сносить дома с нашей улицы. Если бы это были старые халупы – это одно, но это были новые, построенные на многие десятки лет дома с садами, огородами, где прошло детство, юность, где звучали голоса родных. Наш дом снесли в 1968 году, мы получили квартиры в «хрущёвке» по улице Боярова, 5.

Наш кот Пушок, чёрно-белый красавец, ни в какую не хотел жить в квартире и упорно оставался под опрокинутой доской разорённого дома. Мы носили ему еду, пытались взять в квартиру, но он орал не своим голосом и снова сидел под доской, так и сгинул.

Много лет и разных событий прошло. У отца случился инфаркт. Врачи запретили ему выпивать. Он это сделал необычайно легко, как будто, никогда и не пил. У нас так же собиралась очень поредевшая родня, так же пели песни, отец играл, как обычно, трезвый образ жизни на него не повлиял, он так же шутил, смеялся. Прошло пять лет. Перед своим днём рождения я увидела сон: подъезжаю я на грузовой машине к железнодорожному переезду со стороны Октябрьской улицы, весёлая, высунулась из кабины и вижу, что подходит ко мне женщина в чёрном и говорит: «Чему радуешься, иль не знаешь, что твой отец умер?»

Я тогда жила в Колпине. Утром в пятницу на работе разрезаю торт, чтобы попить чаю с сотрудниками, расска-

зываю сон и говорю, что если в понедельник на работу не приду, то значит что-то случилось с отцом. Не успела я договорить, как раздаётся телефонный звонок, и соседка из Тосно просит срочно приехать домой, так как плохо с отцом. «Он умер?» – спросила я. «Нет, он в реанимации», – ответила та. Можете представить выражение лиц у коллег! Я примчалась домой, к отцу меня не пустили. Назавтра был мой день рождения. Обычно кто-нибудь приходил в гости. Я нехотя накрывала на стол, был третий час дня. Вдруг мама мне говорит: «Сходи к соседям, позвони в больницу, что-то сердце у меня заныло». Я позвонила.

– Кто спрашивает?

– Дочь.

– Только сейчас умер, в 14.45.

Моя реакция была ужасной. Соседи привели меня в квартиру. Отец сделал мне этот «подарок» в мой день рождения, чтобы я всегда помнила его, даже если бы не захотела этого, и потому с тех пор я день рождения отмечаю, когда хочу.

Мама достигла возраста отца и ушла к нему 27 декабря. Мы очень боялись, что она такой же «подарок» сделает на день рождения сестры на Новый год, но она её как свою любимицу пожалела.

«Мамушка ты моя...», – когда было плохо, вздыхала вслух мама. «Мамушка ты моя...», – повторяю теперь я, потеряв всех родных и даже единственного сына.

Но надо жить, хотя бы для того, чтобы молиться за них и помнить.

Школьные годы

В период оккупации района фашистами мы были вывезены в Латвию. Последнее воспоминание о Латвии: мы, русские, стоим плечом к плечу, запёртые в каком-то сарае.

Кто-то плачет, кто-то пытается отворить дверь, наваливаются на неё, но она, видимо, ещё подперта кольями снаружи. Мне не страшно – родители рядом, младшая сестра Женя дремлет у мамы на руках. Вдруг слышны выстрелы, что-то грохочет рядом с сараем, какие-то непонятные звуки, крики, кто-то сбивает замок с дверей, люди буквально вываливаются из сарая и видят красноармейцев. Тогда, ребёнком, я не могла переживать то, что переживали взрослые, это сознание всего случившегося пришло в зрелости. Плач, крик, объятия, поцелуи и серое, мозглое небо, какая-то изморось. Нас чудом спасли, отступающие немцы не успели нас поджечь.

Возвращались на родину в товарных вагонах, набитых до отказа. Лежали все на полу на разном тряпье, рядом у каждой семьи стояло ведро для малых и больших нужд, которое на остановках выносилось. Взрослые пытались запастись водой, боясь отстать от поезда. В маленькие окна, а иногда и полуоткрытые двери, смотрели на разрушенные дома, мне особенно запомнился перекинувшийся с одного берега на другой пассажирский поезд под взорванным мостом.

Мы приехали в Тосно зимой 1945 г. Наша деревня Костуя была вся сожжена, за исключением нескольких домов. Отец рвался туда, но более благоразумная мать решила остаться в Тосно. В тёткином доме уже были поселены раньше нас прибывшие люди, и нам предоставили до возвращения хозяев уцелевший дом на улице Трудовой (ныне Боярова). Дом стоял впереди теперешнего детского сада. Мы расселились, но сразу родители стали думать о строительстве своего дома. Тосно поражало пустотой, людей почти не было, домов – тоже, за малым исключением на проспекте Ленина. От улицы Трудовой до проспекта Ленина было сплошное поле.

Наступила весна. Однажды, бегая на улице, я увидела маленький самолёт, который покружил около нашего дома и сбросил пачку серых листовок. Я бросилась их собирать, принесла домой, мама взяла одну, прочитала и заплакала: «Доченька, победа! Теперь-то, может, вернутся мои братики?». Трое братьев воевали. Серёжа, девятнадцати лет, сгинул на Синявинских высотах, старший, Александр, вернулся без правой, по самое плечо, руки. Только средний, Дмитрий, мой крёстный, вернулся более-менее здоровым. Но это будет ещё не скоро. Со стороны отца воевали четыре брата, вернулись двое.

Отец устроился работать часовым мастером. Ему поставили маленькую будку рядом с вокзалом, где он сидел с лупой в глазу и ремонтировал в основном трофейные дрянные часы, которые ремонту практически не подлежали, но он умудрялся их чинить, за что авторитет у него был очень большой. Тимку-часовщика помнят до сих пор, в чём я убеждаюсь при разговоре. Часы были цилиндрические, «цилиндро», как называл их отец. Я почему-то путала слова «цилиндр» и «полундра», чем очень его сместила.

Вскоре вернулись хозяева дома с родственниками, которым тоже негде было жить. Не знаю, у кого как, но наша встреча была почти враждебной. Они, вероятно, думали, что мы будем претендовать на их дом. Особенно постоянно нас обзывала «скобарями» одна из сестёр Анна и её бабка с бельмом, похожая на «Пиковую даму». Всё это очень подвигло родителей взять ссуду, а давали беспрепятственно, и построить сначала хлев для будущей коровы, в который мы и перебрались, а дом строили уже спокойно со своими милыми соседями на улице Крупской, что проходила между улицей Трудовой и проспектом Ленина.

После войны в Тосно осело много жителей из района, так как негде было жить, деревни некоторые были стёрты с

земли, а здесь, в рабочем посёлке, можно было найти какую-то работу, построить дом, отправить детей в школу.

У коренных тосненцев долго оставалось неприязненное отношение к приезжим. Только когда увидели, что приезжие сильнее, в чём-то сноровистее, более работающие, около домов сразу сады разводят, а не сирень да берёзы, то пыл-то свой поумерили, и многие с этими «скобарями» пытались дружить.

Люди приезжали, налаживали быт, по карточкам получали хлеб, который мама умудрялась экономить и сушила сухари на «чёрный день», так все боялись голода. Эти сухари сушились и после отмены карточек, и мы их ели вместе с коровой очень долго.

На месте нынешней стоянки автобусов у вокзала сразу стали появляться ларьки-шалманы или «Голубые Дунай», как их окрестили в народе за голубую окраску. Внутри ларька стояли столы, работал буфет, где продавалась в розлив водка, в витрине виднелись бутерброды с красной икрой, банки с бычками в томате (очень были вкусные консервы), конфеты – жёлтые шарики, цветное драже и подушечки. Ещё там было иногда пирожное «Заварное кольцо».

Собирались в эти шалманы после работы мужики-фронтовики, инвалиды. Один, без обеих ног, на маленькой платформе на колёсиках, широкоплечий, головастый сидел, чуть возвышаясь над столом. Пили, вспоминали войну и пели. Вот тут главную роль играл мой отец. Он прекрасно пел, такого красивого голоса я не встречала, в нём погиб настоящий артист, притом, любая гармонь, баян, аккордеон в его руках такое выделявали, что без него не обходилась ни одна компания и ни один день. Причём, поили его бесплатно, хотя он, человек совестливый, часто свою получку оставлял в этих же шалманах. Мама выходила из

дома, это ещё на улице Трудовой, прислушивалась и говорила: «Во орёт, окаянный! Девчонки, идите за ним». И я, шестилетняя-семилетняя, с младшей сестрой шли на этот голос. Заходили в шалман, где он нас радостно встречал, угощал чем-нибудь со стола, а мы долго уговаривали его идти домой. Всю жизнь, пока его не настиг инфаркт в 75 лет, отец любил компании, но никогда не пил один и никогда не опохмелялся. Он умер в 79 лет, и одна родственница сказала: «Красиво жил и красиво умер». Но не всегда эта «красота» была нужна семье, и водка очень вредила всему нашему житью.

В семь часов утра раздавался протяжный гудок тогда ещё так называемой «75^й стройки» из Тосно-2. Все по этому гудку вставали или, по крайней мере, ориентировались. Не в каждом доме были часы. Потом уже, на теперешнем здании краеведческого музея, установили радиотрансляцию с мощным динамиком, звук которого слышен был на несколько километров. Он включался в 6 часов утра, выключался в 24 часа под звуки гимна: «Нас вырастил Сталин на гордость народа...». Представить трудно, как уставали жители близстоящих домов от этого шума.

Маму назначили уполномоченной по нашей улице, она что-то делала, но я только помню, как она приносила из лесу еловые ветки и первые цветы и вязала венки на воинские захоронения.

Вернулись из Латвии моя бабушка с дедом и младшей дочкой, моей тётей. Где-то в Германии застряли мамины родная сестра Антонина с мужем, но все жили ожиданиями чего-то лучшего, хотя страх, что война снова будет, остался на долгие годы.

Шёл 1946 год, меня надо было готовить в первый класс. Мне купили портфель! Это была роскошь, так как некоторые школьники ходили с тряпичными сумками. Ку-

пили тетради, карандаш, ручку-вставочку с пёрышком № 86, чернильницу-непроливашку. Отец с мамой занялись изготовлением азбуки. Мама нашла на ткань кармашки, отец нарезал из картона много квадратиков и написал на них каждую букву алфавита в трёх экземплярах. В классе мы хвастались друг перед другом своими азбуками. Но главное, надо было одеться. Хорошо, что мама немного шила, и я была одета, по её мнению, вполне хорошо. Но другие дети, а в классе нас было 40 человек, одеты были просто нищенски. Особенно плохо обстояло дело с обувью. У некоторых мальчишек торчали голые пальцы из башмаков. Один мальчик проволокой привязывал подошвы.

Приобретали вещи в Ленинграде на «барахолке». У меня не было пальто, мама купила шинель, решила её покрасить и сшить мне обновку. Но шинель, наверное, была немецкая, потому что от краски она скукожилась, и никакой утюг её не разглаживал. Но не пропадать же добру – пальто мне сшили, и я носила его года два с лишним, вызывая удивление необычной фактурой ткани.

На урок физкультуры понадобились спортивные штаны и тапки. Мама взяла серое одеяло с розами по бокам и тоже его выкрасила. Одеяло стало светло-чёрным, а розы ядовито чёрными. Из него получились шаровары, причём, розы оказались внизу широких штанин. Я была похожа на шамаханскую царицу.

Из старых чулок рыжего цвета мама, простегав их ватой, сшила мне тапки. Кое-кто, правда, хихикнул, но не более того.

Кстати, я все годы занималась в школе гимнастикой, соревновалась с Людмилой Самихиной, её мать работала секретарём в школе, и потому, как считала я, Люда по бла-

ту всегда получала первое место, а я второе. Об этом со смехом я напоминаю ей при встречах.

Я немного опередила события. Итак, я переступила порог средней школы, теперь это Дом технического творчества на улице Боярова.

Моя первая учительница Галина Николаевна Волкова была для меня самой любимой, самой-самой во всём. Это была скромная, миловидная молодая женщина, которой мы не давали вздохнуть. На перемене я первая вцеплялась в её руку, остальные присоединялись, и так мы ходили все перемены. Глупые, не понимали, что учителю надо тоже отдохнуть. Но весь первый класс я продержала её за руку. Она нас учила до четвёртого класса.

Читать я выучилась очень быстро, меня к этому подтолкнул журнал «Мурзилка». Галина Николаевна обернула мою тетрадь листом из журнала, где были нарисованы двое мальчишек, нёсших на плечах огромную рыбину. Я попросила Галину Николаевну прочитать мне текст под рисунком и с тех пор «заболела» книгами. Со второго класса я была записана уже в поселковую библиотеку, которая находилась в алтаре разрушенного храма (ныне возвращённого епархии) и не могла понять, почему библиотека круглая.

Училась я средне, хотя все говорили, что я очень способная. Я читала! Какая там учёба! «Тройки», «четвёрки», изредка «пяť» – вот мои «достижения». Мама стала запрещать читать, тогда я придумала это делать по ночам с фонариком под одеялом, что и привело к близорукости.

Во втором классе я совершила гадкий поступок, который помню до сих пор. Нас приняли в октябрята. Я гордо носила сделанную отцом звёздочку, решив для себя, что буду честным во всём октябрёнком.

В классе нам читали повесть о Павлике Морозове, кстати, совершенно оболганном, никакого отца он не предавал, а когда того посадили за мошенничество, то остался дом, за который дядья убили Павлика с его братом, чтобы дом достался им. Всё это подтверждено документально, но легенда продолжает жить.

Мы, ученики, были под впечатлением. Я взахлёб рассказывала дома о Павлике. Отец как-то странно смотрел на меня и молчал. Я ещё не знала тогда, что наша богатая деревня Костуя в один день была превращена в нищую, голодную, откуда почти вся молодёжь уехала жить в Ленинград, где ещё можно было найти работу.

Все мы были в душе Павликами. Подвернулся и мне случай показать своё рвение. На перемене я увидела, как один мальчик, оглянувшись у доски, сунул в карман кусок мела. Вместо того чтобы подойти к нему и потребовать вернуть мел, я дождалась начала урока и, подняв руку, встала и громко сказала учительнице, что Витя украл мел. Вот пишу, и даже через столько лет краска стыда заливает лицо. Как посмотрела на меня Галина Николаевна! «Хорошо, Инна, садись. Витя, положи мел к доске». Бедный Витя, опустив голову, вернул мел. Вместо чувства гордости за совершённый правдивый поступок я вдруг ощутила себя какой-то жалкой, оплётанной и несчастной. Мне казалось, что все вокруг смеются надо мной. Дома я ничего не сказала, у меня разболелась голова, мне было всё немило, я была на грани нервного срыва и утром упросила маму оставить меня дома из-за головной боли, что она и сделала, так как у меня, действительно, в детстве и юности очень болела голова. Этот поступок в дальнейшем приучил меня часто говорить людям правду в глаза, когда невозможно уже было молчать. Это многих обижало, что тоже жизнь мне не облегчало.

Однажды в школу привезли кукольный спектакль. Это было настоящее чудо. В школьном коридоре собрались даже старшие классы. Мы, малыши, искренне верили, что это ожили куклы. Не было тогда телевидения, радиотрансляция и то была редкостью, мы были наивные и очень доверчивые. Чего стоит история с новогодней ёлкой! Родители ночью нарядили ёлку, украсив заранее купленными флажками, домиками, подушечками, завёрнутыми в цветные бумажки, какими-то бантиками, в общем, постарались. Я проснулась первая и обомлела! Стала всех будить, кричать, что к нам приходил дед Мороз, а мы все спали и не заметили его. Родители охали, ахали, удивлялись. Я в школе всем рассказала об этом, нашлось ещё несколько человек, которые верили в деда Мороза, но остальные стали нас разубеждать в этом. Спор стоял оглушительный, но я ещё долго верила в эту сказку.

На уроке Галина Николаевна попросила почитать, если кто знает, стихи про ёлку. Кроме «В лесу родилась ёлочка...» никто ничего не знал. Тогда встала я и выразительно прочитала:

«Ёлка, ёлка, что за прелесть!

К нам красавица пришла,

Все гостинцы отобрала,

Что царица принесла».

Я не понимала, почему так напряглась Галина Николаевна. Класс выслушал этот незамысловатый стишок равнодушно. На перемене учительница отозвала меня в сторону: «Кто тебя научил этому стиху?» – «Бабушка».

Бабушка – мать моей мамы, Густавова Надежда Павловна, была все годы своей жизни непререкаемым авторитетом. Её все любили, уважали и побаивались. Никогда не забуду, как отец после очередного шалманного вечера упрашивал маму: «Танечка, милоч, не говори маме (тёще),

что я вчера пил». Бабушка до глубокой старости сохраняла осанку старинной барыни: прямая, нарядно одетая, в чёрной кружевной, плетённой на коклюшках шали, красивая, она приезжала из Рябово в церковь, часто брала меня с собой, чем я и обязана ей своим ранним интересом к религии, Богу.

«Инна, забудь навсегда эти стихи, их нельзя нигде читать. Ты хорошо поняла?» Я кивнула. Почему их нельзя читать? Дома я ничего об этом не сказала.

Окончив третий класс, мы со слезами простились с нашей любимой Галиной Николаевной и перешли в четвёртый класс под руководство Новиковой Ольги Николаевны. В четвёртом классе у нас появились новые ученики, и впервые класс начал расслаиваться на группировки. Я никогда не принадлежала ни к одной из них, так как обладала независимым характером, хотя в душе была очень ранима. К тому времени в школе ввели форму – коричневое платье и чёрный передник. Но даже этот наряд многим родителями был не по карману. У меня было платье из жуткой хлопчатобумажной ткани, похожей на «чёртову кожу», но передник был сатиновый.

По утрам нас встречали дежурные, наши же ребята, дежурившие по очереди, осматривали чистоту рук и на педикулез (вшивость). Если находили гнид, то отправляли в санкабинет. К счастью, в школе у меня этой «радости» не было. Сразу после войны вшей было у всех полно, но потом они почему-то мигом все исчезли. В этом есть какая-то загадка, и так считаю не я одна.

Так вот, в нашем классе появились две девочки из «богатых» – Н.Г. и Н.К. Их отцы привезли с фронта много трофейного барахла. Они обе ходили в нарядных платьях и передниках, красивой обуви, с красивыми лентами в волосах. Но, главное, к чему мы не могли привыкнуть – они

ели бутерброды с колбасой и сыром и недоеденные кусочки бросали на глазах у всех в урну. И как-то одна, видимо, полуголодная учительница сделала им замечание, сказав, что если они не смогут всё съесть, то пусть поделятся с товарищами. Н.К. положила недоеденный бутерброд на парту и сказала: «Кто голодный, берите». В классе повисла мёртвая тишина, все смотрели на булку с колбасой, и никто не двинулся с места. Мы брали с собой картошку, некоторые даже без хлеба, я сухари из запаса на «чёрный день», которые толкала в рот во время урока. Бутерброд – это было что-то запредельное. Сколько прошло лет, а эта сцена как будто сейчас произошла.

Кстати, жизнь их в дальнейшем сложилась очень неудачно, обеих нет давно на этом свете.

Многие девчонки подлизывались к ним, даже унижались, для чего?

Однажды мама купила мне на «барахолке» кофту бордового цвета с начёсом и голубым воротником шалькой. Она мне очень понравилась. Гордая обновкой, я пришла в класс. Никто не обратил на меня внимания, но Н.К. громко засмеялась и, тыча в меня пальцем, сказала: «Смотрите, она в пижаме пришла». Я даже тогда не знала об этом виде одежды, как и многие другие, но поняла, что это что-то непристойное, носится не напоказ. Но Ольга Николаевна подошла, пощупала мою кофту и похвалила: «Теперь ты не замёрзнешь, и тебе очень идёт». А мёрзли мы часто. В классе стояла круглая печка, которую наша техничка тётя Нина Богачёва ежедневно топила, нося по классам огромные охапки дров. Она же убирала и мыла классы. Тогда детей запрещали «эксплуатировать» уборкой классов. Наш лозунг был: «Учиться, учиться и учиться».

Зато на приусадебном школьном участке мы работали. Вокруг школы располагались большой сад, грядки с клуб-

ником, кусты смородины и крыжовника. Только я не помню, кому это всё доставалось.

В четвёртом классе стало понятно, что я врождённый гуманитарий. Мне всё легко давалось, кроме математики, а нужно было сдавать уже экзамены для перехода в пятый класс. Причём, кроме Ольги Николаевны, присутствовали двое-трое чужих учителей. Естественно, меня трясло, из 30 билетов я вызубрила только первый, где с разными вопросами был вопрос о свойствах параллелограмма. Своим отчаянием я поделилась с бабушкой. «Доченька, так чего же ты боишься? Ты в церковь ходишь! Попроси Иисуса Христа тебе помочь. Поставь свечку к «Тайной Вечере» да и попроси, чтоб тебе достался первый билет», – сказала она. Я так и поступила. Раньше перед этой иконой вверху опускался подсвечник, сейчас только лампада. Полная уверенности в Божием заступничестве я горячо молилась, стоя у Казанской иконы Божией Матери. Если бы удалось сохранить эту чистую детскую молитву до сих пор! На другой день я смело пошла на экзамен. Дождавшись своей очереди, страшно волнуясь, я протянула руку, взяла билет... № 23! Как я не потеряла сознание! Я покачнулась, но вдруг слышу участливый голос Ольги Николаевны: «Инна, ты вытащила не из той стопки, это задачи к билетам, вот отсюда бери», – и она кивнула мне головой. Как во сне, я протягиваю снова руку и... билет № 1! Сажусь, готовлюсь, иду к доске, но от всего пережитого начинаю говорить о свойствах параллелограмма. Меня несколько раз поправили из комиссии, но я, как попугай, твердила о свойствах злосчастливого параллелограмма.

- «Хорошо, девочка, – сказали из комиссии, – мы тебе сейчас зададим дополнительный вопрос и тогда поставим «5», а так за эту оговорку только «4».

«Нет, нет, – сказала потрясённая Ольга Николаевна, – девочка переутомилась, ей хватит и «4», ты согласна?» Я была бы согласна на «3» с двумя минусами! Дома меня с нетерпением ждала мама. Радости не было конца. Всю жизнь я помню это чудо, при случае рассказываю о нём и про другие события из моей жизни, где явно присутствовала помощь Божия, так как больше никто не мог помочь.

У нас в доме всегда висели иконы. Одна – «Рождество Христово», бумажная, наклеенная на картон, проездила с нами всю войну вместе с Евангелием, уже тогда потёртым и зачитанным, без начала и конца. Всё это храню как дорожную память о родителях и прожитых годах.

После войны мама купила две бумажных иконки, на одной Богородица с Иисусом в бордовом одеянии, на другой – в белом и велела нам с сестрой Женей выбрать, кому какую. Я взяла в белом. Что это за икона, я не интересовалась. И уже только довольно взрослой девчонкой прочитала мелкую надпись «Достойно есть». Отец сделал ей «оклад» из консервной банки, и я очень её берегу как родительское благословение.

К нам часто приходили люди из РОНО, проверяли, есть ли дома иконы, проводили разъяснительные беседы. Мама становилась тогда какой-то «тупой», что-то мычала непонятное, я тоже была не лучше. Никаких мер в школе за этим не следовало. Сейчас даже не верится во всё это.

За хорошую учёбу, за переход в пятый класс мама решила сделать мне подарок. Собираясь на «барахолку», она спросила, чего я хочу. «Шляпу с большими полями», – заявила я. И она купила мне эту шляпу: бордового цвета, с большими полями и с бантиком. Я её носила несколько лет!

Когда расставались с четвёртым классом и с любимейшей Ольгой Николаевной, у нас был прощальный

урок, все пришли одетые в самое лучшее. Моя мама, не долго думая, где-то раздобыла белоснежный, тоненький, как паутинка, наверняка, трофейный, весь в кружавчиках, рюшечках, складочках, передник. Приспособила его на меня, и я, боясь коснуться его руками, явилась в школу. Всё бы и обошлось, но опять эта Н.К., увидев меня, завопила: «Смотрите, смотрите, в чём Инка пришла! Ты у какой официантки передник сняла?» – и захохотала, бегая вокруг меня. Спасла, как всегда, Ольга Николаевна. Она всех утихомирила, что-то нам говорила, но я ничего не помню, очередное унижение сбilo всё хорошее настроение. После урока Ольга Николаевна, приобняв меня, спокойно сказала: «Передай маме, чтобы этот передник в школу она тебе не надевала, он очень нарядный».

Я почему-то очень хотела носить серьги. В школе это было категорически запрещено, даже в старших классах. Нельзя было носить капроновые чулки, которые стали появляться на «барахолке», а про косметику нечего было даже мечтать. Не долго думая, я встала к зеркалу, взяла иголку с ниткой и стала прокалывать себе сначала правое ухо, а поскольку боялась, то проколола его криво, продела нитку, завязала её узелком. С левым ухом вышло лучше. По утрам смазывала слюной (откуда-то узнала), мама не сразу и заметила под волосами. Уши быстро зажили, мама купила маленькие серёжки, и я форсила во всю перед уличными ребятами, в школе снимала.

Отцу на работе дали для меня путёвку в пионерский лагерь на месяц в Андрианово. Меня кое-как обрядили и отправили. В лагере выяснилось, что у меня нет пионерского галстука, а я и не была пионеркой, хотя об этом не сказала. Мне нашли галстук, ничего не спрашивая, и я на какое-то время влилась в ряды юных ленинцев. Но эти ленинцы сразу заметили в ушах у меня серьги и когда узна-

ли, что я сама проколола уши, стали меня упрашивать проколоть им тоже. Я держалась неделю. За это время успела понять, что мне в лагере очень неинтересно, кормили впроголодь, единственно, что выпустили стенгазету, где я успела напечатать своё очень примитивное стихотворение, что-то такое: «Песня летит в эфир, и слышит земля слово: «Мир». И всё же я назначила время экзекуции. Ко мне выстроилась очередь человек 15. Я со знанием дела объяснила, как смазывать уши и приступила к действию. Одной иглой с длиннющей ниткой, не вдевать же мне её несколько раз, я стала прокалывать уши и сделала это очень быстро. Так как это свершилось после ужина, вожатая ничего не заметила. Утром построилась линейка, и тут руководство лагеря чуть не впало в шок, а может, и впало. У пол-отряда девчонок были красные, отвисшие, у некоторых почти до плеча, уши. Побледневшая медсестра подошла к ним, всмотрелась... Каждый может пофантазировать, что было. Правда, одна девчонка Галя убежала, я ей проколола первой, и уши распухли чуть-чуть. Через много лет я с ней случайно встретилась, и мы здорово повеселились по этому поводу. Всем нитки выдернули, обработали зелёной, и встал вопрос: «Кто?». Не помню, то ли выдали, то ли сама шагнула на амбразуру. Первый гневный порыв руководства – выгнать! Но, не усмотрев подрывной деятельности, а только халатное исполнение по воле пострадавших, успокоившись, начальство решило вызвать родителей. Мама могла приехать только через несколько дней. Тогда ещё и автобусы почти не ходили. Уши уже подзажили и вошли в естественные размеры, страх и гнев прошли, так что осталась только стенгазета с моим призывом к миру. Поговорили с мамой довольно мирно, она поохала, покачала головой, осталась довольна похвалой вожатой за стихи, сунула мне в руки батон, который мы мигом съели,

и уехала. Я слонялась по лагерю, с тоской вспоминая нашу уличную команду мальчишек, где пока атаманшей была я. С утра у нашего дома собирались мальчики и моя верная подруга Лиля, которой её тётки запрещали со мной дружить, чтобы я не испортила её нравственность. Мы уходили в лес и лазали по деревьям, гоняли в футбол, играли в лапту, штандар, до сих пор не знаю значения этого слова, в казаков-разбойников, в «12 палочек», прятки, городки, как мы их называли «рюхи», за что ругал меня отец, и много ещё во что. Долго играли в войну, под крыльцом нашего дома был «лазарет», где я «лечила раненых» утащенными из дома мелкими, похожими на маленькие грибки, макаронами. В лагере же две линейки в день, какие-то вялые мероприятия – тоска. И вот вижу, въезжает в лагерь грузовик с продуктами. Я мигом собрала свой мешок, попросила шофёра довезти меня до Тосно, крикнула девчонкам, чтоб передали о моём отъезде, влезла в кузов, улеглась, чтобы не заметили, и была такова! Удивляюсь простоте нравов тех лет! Ну какой бы шофёр в наше время согласился увезти ребёнка из государственного учреждения без письменного разрешения администрации! Кстати, из лагеря даже никто не поинтересовался, добралась ли я до дому. Мой приезд не очень-то обрадовал родителей, они думали, что я месяц пробуду на государственных харчах, а тут – на тебе... Но зато сколько было радости у ребят! Больше в лагере мне не пришлось побывать никогда.

Наша новая улица, широкая, поросшая густым спорышем, который как шёлк, облипал голые ноги, прихорашивалась новыми домами. Правда, разрешалось строить дома только на один манер: три, четыре окна спереди, можно веранду, крыша домиком и всё – никакого отступления не допускалось, а уж о втором этаже даже думать запрещалось. Отличались дома лишь рисунком облицовки, если у

хозяина денег хватало, да покраской. Можно ещё было наличники резные прибить. Но на нашей улице особо красивых наличников не было, да и не все могли обшить дом и покрасить. У нас росла такая красная смородина, что вся улица дивилась! Под окнами дома море белых и розовых флоксов, а вдоль забора сирень и рябина.

В пятом классе каждый предмет вёл свой преподаватель. Классным руководителем стал Лобусев Аверкий Герасимович, который жил рядом со школой в маленькой комнатухе. Это был сухой, бритоголовый, сдержанный учитель ненавистного нам немецкого языка. Всем известно, что школа не могла дать нам настоящее знание иностранных языков, но кое-чему мы всё же научились. Он много нам рассказывал из истории Москвы, и я однажды, по своему невежеству, стала спорить с ним, что Кремль – это только здание со звездой. Он пытался меня разубедить, но я продолжала спорить. Грустно посмотрев на меня, Аверкий Герасимович замолчал.

Я помню всех учителей, но расскажу о тех, кто больше всего запал в сердце. Первой назову Екатерину Алексеевну Полонскую, заслуженную учительницу, почётного гражданина Тосно. Она так вела математику, что даже я иногда получала «4». Муж и сын у неё погибли на войне. Чистейшей души человек, она ютилась рядом со школой в комнатухе метров около восьми. Слева стояла кровать, вприпрыжку к ней стол, ещё комод, и на всём лежали книги.

Однажды, уже учась в вечерней школе, я зашла к ней. По радио передавали выступление Н. Хрущева. Она слушала, хмурилась, наконец сказала: «Во, болтун!»

Любимейшей учительницей была Зинаида Васильевна Сучкова – по литературе и русскому языку. Она приезжала из Ленинграда, невысокая, худенькая, с низким голосом с хрипотцой, в сером костюме входила в класс, и 40 орущих глоток вмиг затихали, она так проводила урок, что звонок заставал как бы врасплох. Мы все старались прочитать полностью книгу, о которой шла речь. Мне нравилось писать изложения, а потом сочинения. Я была её любимицей, и меня она чаще других выгоняла с урока за всякие шалости, знала, что на моих оценках это не отразится. Всё хранит благодарная память.

Сергей Александрович Румянцев, учитель физкультуры, который вкладывал всю душу в нас, устраивая соревнования по гимнастике, по лыжам (лыжи были школьные). На каждом школьном вечере мы показывали пирамиды, где часто на самом верху была я.

Я очень любила уроки рисования, которые вёл Свищев Исаак Андреевич. Мы рисовали барельефы, геометрические фигуры, делали зарисовки с чучел птиц. Мои рисунки часто попадали на выставки. Он меня хвалил за способности.

Но особенно запомнился учитель химии Лившиц Семён Ильич по прозвищу «Чита» (персонаж кинофильма «Тарзан»). Великолепнейший знаток химии, он считался только с теми учениками, которые понимали его с полуслова. Остальные для него были объектом изошрённого издевательства. Высокий, некрасивый, с большим носом, он влетал в класс, и мы, как кролики перед удавом, цепенели. В наше время его давно бы выгнали из школы, но тогда мы боялись открыть рот, чтобы пожаловаться, а родители перед школой трепетали тоже. Им бы даже в голову не пришла мысль защитить своего ребёнка. За урок почти весь класс получал «1» и «2», у меня тоже этого «добра»

было немало, но твёрдой «тройки» мне вполне хватило, чтобы в дальнейшем изучать четыре разных химии. «Гроза и бич – Семён Ильич» в конце четверти выставлял середнякам «3», невзирая на множество «единиц». Но к ученикам вечерней школы, куда я перешла с восьмого класса, он относился лояльнее: ведь там за партами часто сидели взрослые люди.

Кроме основных предметов у нас были уроки пения, которые вела незабвенная Нелли Альфредовна Синашкина. Жаль только, что нас не обучали нотной грамоте, пели на слух. В школе на концертах выступал большой сводный хор. «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасные песни слагает народ». Нелли, сама совсем девчонка, с большим аккордеоном на худеньких плечах, ещё руководила и танцевальным кружком. «Лявониху» танцевали всем классом, так и слышу её голос: «Руки в боки, раз, два...».

Почти все учителя для нас в школе и дома были непререкаемыми авторитетами. Мы к ним относились благоговейно. Да и они вкладывали в нас всю душу. Сколько раз после уроков сидели с нами, тупыми, у которых война изранила души и психику, терпеливо объясняя непонятный урок. Вечная им благодарность и память! Моё поколение, кто хотел, все получили и среднее специальное, и высшее образование, мы много читали, грамотно излагаем мысли, любим до сих пор книги – воистину «источник знаний».

Ко дню рождения Сталина школа готовила подарки. Моя знакомая девочка, «хорошистка» и рукодельница из шестого класса, вязала подзор для убранства кровати. Теперь современники, вероятно, и не представляют, что это такое. А это полоска кружев по длине кровати, которая пришивалась на ткань и вешалась для украшения сбоку кровати так, чтобы кружева доходили до пола. «Представ-

ляешь, – возбуждённо говорила она, – Товарищ Сталин будет ложиться спать, посмотрит на подзор, понравится ему или нет?» Я тупо молчала, так как от меня товарищ Сталин ничего не дождался, а интересно было бы узнать – ждал или нет? Не знаю только, каким образом эти подарки отправлялись в Москву.

Однажды всем классом нас повезли в Ленинград в Кировский театр на оперу «Евгений Онегин». Великолепие театра нас, провинциалов, ослепило. Мы сидели на балконе, рассматривали зал, сцену. Занавес поднялся, и началось чудо. К сожалению, не всех захватило оперное пение, даже «класная интеллигенция» Н.К. и Н.Г. хихикали, шептались, но я была потрясена. Я так прониклась происходящим, что горько плакала в сцене дуэли. С тех пор к моему увлечению книгами прибавилась ещё одна страсть – опера. За свою жизнь до перестройки я переслушала почти все оперы наших и гастролирующих театров. Интересно было сравнивать постановки, голоса, мизансцены, костюмы. Теперь, увы, только канал «Культура» иногда радуется какой-нибудь оперой. Билеты в оперу стали очень дорогие.

После театра мне захотелось продолжения праздника. Я подружилась с девочкой из Шапок Валеи Кузнецовой. И вот однажды мы решили с ней вместо уроков удрать в Эрмитаж, тем более, что мы там ни разу не были.

Мама сделала на «барахолке» очень удачную, как ей показалось, для меня покупку. Тогда в моду для взрослых входили московские боты. Это резиновые, довольно изящные, до середины икры сапожки с полым каблуком, куда вставлялись туфли «лодочки», что при нашей погоде было очень удобно. Почему их теперь не выпускают? У меня размер ноги был 17-18 см, а эти сапожки были длиной на 4-5 см больше, но всё же довольно маленькие. Радостно я примеряла обувку, и тут-то выяснилось, что оба сапога на

одну ногу, кажется, левую. Я не помню реакцию мамы, кажется, это обстоятельство её не очень огорчило. Отец выстругал две чурочки, вбил их в каблуки, и «доход пошёл в поход», то бишь в школу. Форма как-то не очень прижилась из-за бедности, а может быть, платье у меня и было, но я хорошо помню, что на мне была надета красная хлопчатобумажная кофта с карманами, растянутая до колен, а для тепла на плечах был вязанный вигоневый, довольно перекосившийся платок. На Вале было надето что-то страшнее моего.

И вот в таком виде плюс сапоги, воинственно повернутые ногами в одну сторону, («правильным курсом идёте, товарищи!»), я с одноклассницей отправилась повышать свой интеллект. Тогда поезда ходили на паровозной тяге. Мне нравились паровозы с огромными красными колёсами, из-под которых с шумом вырывался пар, с низким мощным гудком, с весёлыми чумазыми машинистами. Мы, если было не холодно, садились в тамбуре с открытой дверью, поставив ноги на подножки. Скорость была небольшая, но всё же это была рискованная езда, но почему-то никто нам не делал замечаний, не загонял в вагон. Мимо проплывали деревья, иногда даже ветки задевали ноги, цветы и вся земная красота. Со временем около рельсов всё очистили, но тогда ещё не доходили до всего руки. Порасспросив людей, мы нашли Эрмитаж, вошли в него и пошли по залам, это было первое наше посещение! Не успели мы далеко пройти, как подходит к нам какая-то дама и вежливо просит зайти на время в какой-то закуток, объяснив, что сейчас здесь пройдёт иностранная делегация, а мы одеты..., ну, в общем, не совсем так. Удивляюсь, какая «у нас, советских, была собственная гордость», и как мы «на буржуев (любой иностранец – буржуй) смотрим свысока». Эту мысль я ей продекларировала. Грамотная же

я была в пятом классе! Но не успела я окончательно воодушевиться идеями классовой борьбы, как откуда-то вынырнул здоровый дядька, схватил нас обеих за шкуру, и, протаскив несколько метров, толкнул в одну из комнат, где мы и просидели минут тридцать. Потом нас выпустили, но уже пропало всё желание ходить дальше. Какие-то понурые мы явились домой. Я иногда думаю: а если бы что-нибудь с нами случилось? У кого бы возникла мысль искать нас в Ленинграде?

Помню, как раза два-три мы заполняли анкеты со множеством вопросов, начиная от происхождения, до – где были во время войны и есть ли родственники за границей.

Пятый год учёбы пролетел, надо было опять сдавать ненавистные экзамены. Если бы не они, то учёба в школе осталась бы самым приятным воспоминанием в жизни. Я, даже уже взрослая, иногда видела сон, что иду на экзамен и просыпалась, не веря, что это всё позади. Хотя я всю жизнь хотела, невзирая на полученное образование, ещё где-нибудь учиться.

В шестом-седьмом классах начались первые симпатии, влюблённости. Один мальчик, меньше меня ростом, догнал меня после уроков и сунул мне в руки конверт, где была вложена открытка-фотография с целующимися голубками и было написано, что он меня любит. Целый вечер красивым почерком я сочиняла ему ответ в традициях советского воспитания, что нам ещё рано говорить о любви, что нам... Одним словом, это было сочинение, наподобие Кодекса морального облика советского человека. Я на каждой перемене пыталась вручить ему этот ответ, но он так быстро от меня убежал, весь красный, и это так мне надоело, что на последнем уроке я написала записку: «Генка-дурак! Ничего не выдумывай», свернула её шариком и ловко пальнула в него. Он развернул, прочитал, в

последний раз рванул от меня после уроков и, думаю, что его любовь скончалась, не дожив до эмбриона.

Вообще, мальчики «ухаживали» очень своеобразно, дёргали за косы, развязывали ленты, портфелем могли ударить по спине, а потом глупо смеялись, но были несколько переростков, которые пытались полатать. Однажды такую попытку сделал Н.Р. перед уроком литературы, он прижал меня к себе прямо в классе. Я вырвалась, схватила увесистый учебник литературы и ударила его прямо в лицо. У него кровь хлынула из носа, и в это время вошла Зинаида Васильевна.

«Кто это сделал?» В классе мёртвая тишина. Я призналась в этом поступке. Учительница внимательно на меня посмотрела, не задав ни единого вопроса, ему велела выйти умыться, и на этом всё было закончено. Больше поползновений с его стороны, да и других ребят, не было. Но зато на праздники, особенно к Новому году, мы писали друг другу записки-пожелания. Всё это делалось почему-то только на уроках. Записка подписывалась и по рядам отправлялась адресату. Никому и в голову не приходило в неё заглянуть. Был особый шик незаметно от учителя написать и передать это послание своей симпатии или антипатии. Особенно было интересно читать записки от мальчишек, где они высказывали свои пожелания, о которых не могли сказать вслух. Мы ревниво считали, у кого записок больше, не важно, от кого.

Я за плохое поведение на уроках была посажена на вторую парту с Кимом С. (впоследствии он сменил имя и фамилию). Это был крупный, спокойный, из маменькиных сынков мальчик. Так как я ни в кого в классе не была влюблена, то я избрала объектом для внимания его, тем более, что объект сидел справа от меня, старательно всё делая, что ни скажет учитель. Я стала закидывать его по-

желаниями, но так как он никак не реагировал на мои писульки и даже не отвечал на них, то я рассердилась, скатала шарик из промокашки и ловко засунула ему в ухо, когда он что-то писал. От неожиданности он вскрикнул на весь класс, чем вызвал хохот. Меня в очередной раз выгнали за дверь, а когда я пришла на следующий урок, меня ждало от него пожелание. Там был рисунок. На поросёнке сидел человечек, а внизу была подпись: «Вот сидит Ильюшка, едет она на хрюшке». Много лет я хранила это пожелание, но оно потом потерялось. Ким уехал из Тосно, и когда через много лет мы случайно встретились, он не мог вспомнить это единственное мне пожелание, о чём я очень сокрушалась. Постояли, обнялись на прощание, и больше я ничего о нём не знаю.

У меня вообще в школе не было первой любви, в меня влюблялись, я же – ни в кого. Мне даже было неинтересно слушать «любовные тайны» одноклассниц. Из-за этих «тайн» в седьмом классе я получила первую и последнюю в жизни пощёчину от Лёньки Антонова, который учился в восьмом или девятом классе. Это был лощёный узкоголовый парень среднего роста, с амбициями. Считалось, что девчонки за ним «бегали», и в нашем классе были двое, которые следили за ним, подглядывали, ходили позади. Я к этому даже не проявляла никакого интереса. И вот однажды вышла я из школы, Лёнька стоял с ребятами на крыльце. Вдруг он шагнул ко мне и со словами «не будешь сплетничать» ударил меня по щеке и отошёл к парням. От стыда и унижения, от непонимания своей вины я не знаю, как дошла домой. Эту пощёчину я помню всю жизнь. Будучи уже взрослой, сталкиваясь с ним в Доме культуры, я никогда с ним не здоровалась. Он сейчас живёт в Питере. Несколько лет назад я оказалась рядом с ним в электричке. Он обрадовался, как-то засуетился, стал расспрашивать о

знакомых, оставил номер телефона и адрес, а я смотрела на него и думала: «Вот если бы тогда, прежде чем ударить, он хотя бы поговорил со мной или бы извинился, то я бы простила, а так... противно».

Напуганные расстрелом пионеров в Костуе и боясь новой войны, мои родители не разрешали вступать мне в пионеры. Я сначала от этого страдала, но потом оценила все преимущества вольной жизни. Когда объявляли пионерское собрание и кто-то становился у двери, чтобы несознательные не удрали, я весело убегала домой или в библиотеку, или на физкультурную секцию. Чем мы только там ни занимались. Прыгали в длину и высоту, через коня, метали гранату, особенно я любила брусья, мы все сдавали нормы сначала на «БГТО» (будь готов к труду и обороне), затем на ГТО. И хотя мы были недокормленные, но росли довольно здоровыми.

Как мы любили школьные вечера! Не помню, седьмые классы уже вместе со старшими их отмечали или только седьмые и восьмые. Играла на танцах радиола, учителя сидели вдоль стен спортивного зала, они же и учили нас правильно приглашать, правильно танцевать. Танцевали вальсы, танго, польки. Одеты кто во что. Конечно, наша парочка Н.К.и Н.Г. показывали себя во всей красе, но удивительное дело – их никто не приглашал. Вероятно, мальчишки стеснялись их, им были ближе по духу пролетарские девочки.

С начальных классов книги заполняли всё моё свободное время. Я читала очень быстро, но вдумчиво, часто обращая внимание, казалось бы, на мелочи. В пятом классе я взяла книгу «Пламя гнева», на обложке которой негр бил в барабан. Эта книга о забастовке негров, об их ужасной жизни. И вот я читаю, что жена, провожая мужа на митинг, причём, жена – домохозяйка, ему говорит, что, к сожалению,

нию, на завтрак она ему может предложить только чёрный кофе и бутерброды с сыром. Я была потрясена! Мы много лет, кроме ячменного напитка и кофе с цикорием, ничего и не пробовали, а уж сыр ели только по праздникам.

Читая о восстании декабристов, я не понимала, чего они хотели и почему не начали с себя? Отпустили бы своих крестьян на волю, разделив между ними своё богатство.

Если Россия – тюрьма народов, то почему все желающие свободно уезжали и въезжали в неё? Когда нам Зинаида Васильевна говорила о Пушкине, о его нищете, долгах, травле со стороны света и царя, то я не могла понять, почему его жена должна была на балах появляться каждый раз в новом платье? И я ненавидела эту мотовку. Мы представляли, как Пушкин ест картошку в мундире, экономя ей на платье! Наша наивность была потрясающей! Наши учителя не имели никакого права говорить правду. Нас, как кокон, окручивали липкой ниткой лжи, чтобы потом оттуда вылупилось недумающее, запуганное, оболваненное пропагандой существо. Я помню, как я плакала в музее Ленина, глядя на его костюм и галстук в горошек! Когда все ученики ушли, а я всё ещё патриотически шмыгала носом, ко мне подошла смотрительница и, не разжимая губ, прошептала: «По всей стране тысячи музеев с костюмами». Эта мысль дошла до меня не сразу, но дошла! Нам говорили вскользь о запрещённых поэтах – Есенине, Ахматовой и других, чтобы мы знали, что они воспевают. Это подхлестывало моё любопытство, и я везде старалась достать эти стихи.

Я читала много зарубежной классики – Драйзера, Золя, Мопассана. Они меня оглушили откровенными сценами, о которых мы только знали на уровне пестика и тычинок и то стеснялись на эту тему отвечать урок. Я перечитала все, что были, книги А. Дюма, фантастика развивала воображе-

ние. Но особенно до сих пор я люблю «Алые паруса» А. Грина, я всю жизнь вглядывалась в горизонт, когда жизнь мне подносила очередные «подарки», искала свои паруса и ждала своего Грея. Эта книга всегда у меня под рукой. Русскую классику, что могла достать, проглатывала, но вот «Войну и Мир» в школе никак не могла осилить, хотя писала хорошие сочинения. Но зато с каким наслаждением, читая специально медленно, чтобы растянуть удовольствие, я этот роман читала в 30 лет! Ненавижу «Лолиту» Набокова. Принималась не раз читать – появляется чисто физическое отвращение.

В общем, вопросов по школьным темам и по другой литературе у меня было много. Со всем этим багажом я шла к любимой Зинаидушке. Она смотрела на меня умными глазами, отвечала, иногда говорила: «Подрастёшь – поймёшь», и я верила ей, советовала мне поступать после школы в университет на филологию. Нелли Альфредовна Синашкина предлагала поступать в музыкальное училище, так как у меня обнаружился красивый голос, почти в три октавы, который в 35 лет я загубила, удалив миндалины (высохли связки).

Забегая вперёд, скажу, что после окончания медицинского училища, все преподаватели советовали мне учиться на врача, увидев во мне нужные для этой работы качества.

Одним словом – гуманитарий!

Наступил 1953 год, прошла уже не одна реформа денег, которая однажды мне принесла доход. Менялись все деньги, кроме медных, а у меня была копилка, куда я только и могла бросать медь. И вот этой меди скопилось 1 руб. 90 коп., с учётом тех цен я чувствовала себя богачкой. В школе обсуждали «дело врачей», ученики и учителя – евреи ходили, как побитые. У меня на все такие случаи почему-то возникало протестное поведение. В моих приятелях все-

гда были евреи и даже первая любовь, довольно сильная, был еврей. Для меня не было «национального вопроса», хотя ученики – татары всегда держались от нас особняком. И вдруг, как гром среди ясного неба! Наш горячо любимый, мудрейший, по сводкам радио, заболел. К нам в дом набивались соседи послушать сводки, как с поля боя, о здоровье товарища Сталина. Интересно, что творилось в их душах? Почти каждый был пострадавшим в чём-либо от «любимого отца». Но лица, приученные системой, не выражали ничего, кроме скорби. И вот, случилось! С опозданием, но пришлось сказать народу правду.

Я пришла в школу, похожую по настроению на морг – ни шума, ни беготни, чёрные повязки на руках учителей. Выстроили линейку, объявили о всенародном горе, многие учителя плакали, особенно одна, что меня тогда удивило, еврейка. Она руками закрывала лицо и сквозь слёзы вскрикивала: «Как же мы теперь будем жить?!» Некоторые школьники порывались ехать в Москву на похороны товарища Сталина любым путём (в Москве были колоссальные жертвы). Разошлись по классам притихшие, у нас был урок истории, молодая учительница, ныне живущая в Тосно, посмотрев на нас, вдруг сказала: «Ребята, запомните этот день, так как настанет время, когда все колокола России в церквах будут в этот день радостно звонить!» Никто не задал ни единого вопроса. Я недавно напомнила ей об этой фразе, она изумлённо на меня посмотрела и произнесла: «Неужели я могла это сказать?» Телевизоров тогда ни у кого не было, радиотарелка стонала траурной музыкой, и настроение у всех было невесёлое, хотя в моём ближайшем окружении никто не плакал, предпочитали помалкивать, страх перед «любимым отцом» и страх вообще ещё будет жить много-много лет. Совсем недавно я узнала, что верно-

го ленинца хоронили по-христианскому обычаю с отпеванием в храме и сам Патриарх читал прощальную речь!

Учебный год кончился, начались выпускные экзамены. Кто поступил в техникум, кто пошёл в восьмой класс, кто в школу рабочей молодёжи. Кончилось детство и часть отрочества. Впереди, казалось, необозримая жизнь!

Первая работа

После окончания Отечественной войны надо было устраивать людей на работу. Была организована артель инвалидов, которая имела филиалы по всему району. В Тосно она занимала помещения в уцелевших домах, но цех игрушки, вероятно, был выстроен пленными немцами, которых в Тосно оставалось много. Мы вместе с ними стояли в очереди за хлебом. Бегая по лесу, мы постоянно натывались на них, где они работали, как нам казалось, без всякой охраны. Стоя поодаль от немцев, мы всегда кричали: «Гитлер капут» и «хендэ хох», они молча смотрели на нас, и мы быстро убегали.

Так вот, этот цех игрушки был расположен в начале улицы М. Горького. Это было неказистое одноэтажное кирпичное здание, обнесённое высоким забором, с проходной. Внутри были расположены склады для сырья и готовой продукции. Артель инвалидов меняла несколько раз своё название по мере расширения площадей. Сначала она переименовалась в «Галхимпром», позже – в «Промвторсырьё», фабрику «Знамя» и наконец в «Пролетарский труд».

Шёл 1954 год. Окончив семь классов дневной школы, я по семейным обстоятельствам была устроена своим отцом «по благу» в цех игрушки. «Там интересно работать, там такие красивые игрушки делают», – сказала мне моя тётка, у которой муж работал на проходной.

Я надела похуже платье и с отцом пошла начинать свой трудовой путь. Он завёл меня в конторку и сдал на руки начальнику цеха Горону Матвею Абрамовичу. Это был породистый, симпатичный дядька, который внимательно на меня посмотрел, задал кое-какие вопросы и поставил учиться красильщицей на пульверизаторе. В небольшой комнате сидела привлекательная молодая женщина Вера, с которой я очень подружилась, невзирая на большую разницу в возрасте. Рядом с ней было свободное место.

Перед небольшой вытяжной камерой висело моё орудие производства – пистолет, как мы его называли, я должна была хорошо его изучить, уметь регулировать струю краски, правильно его чистить и, естественно, научиться

быстро красить игрушки. Халатов, перчаток не было. После работы руки отмывали ацетоном, платье старались не заляпывать краской. К вечеру плохо работающая вытяжка обрастала толстым слоем краски, которую надо было как-то, чем-то отодрать, не применяя металлических скребков, так как от малейшей искры мог быть страшный пожар.

Мне дали три месяца на учёбу с оплатой 200 рублей в месяц. Вскоре в цех взяли ещё одну мою ровесницу Валю, её старшая сестра работала здесь же контролёром ОТК.

В цехе работали девушки и женщины не старше сорока лет, человек 30. Это была маленькая фабрика по изготовлению игрушек из целлулоида – очень горючего материала. На склад привозили листы розового цвета, из них прессовали игрушки: Буратин, Мурзилка, медвежат с гармошкой, петушков. С паром и шипением смыкались пресс-формы, через несколько минут они поднимались, прессовку с игрушками вытаскивали, обломщики выдавливали полуфабрикат, коробки отправлялись в цех фрезеровки, где снимался облой (острая кромка), оттуда игрушки или их детали шли на ручную или пульверизаторную окраску и на сборку.

Условия работы не соответствовали никаким санитарным нормам, за что цех впоследствии закрыли, а людям, проработавшим там по 15-20 лет и потерявшим всё своё здоровье, не дали даже пенсии по вредности.

Здесь же, в цехе ручной окраски, проводилась и сборка, стояли длинные столы без всякой вытяжки. Молодые женщины, низко склоняясь над ацетоновыми красками шесть дней в неделю, пока не сделали субботу выходным днём, ежедневно разрушали свой организм. Нам за вредные условия труда полагалось ежедневно молоко, но так как его почти не было, то в конце месяца нам выдавали

сгущёнку, и мы радовались, что можно что-то принести домой семье.

Сижу я рядом с Верой, вытяжка почти не тянет, пылим краской, уже нос весь забит, физиономии подзакрасились, о руках и говорить нечего – на них толстенные «перчатки» из краски. Кое-как почистив руки, убегаю на обед, выплёвываю краску, съедаю миску пареной брусники и только потом могу что-то есть. Не понимали по неграмотности, что это организм сигнализировал о сбое, что нарушалась кислотность желудка со всеми последствиями для здоровья. Брусника меня поддерживала. Я всю жизнь до сих пор слушаю свой организм и часто поступаю вопреки советам наших терапевтов. Но была одна особенная операция, куда ставили только нас, малолеток, на ученической зарплате, чтобы не платить больше. Это – ацетонка готовых игрушек. Рядом с прессами на водяной бане без всякой вентиляции в котелке кипел ацетон. Надо было над его паром подержать игрушку, тогда она начинала блестеть. Сначала на этой операции становилось нехорошо: подташнивало, кружилась голова, но потом мы так втянулись вдыхать этот пар, что становились почти зависимыми от него и с удовольствием целыми днями стояли у этого проклятого котелка. Уже по прошествии многих лет всё это нам здорово откликнулось.

Я немного опередила события, вернусь к первым дням моего знакомства с цехом и работницами. Правда, я уже человек шесть знала, и потому мне было просто влиться в этот коллектив, тем более что я общительная по характеру. Но всё же цех меня на второй день работы просто ошарашил. Не успела я войти в помещение, как услышала ругань сначала одиночную, потом кто-то ещё присоединился и, как по цепочке, понеслось. Такого образного мата я не слышала ни разу. Слышала отдельные матюки, но чтобы

они были так нанизаны один на другой, это был высший пилотаж! Оказывается, ругались здесь очень часто и всё из-за того, что кто-то, придя в цех раньше других, захватил себе большую часть работы, оставив другим мизер. А зарплата зависела от выработки. К счастью, на пульверизаторах работы всегда хватало.

Объяснив друг дружке, чья она дочь, какие и на кого похожи у неё ноги, каким образом и где её сделали и что с ней будет по жизни, цех наконец затихал. Интересно, что никто из начальства цеха в этот ор не вмешивался. Я сначала очень стеснялась таких сцен, сказывался юный возраст, потом как-то попривыкла, но никогда в цехе не ругнулась матом, да и до сих пор этого не делаю, если только когда молотком по пальцу, то... бывает!

Итак, цех затихал, слышались постукивания сборщиков, бульканье краски, шарканье по полу коробок, потом злость проходила, а так как некоторые девчата занимались в хоре, то кто-нибудь начинал тихонько напевать про ивушку зелёную, грушицу кудрявую, пели песни тягучие, распевные, словно за прялкой на посиделках. Пели на два голоса, слушая друг дружку. Серебристый голос Аллы Планиной (вечная ей память) солировал, лица светлели, кто-нибудь смахивал слезу, ещё слишком близко была война, а горя, голода хлебнули все. Если петь переставали, то в дверях появлялась солидная фигура Матвея Абрамовича и произносила: «Попойте ещё, пожалуйста». Это было как «браво»! О чём уж тут говорить! Уходили с работы дружелюбные, весёлые, иногда пряча за пазухой игрушку. Вот этим воровством пользовалось очень хорошо наше начальство. В конце каждого месяца начальник цеха с трагическим лицом объявлял: «Девушки, вы растащили очень много игрушек, надо бесплатно поработать воскресенье». Все опускали головы, так как считали это правдой.

Весь цех работал беспрекословно, готовую продукцию вывозили сразу, иногда даже ночью.

Когда грянула очередная реформа денег, у Горона Матвея Абрамовича вся стена на даче под обоями оказалась заложённой пачками денег, которые он не смог обменять. Об этом лично мне рассказала одна наша работница, которая ночевала у него на даче: грешен был Матвей Абрамович, любил молодых! Конечно, мы обе молчали, как рыбы. Мне она рассказала по дружбе и потому что трудно одной такое переварить.

Игрушек в стране не хватало, и слава цеха гремела. Тем более что мы были, как говорится, на плаву. Всё, что только где-то начиналось, в нашем цехе сразу подхватывалось. Мы были призёрами соцсоревнований, мы первыми боролись за звание бригады коммунистического труда (это при таких условиях!), в нашем цехе регулярно проводились политинформации, чтением газет занималась я, да особенно никто и не хотел это делать, гимнастику во время работы тоже начали делать первыми мы. Мы, молодые, жили очень насыщенной жизнью, чем мы только не увлекались. Дежурили в народной дружине, правда, обязательно с нами ходил мужчина, а иначе за такими дружинницами увязывались поклонники, учились в пожарной команде, таскали и соединяли рукава, учились оказывать первую помощь, занимались в фабричной и поселковой самодеятельности, ходили на спортивные секции.

Зимой мы ездили кататься на коньках и соревновались с другими коллективами. Спорт вообще приветствовался. Нас, несколько человек, отпускали с работы пораньше, и мы ехали на каток в Колпино. У девчат были шаровары на резинке внизу штанин, у ребят брюки, заправленные в носки. На головах обычные, у кого какие, шапки. Однажды перед соревнованиями наши парни Витя и Коля решили

сделать пробный забег, а тренировались мы на беговых коньках с длинным лезвием. Ребята встали на «старт» и по команде рванули вперёд, но почему-то не заскользили по льду, а побежали. Виктор зацепился коньком за брюки, грохнулся на лёд и по инерции полетел на животе, причём, на полкорпуса обогнав бегущего Николая. Хохотали и соперники, и мы, и зрители, подходившие на каток.

Не забуду никогда первую получку 100 рублей. Я пришла на обед и молча положила перед мамой на стол деньги. «Господи! – воскликнула мама, – а я всё думаю, где взять деньги? Очередь за отрубями подходит, как раз 100 рублей и надо». Я была очень довольна собой. Через три месяца ученичества я заработала 540 рублей. Начальник цеха – хороший психолог – поздравил меня и на весь цех объявил: «Это же надо, молодая девочка и такие деньги заработала!».

Я обычно старательно работала, но иногда в цех приходили молодые знакомые ребята из других цехов, и начиналась болтовня, хохот, и тогда старший мастер со словами: «А ну, детский сад, вон отсюда!» всех выгонял.

По четыре дня в неделю с 19 до 23 часов я училась в школе рабочей молодёжи. Дисциплина была строгая, редко прогуливали уроки. Наш любимый директор Екатерина Алексеевна Полонская лично обходила рабочие места, смотрела, кто чем занимается. Если вдруг на кого-то она жаловалась, что было крайне редко, могли и наказать, лишить премии, благодарности, а ведь учёба была делом добровольным.

Отношения с работницами у меня были хорошие, только с одним человеком я не ладила. В небольшом закутке на разведении красок работал невысокий, хромой, какой-то кривобокий мужичонка Петя. Девчата ходили к нему за краской, и он не пропускал случая каждую при-

жать в уголке. Они, все взрослые, кто смеялся, кто угощал его порцией мата, возвращались в цех, громко рассуждая на эту тему. Первое время он вёл себя со мной очень скромно, но потом попытался проделать свой трюк. Я, выросшая среди уличных мальчишек, не уступавшая им в играх и драках, выхватила из бачка с краской палку и вмазала ему по голове. Хорошо, что он успел уклониться и удар пришёлся по плечу и шее. Вся красная, я вбежала в цех, рассказала обо всём своей напарнице, та молча встала и пошла посмотреть, что с ним. Весь в краске, с приличной ссадиной, он до вечера отмывался ацетоном. Больше заигрывать со мной ему не хотелось никогда.

На фабрике я вступила в комсомол. Сейчас смешно вспоминать о том диком до трясучки волнении, которое я испытала перед дверью райкома. Мне казалось, что жизнь моя станет совершенно другой – возвышенной, более интересной, более правильной. Какие мы были поначалу наивные, глупые и не знающие ничего!

Я выросла в православной семье, с малых лет ходила в церковь, у нас в доме висели иконы, на Пасху мама пекла огромные куличи и варила пасху. Мы устраивали игры с крашеными яйцами. А тут получалась нестыковка. Райком да и наши фабричные профком и местком вели бой «с опиумом для народа». И всё же для себя я решила, что одно другому не вредит. На Пасху около храма выставлялся комсомольский пикет, дежурные за шиворот хватали комсомольцев, кое-кого успевали записать в чёрный список со всеми неприятными последствиями. Но молодёжи столько приходило на крестный ход, что некуда было поставить ногу. Стояли молча с горящими свечами, пока не пропоют «Христос воскрес!». Я думаю, что это было просто протестное проявление против запрета на церковь. Удиви-

тельно, что я ни разу не попала ни в какой список. Все знали, что я бываю в церкви и – ничего.

На Пасху в ДК устраивались бесплатные ночные танцы, и молодёжь от храма валила туда весёлой толпой, при этом не упуская случая похристосоваться. Я на эти танцы не ходила ни разу.

После известного съезда, где говорили о культуре Сталина, народ чуть-чуть вздохнул, но страх остался почти на генетическом уровне. Одна молодая коммунистка после собрания сказала: «Надо же, Сталин какой был паразит, столько людей расстрелял невинных!». В цехе повисла тишина, ни звука. Вдруг одна из более старших работниц закричала: «Стрелять их и надо было, врагов-то, вон нас небось не тронули, а мама даже председателем сельсовета стала». Никто ни гу-гу, страх ещё многие годы будет терзать. Но мы, совсем ещё зелёные, поначалу поверили в «оттепель». На комсомольских собраниях мы уже кое-что пытались говорить, но как позже выяснится, это была стрельба по воробьям горохом. Но всё же на всю жизнь у меня остался задор, смелость в суждениях, прямота, умение выступать в любой аудитории. Это комсомольские росточки.

Была на работе у нас одна повинность, которую мы ненавидели все и дружно. Это работа в совхозе и колхозе. Было бы ничего, если бы нас посылали хотя бы на неделю, а не на месяц-полтора без права приехать домой на выходные, так как завозили на грузовике далеко и другого способа добраться не было. Замужних посылали в ближайшие отделения Шапки, Староселье и то на день, а нас, молодых, особенно комсомольцев и коммунистов, гоняли по колхозам с ранней весны до поздней осени. Мои поездки кончались 1 сентября – выручала школа рабочей молодёжи. Сейчас, встречаясь с бывшими работницами, мы удив-

ляемся, как мы могли жить и работать в таких условиях. В колхоз собирался мешок с хлебом, булкой, маргарином, килькой в томате, варёными яйцами и, если была, с курятиной. Нас увозили по отделениям колхоза, расселяли по сараям, чердакам, редко кому удавалось пристроиться к кому-либо в дом. Спали на сене одетыми, снимали только сапоги. Из колхоза нам давали молоко и картошку. Где-то на улице мы кипятили чай, мылись в реке, если она была. Днём запасались горохом с поля и ели его, лёжа. Булка через неделю плесневела, мы спокойно вырезали плесень и ели. Магазинов не было, так что покупать было нечего и негде. Весной просеивали землю через грохот для парников. Убирали навоз, пололи, причём надо было выполнить норму, работали на сенокосе. Я однажды со своим характером вызвалась помочь дояркам, доить я умела и в азарте подоила сразу несколько коров. Утром я не могла пошевелить пальцами и плакала от боли. Точно так же, не уступая местным парням, я села на лошадь без седла, кто-то шлёпнул рукой по крупу, и мы помчались по полю. Как остановить лошадь, я не знала. Хорошо, что умная кобыла просто сбросила меня в копну сена. Передать ощущения после этой езды не берусь – надо мной не смеялся только ленивый.

Была среди нас (ныне хорошо живущая) одна девица-ленивица Рая. Она слыла среди нас особой со странностями. Только странности всегда были направлены в её пользу. Если все мы брали грабли и ворошили, сгребали сено или, стоя на стогу, утаптывали его, то Рая преспокойно пряталась где-нибудь в кустах и спала. Мы, если её находили, то с руганью заставляли работать. Однажды мы её не нашли и вдруг слышим – колхозный бригадир, высокий, похожий на Челкаша, по фамилии Панилевский ругается по-чёрному. Оказывается, он чуть не заколол деревянными вилами Раю в копне сена, которую хотел перенести ближе к стогу. Он зацепил её вилами за кофту, приподнял, а она, хлопая сонными глазами, без единого звука слушала его эпитеты в её честь. Мы смеялись, ругались, но она, что называется, чихала на всех. Но в цехе она трудилась хорошо.

У нас работала настоящая красавица по имени Галина: кареглазая, с красивыми губами, волной густых, тёмных кудрей. Сколько парней по ней страдало! Так вот мы с ней только вернулись из месячной ссылки, я стояла рядом с ней, что-то обсуждая. Она работала красильщицей за столом, рисовала игрушкам глазки, ротки, ну и прочее. Сидит она, кисточкой помакивает в краску, вдруг подходит к ней старший мастер Фридман, недавно перенёсший микроинсульт и потому частично потерявший слух и подвижность лица. Он явно нервничает, так как ему поручено сказать, что мы снова должны ехать в колхоз. Он немного топчется на месте, наклоняется к Гале и говорит: «Товарищ Ананьева, вам необходимо ехать в колхоз». Последовала пауза, которой мог бы позавидовать любой актёр. Глаза у товарища Ананьевой округляются, и наша красавица негромко выдаёт такой набор фраз, что все затихают

и ждут продолжения. Глуховатый Фридман, ничего не разобрав, наклоняется ещё ниже и очень почтительно спрашивает: «Что вы сказали, товарищ Ананьева?». То, что сказала товарищ Ананьева, об этом ещё не знал ни один словарь мира. Товарищ Ананьева, не меняя позы, так же макая кисточку в краску, продолжала... Цех напрягается... и тут раздаётся какой-то всхлип, ещё секунда, и оглушительный хохот заставляет бедного Фридмана ретироваться. А через час появляется начальник цеха Горон и каким-то пресным голосом объявляет, что Ананьева, Ильина и ещё трое патриотов снова завтра уезжают поднимать сельское хозяйство.

Забегу на несколько лет вперёд, чтобы покончить с темой о совхозе. Нас однажды на грузовике-полуторке повезли на один день куда-то за Любань на уборку картошки. Я к тому времени была уже освобождённым секретарём комсомольской организации нашей фабрики. К вечеру уставшие работницы разложили свои пайки, напекли картошки, достали бутылёк и стали пировать, не забывая и шофёра Виктора, который почему-то не отказался. Я тогда уехала домой и знаю обо всём только из рассказов. Настроение было весёлое, пели песни да так с песнями и уселись в кузов. Машина не была приспособлена для перевозки людей, но это никого не волновало. Что случилось через какое-то время, никто толком не мог объяснить. Произошла авария. Люди повылетали из кузова, некоторые получили серьёзные травмы и впоследствии инвалидность. Виктора арестовали. Мы его очень жалели, он был хороший человек, активный комсомолец и на собрании решили взять его на поруки коллектива. Тогда это было модно. Общественным защитником выбрали меня. Мне было тогда, наверное, лет 19. Суд был в Любани. Народу в зале было много: наши работники, родня и друзья Виктора и

просто любопытные. Судья был молодой симпатичный парень, может быть, недавний студент, по бокам сидели молодые девчата – народные заседатели. После всех разбирательств было предоставлено слово мне. Я шла, молодая и красивая, к трибуне, улыбаясь и смело посматривая на судью. Никакого смущения и неловкости я совершенно не испытывала. Речь моя была яркая, образная, очень проникновенная. Как это судья слезу не пролил? Выходило, что Виктор сам почти жертва, а не преступник. Короче, его выпустили из-под стражи прямо в зале суда на поруки комсомольской организации с таким вожаком.

Я была героем недолго, так как скоро Виктора арестовали снова и дали срок около трёх лет и, конечно, это было справедливо, с учётом тяжесть травм.

Наши работники довольно часто за символическую плату могли в профкоме взять путёвку в дом отдыха. Я ездила раза два-три в Вырицу. Об этом писать не буду, так как воспоминания займут много места. Для меня это были ещё довольно жёсткие уроки жизни, казалось бы, в таком безопасном месте. Смешно сейчас вспоминать, как в конце смены при взвешивании мы радостно хвастались друг дружке: «А я прибавила четыре килограмма, а я шесть килограммов...» Завидовали тем, кто набрал больше вес! Конечно, молодым, не очень сытым, нам ожирение не грозило, не то, что теперь – на некоторых молодых страшно смотреть.

Был у нас ещё один важный день в году. Это отчётно-перевыборное собрание. К этому дню готовились весь год, подводились итоги социалистического соревнования, самодеятельность готовила концерт, даже наряды кое-какие обновлялись, чтобы блеснуть перед всеми. Возбуждённые, мы приходили в дом культуры, шумно здоровались, смеялись. Президиум занимал свои места, и действие начина-

лось. Основной доклад слушали не очень, оживлялись, если какой-то цех хвалили или ругали, но когда начиналось награждение... Радовались любому подарку, любой безделушке, а уж если получали грамоту, да с премией, то счастью не было предела. Мне на таком собрании вручили после окончания десятого класса школы рабочей молодёжи репродукцию И. Крамского «Лунная ночь» такого хорошего качества, что до сих пор она вводит друзей в заблуждение, они думают, что это хорошая копия. Наконец торжественная часть проходила, и начинался концерт самодеятельности. Неизбалованный народ по-доброму принимал каждый номер, кричали «браво», не уходил никто. Зал замирал, женщины смахивали слёзы, когда Алла Планина пела из репертуара Лолиты Торрес: «Я не знала, что тебе мешала, что тобою избран другой в жизни путь», её голос лился серебряным потоком. Ей бы петь на большой сцене, но жизнь не давала. Слава Варламов со своей «Гюльнаррой» был любимцем, Аня Орлова читала целые поэмы, и все слушали. Я с Валею Орловой пела частушки и народные песни, очень любили наш хор за исполнение и репертуар. Руководили им тогда ещё начинающие свой творческий путь Борис Крымов и Альберт (фамилию забыла).

После окончания собрания мы шли в свой красный уголок, по пути прихватив дешёвое вино, лимонад, какую-нибудь еду, и танцевали под радиолу.

В этом красном уголке мы сыграли первую комсомольскую свадьбу. Пригласили редактора газеты «Ленинское знамя» З.С. Соколинского с супругой, райкомовских работников, наше руководство. Стол был накрыт вскладчину очень скромно, особой выдумки мы не проявили, но в газете об этом писали, призывая брать с нас пример.

Я очень подружилась с партгоргом фабрики Любовью Ивановной Кейзер. Это была начитанная, остроумнейшая

женщина, понимавшая всё, что происходило. Попыхивая папиросой, она мне говорила: «Инка, вступай в партию, иначе карьеры не сделаешь, я тебе дам рекомендацию». Но Инка уже тогда многое видела и не хотела жить такой двойной, если не тройной, жизнью. Я и так, уже повзрослев, долго удивлялась своей юношеской наивности в некоторых вопросах и ситуациях, к чему были причастны коммунисты. Но Любовь Ивановна жила по совести. Мы с мужем часто, спустя годы, ездили на велосипедах к ней в Ульяновку, где она читала нам любимого А. Апухтина, поила чаем с вареньем и обязательно дарила банку грибов, которые она сама не ела. Трепетно храню полученную от неё в подарок на свадьбу вазу, все поздравительные открытки и носочки, связанные моему новорождённому сыну.

Годы летели быстро. Получив аттестат зрелости, я стала просить у родителей разрешения пойти куда-нибудь учиться, ведь шесть лет я работала на семью. Я уволилась из цеха и вернулась на фабрику «Пролетарский труд» уже через много лет инженером-технологом в цех по изготовлению искусственных кож.

Но где бы мы, бывшие работницы цеха игрушки ни встречались, всегда рады друг другу от всей души. Первая работа, как первая любовь, помнится всю жизнь.

Дом культуры в нашей жизни

Мы, ребяташки, бегали смотреть, как разрушали колокольню у храма на проспекте Ленина. Огромный шар, раскачиваясь на канате, бил по бело-голубой красавице, она вздрагивала, роняя обломки кирпича, и через несколько дней рухнула. Вокруг лежали чёрные мраморные плиты с золотыми надписями. Не хватило ума переписать фамилии. Говорят, что эти плиты растащили под фундаменты домов. Щепками от гробов отапливали небольшую будку, где сидел сторож.

Я там подобрала жестяную чашу, назначение которой не знала. В ней, оказывается, держат землю, нужную при отпевании усопшего. Чаша хранится у меня до сих пор.

Сначала открыли Дом культуры прямо в неперделанном храме. Мы входили в очень узкий коридор, так как основная его часть была приспособлена под гардероб, раздевались и через небольшое фойе шли в танцевальный зал со сценой. В зале стояли две круглые печки, около них всегда жались девчонки. Слева был балкон, с которого показывали кино, туда можно было подниматься всем. Со временем в фойе открыли буфет, где продавали очень вкусный лимонад, дешёвые конфеты, булочки, но я ни разу ничего не купила, так как не было денег. На танцы я пошла в 16 лет. На мне было бордовое штапельное платье с белым выюничком на воротнике, сшитое мамой, и мужские коричневые полуботинки. Это мне не помешало стать любимой партнёршей парней, так как я легко танцевала, быстро подстраиваясь, и ко мне с приглашением на танец всегда одновременно подходили несколько ребят, но предпочте-

ние, по правилам хорошего тона, отдавалось всегда первому.

Среди танцующих всегда был культработник и пары из танцевального кружка, которые обучали нас разным танцам. Половина времени отдавалась бальным танцам, которые мы очень любили и заранее договаривались с партнёрами, кто с кем и какой танец танцует. Как было интересно смотреть, когда парень, стоя на одном колене, вращает вокруг себя, держа за пальчик, девчонку в широкой юбке, с накрахмаленной нижней юбкой. Талия казалась ещё тоньше, размер ног у всех был очень маленький, редко у кого был 38, а так от 34 до 37. И если на ногах счастливицы были туфли, то это был высший класс! Я сменила полуботинки на парусиновые туфли, которые в цехе красила из пульверизатора в чёрный цвет, и на вечер их хватало, так я ходила в них довольно долго, потом стали появляться туфли «лодочки», самые дешёвые и наконец к девятнадцати годам я купила себе настоящие лакированные, чёрные с бантиком туфли 35-го размера, которые не могла сносить несколько лет и, уже будучи замужем, сожгла их в плите.

На танцах никогда не было пьяных. Их не пускали, да и девчонки не шли с ними танцевать. Дружинники из молодёжи знали своё дело. Следили за порядком, за длинными волосами, коками, брюками, неподобающими у парней, за длиной юбок у девчонок, степенью оголённости плеч. Если «нарушитель» тут же не каялся, то на следующих танцах его показывали в световой газете. Это были карикатуры с указанием фамилии, проецируемые на экран. Помню, что в этой газете промелькнули имена моих бывших одноклассниц Н.К. и Н.Г. Не знаю, осуждали мы или нет провинившихся, но всегда парни гоготали.

Танцевали мы под радиолу. Часто пластинки приносили из дома. Но бывали изредка и духовой оркестр, и инструментальный. Это был праздник!

Во время танцев парни пытались навязаться в провожатые к приглянувшимся девчонкам, если это удавалось, то они брали из гардероба их пальто, но, самое главное, они забирали у них туфли, завёрнутые в газету. Засунув их под мышку, они были уверены, что девушка уже никуда не денется. Хотя моя двоюродная сестра, оставив незадачливому кавалеру туфли, убежала от него, долго не появляясь на танцах, так что он еле отделался от её туфель, как-то передав через знакомых.

Мы, хористки, сбивались в кучку и, растянувшись во всю ширину шоссе, начинали петь. Пели задушевно, по голосам, а за нами шли наши воздыхатели, причём, каждый старался идти сзади своей симпатии.

У нас часто устраивались разные «балы». Например, ситцевый бал: все обязаны были прийти только в ситцевых платьях. За лучшее награждались: это могла быть записная книжка, какая-нибудь игрушка и прочие пустячки, но радости было! Проводились балы на тему осени. Тут уж фантазия была через край. Нашивались яркие листья клёна, плелись венки из цветов, делались рябиновые бусы, у ребят из карманов торчали цветы. В зале было пестро, радостно и весело! Также устраивались тематические вечера о русских писателях. Конечно, только разрешённых цензурой. На наших танцах прививались правила поведения, уважительное отношение к женщине. На танцы ходили и взрослые до тридцати лет.

Расскажу о кружках самодеятельности. Все кружки и спортивные секции были бесплатными.

Драматический кружок все тосненцы очень любили. На его спектаклях зал был набит до отказа, хотя билеты были платные.

Руководила кружком бывшая актриса Галина Константиновна Макушина. Это была высокая, худошавая, с глазами лани, красивая женщина средних лет. Она на полном серьёзе учила нас сценическому мастерству, заставляя играть предложенные обстоятельства. В кружок ходило очень много народу: уже взрослые Басова Мария Васильевна, Синашкин Николай Семёнович, Вишневецкая Валерия Альфонсовна, Черняева Александра Ивановна, а из нашего поколения и чуть старше Аня Орлова, Саша Хайдуков, Володя Андреев, Нина Каукина, Борис Большаков (ныне в хоре ветеранов), Ира Шимко, я и много других. Интересно, что даже директора ДК состояли в кружке.

Ставили не только классику: «Таланты и поклонники» А. Островского, «Мещане» М. Горького, «В поисках радости» В. Розова, но и одноактные пьесы на тему дня. Однажды в совхозе «Ушаки» играли «Мещан». Внезапно погас свет, так зрители сбегали домой и принесли керосиновые лампы, чтобы досмотреть спектакль.

Бывали и курьёзные случаи. В Тосно играли «Случай на полустанке». Валерия Альфонсовна исполняла роль контрабандистки, а Борис Большаков – матроса, которого она камнем бьёт по голове, и тот падает. Во время падения Боря ловко измазался красным гримом – «кровью» - и лежит бездыханно. «Контрабандистку» тем временем уводят. И вот Валерия выглядывает из-за кулис на сцену, видит матроса «в крови», вскрикивает и теряет сознание. Боря еле приводит её в чувство. Она смотрит на него безумными глазами, но начинает соображать, что это грим. Оказалось, что на репетициях Борис этого не делал, и она подумала, что действительно его убила.

Валерия Альфонсовна здорово читала басни. И когда она каркала, изображая ворону, то весь зал взрывался смехом и аплодисментами.

Я пригласила на спектакль своих будущих свёкра и свекровь, не объяснив, какую роль я играю. Надо ли говорить, как я выкладывалась, желая им понравиться, знайте, мол, кого в невестки берёте! Галина Константиновна меня похвалила. Гордая, я побежала в зал. «Иннушка, что же ты не играла? Мы ждали, ждали, когда ты выйдешь, тебя что, заменили?» Я просто онемела, я играла главную роль и весь спектакль была на сцене. Кажется, я их так и не разуверила. До сих пор думаю, не лучший ли это комплимент для артиста? Парик и грим, видно, меня очень изменили.

Борис Большаков до сих пор читает басни тех лет, и его с удовольствием принимают. Галина Константиновна ещё много лет руководила драмкружком в Колпине.

В танцевальный кружок я не ходила из-за нехватки времени. Руководитель Павел Павлович Шабунин – знаменитый Пал Палыч, бывший танцор. Он набрал очень большой коллектив и держал всех в ежовых рукавицах. Я со стороны наблюдала за репетициями и радовалась, что меня там нет. Он учил ребят по полной программе. Все мокрые, они разучивали различные «па» до изнеможения. Зато на сцене на них смотреть было одно наслаждение. У всех осталась грация на всю жизнь – прямая спина, осанка. Они танцевали танцы народов мира и русские. Высокая аскетичная фигура Пал Палыча стояла в кулисах и секла каждое неверное движение, чтобы потом на репетиции отработать его до автоматизма. С танцем «Госненская капуста» коллектив ездил выступать в Москву на ВДНХ. Всем сшили красивые зелёные костюмы, похожие на кочан капусты. Из Москвы приехали со славою, наградами и подарками. Тоня Кузнецова из хора ветеранов до сих пор та-

кие дробы отбивает на сцене, что только можно позавидовать!

Особенно мы любили танец «Сплетницы» в талантливом исполнении Шуры Филипповой и Раи Ефимовой (фамилии девичьи). Эти две невысокие, складные девчонки на сцене такое выделяли, что зал покатывался со смеху. Рая Ефимова-Карцева живёт в Тосно, её дочь танцевала в ДК, и внучка танцует.

В хоре Дома культуры я оказалась в 1954, когда пошла работать и учиться в вечернюю школу. Руководила хором мне хорошо знакомая по урокам пения в школе Нелли Альфредовна Синашкина. Хрупкая, миловидная, с огромным концертным аккордеоном на худеньких плечах, она фанатично занималась с нами, не жалея времени и силы. Всегда очень выдержанная, она терпеливо разучивала какую-нибудь неподдающуюся музыкальную фразу. Мы её обожали. Хор сначала был небольшой и только девичий. Но, когда наши выступления стали нравиться, к нам потянулись и парни. Создался хор из 76 человек, где парней было не менее тридцати. Как таким большим коллективом могла управлять наша Нелли, сама ещё совсем молодая? Пели мы серьёзные произведения из классики, русские народные и советские песни. Был ансамбль, были дуэты и, конечно, солисты. Из нашего хора вышло несколько профессионалов. Например, Герман Платонов, будущий композитор, директор Ульяновского ДК. Зал замирал, как от пения Орфея, от его «Маленького цветка». Алла Коренькова с голосом, заслуживающим большой сцены. «Соловей» Алябьева, «Две ласточки» Верстовского заставляли вытирать слёзы даже хористок. Алла Планина – это поток льющегося серебра с её песней про два сольди и из репертуара Лолиты Торрес. «Я не знала, что тебе мешала», – и слёзы катились по её лицу, зал вздыхал, и многие женщи-

ны плакали. Зина Малиновская из очень бедной семьи с русскими песнями из репертуара Лидии Руслановой. «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки», – нёсся со сцены низкий, грудной, красивый голос, и в зале притопывали, прихлопывали, настроение менялось с грустного на весёлое. Галина Роднова-Михневич – тоненькая, подвижная, высоким голосом пела арии из оперетт. Она и сейчас поёт в хоре ветеранов. С русскими народными песнями выходили Толя Никитин (чуть хромая), Слава Варламов, да и многие ещё. Я пою: «Комара муха женила». Зал начинает смеяться, я не выдерживаю и тоже смеюсь. Нелли Альфредовна повторяет мелодию, я заканчиваю под бурные аплодисменты, зал мне прощает мой срыв. Я запевала в хоре «Ивушка», «Грушицу», пела с Валею Орловой частушки, пела в ансамбле, пела дуэтом с Аллой Планиной, и на областном смотре мы с ней получили значки лауреатов II степени. Как мы пели «Амурские волны» на три голоса с высокими подголосками! Казалось, что вода плещется на сцене. К каждому празднику обязательно разучивали что-нибудь интересное, постоянно проводились районные и областные (в Ленинграде) конкурсы. Без наград хор никогда не возвращался. Мы часто ездили выступать, но весь хор везти было сложно, поэтому для выездов была создана агитбригада, которая ездила на поля, на фермы, на фабрики. Я тоже была в ней. На чём мы только ни добивались по нашим дорогам! И на телеге, и на тракторе, и на грузовиках. Но нам было интересно и весело. Однажды мы выступали на Пельгорском заводе (это за посёлком Рябово) и уже на обратном пути, сидя в крытом грузовике, Боря Большаков обнаружил, что забыл свои новые галоши на сцене. Сейчас это, кроме смеха, ничего бы не вызвало, но тогда, слушая его стенания, мы очень сопереживали, так

как понимали их ценность. Я столько лет помню эти несчастные галоши, теперь-то Боря улыбается, но тогда...

Особенно мы всем хором любили ездить в воинские части. Парни тогда служили по три-пять лет, а брали их в армию с девятнадцати лет. Принимали нас всегда на «браво», потом вкусно угощали гороховым супом, гречневой кашей с мясом и компотом. Солдат тогда не кормили перловкой, несмотря на трудное время. Потом начинались танцы.

Через много лет мы стали встречаться на дому у Нелли Альфредовны. За чаем пели наши песни, так же по голосам. Собиралось нас человек до десяти. Решили отметить юбилей Нелли – семидесятилетие. Стали собирать старых участников всех лет. Получился внушительный хор. Пришли даже из танцевального кружка. Уже взрослые мужчины танцевали на сцене, как молодые. Хор, истосковавшийся по песне, так пел, что из зала стали кричать: «Вам надо возродиться!» Несколько человек из хора взяли за это дело. Администрация помогла, нашли помещение (кинотеатр «Космонавт»), первое выступление было в здании исполкома перед сотрудниками. Иван Филиппович Хабаров вручил цветы как благословение, потом выделил деньги на юбки. И запел наш хор, включая в репертуар песни и самой Нелли. Она по-прежнему не щадила себя, работала во всю силу, а здоровье уже было не то, что раньше. Репертуар был очень большой, песни пели сложные, появились солисты. Но, к глубокому нашему горю, в 2002 году нашего руководителя не стало. Из хора сразу ушли несколько человек. Хор ветеранов существует и сейчас, но это уже другая история, из старого состава осталось человек восемь. В нашей памяти Нелли Альфредовна Синашкина осталась как человек, хранящий традиции высокой пев-

ческой культуры, как композитор, прекрасный аранжировщик и замечательная женщина!

Дядя Яков, дядя Яков, что ты спишь, что ты спишь? Колокол ударил, колокол ударил... динь, динь, бом!

Эта распевка для хора поневоле всплывает в памяти, когда теперь бьют колокола на некрасивом разрушающемся здании бывшего храма, бывшего Дома культуры и снова храма. Перед началом танцев или спектакля у дверей Дома культуры стоял насмерть контролёр – пожилой жилистый еврей с острой бородкой – дядя Яша, Яков Григорьевич. Его уважали, странно любили и боялись. На вид грозный, но на самом деле человек с нежной душой. Он умудрялся справляться с самой оголтелой толпой, которую парни любили устраивать у входа, чтобы проскочить без билета. Мы все из самодеятельности ходили на танцы бесплатно, иногда по контрамаркам, так он всех помнил в лицо. Иногда возникал спор:

- Ты не была на репетиции!
- Нет, была!
- Не была!
- Нет, была, ты что, нерусский?
- Ай, иди!

Для Дома культуры при его реконструкции он делал очень много. Через своего сына в Ленинграде он часто доставал нужные материалы. Подарил ДК хорошее пианино. Он пережил смену директоров, но с одним, как говорили, он не сработался и трагически ушёл из жизни. Пусть же колокол на храме бьёт и в его память!

Все мы очень любили кино, телевизоров тогда не было, и сходить на хороший фильм – это было большой радостью. На улице Октябрьской находился кинотеатр имени Карла Маркса, как мы его звали, «Карла-Марла». Мы и не подозревали, что это бывший детский приют с храмом,

разрушенный в советское время. Он имел вид длинного сарая, где стояли простые скамейки, это уже через несколько лет сделали нумерованные места. После войны шло много трофейных фильмов, но особенно славился «Тарзан». Все парни умели издавать дикие вопли, подражая ему, и бить себя в грудь, как обезьяна Чита. Достать билеты на такой фильм было почти невозможно. Не каждая девчонка рисковала встать в дикую очередь, где большинство было парней. Вся надежда возлагалась на кавалеров, если они были. В дверях стояла мощная фигура контролёра Вассы Никитичны, имевшей суровый вид, а на самом деле добродушной тётки. Фильмы строго делились для просмотра до и после 16 лет. Если в фильме герои целуются, то до шестнадцати нельзя смотреть, и если у тебя даже есть билет, то всё равно Васса не пустит.

Мы особенно любили фильмы про войну. Как замирал зал, когда Александр Матросов полез к амбразуре дота. Казалось, люди не дышали.

У меня объявился ухажёр – высоченный парень с Балашовки. Я к нему была совершенно равнодушна, старалась избегать его, но он не давал мне прохода, везде меня находил, старался быть рядом. Я пришла в кино, села, смотрю, и он входит. Оглядел зал, с таким-то ростом! Увидел меня, пробрался к моей скамейке, уговорил соседа пересесть и уселся с левой стороны, к моему сильнейшему неудовольствию. Начался фильм о войне. Он сначала сидел спокойно, но так как на скамейке все сидят, вольно или невольно касаясь друг друга, то он всё ближе придвигался ко мне, причём, его правая рука начала меня полубоить. Я с отрешённым видом отстегнула старинную, с длинной застёжкой-иглой брошь и в один из самых напряжённых моментов на экране, при полнейшей тишине, воткнула её в ягодицу кавалера. От боли и неожиданности он

подпрыгнул и издал такой вопль, что любой Тарзан был бы посрамлён. Долю секунды зал молчал и вдруг грохнул таким хохотом, что бедный механик подумал, что, видно, перепутал части фильма, так как тогда фильмы крутили вручную, он остановил фильм и включил свет в зале. Это подлило масла в огонь. Началась просто истерика от хохота. Мой несчастный сосед, шагая по ногам, выскочил из зала. Любовь ко мне у него пропала навсегда. Думаю, что всё обошлось без серьёзных последствий, так как через несколько лет я встретила с ним в электричке. Мы сделали вид, что ничего не помним, легко поговорили и разошлись.

Летом мы ходили в кинотеатр «Мир», который стоял как раз на захоронении немецких солдат (их останки недавно перенесли на немецкое кладбище). Это был дощатый сарай зелёного цвета, через щели которого проникал свет. Сзади этого кинотеатра была танцевальная площадка, которую мы очень любили, так как летом танцевать на ней было одно удовольствие. Но по распоряжению властей её сожгли ночью, нет площадки – нет проблем, хотя беспорядков на ней не наблюдалось.

А ещё у нас было одно очень любимое место – это стадион. Он располагался между школой (Дом технического творчества) и старым зданием райисполкома. Вокруг стадиона стояли в несколько рядов скамейки, ворота для игры в футбол и столбы с кольцами для баскетбола. В воскресенье нарядные жители семьями приходили «поболеть» за своих, а уж про нас, молодёжь, и говорить нечего. Здесь собирались все, здесь назначались свидания и происходили выяснения отношений, здесь высматривали женихов и невест. Кто с кем играл, я не помню. Но крики болельщиков до сих пор слышу, особенно такие: «Лёха, бей! Руль, давай!». Это было прозвище одних моих хороших знако-

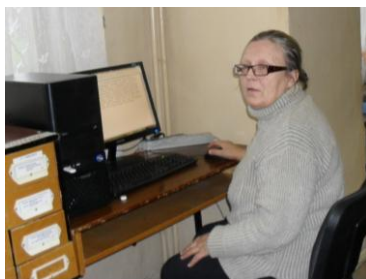
мых Коноваловых. Ребята из хора тоже играли, и уж мы вопили изо всех сил, подбадривая их.

Как не вспомнить наши любимые «сковородки», на которых прошла вся наша вечерняя молодая жизнь, начиная лет с четырнадцати. Это были места сбора молодёжи на улицах для танцев. Моя «сковородка» находилась на том месте, где сейчас светофоры на пересечении шоссе Барыбина с проспектом Ленина. Здесь ближе к шоссе у дома № 27 по проспекту Ленина стоял памятник С.М. Кирову в окружении персидской сирени. Он, улыбаясь, смотрел на нас. Рядом стояли скамейки, где сидели парочки. Молодёжь начинала собираться часам к восьми вечера. Раздавались звуки гармони (это шёл Юра Петров) или баяна, или аккордеона, подтягивались все желающие потанцевать, и это было почти ежедневно. Летом в платьях, туфлях, что похуже, даже в тапках, осенью – в резиновых сапогах, в плащах, пальто. Танцевали до заморозков, пока пальцы у гармонистов шевелились. Любили танго, вальс, фокстрот, краковяк, танец конькобежцев. Правила были, что и в ДК – с пьяными, да их и не было, не танцевали, парни так же вежливо подходили, с поклоном приглашали, под руку вели в круг. Милиция к нам даже не заглядывала, а машины не ездили. Никто из нас не употреблял косметику, лица были чистые, красивые. Девчонки никогда не боялись никакого насилия со стороны парней. Просто в голову не приходило бояться. Целомудрие соблюдали обе стороны. Иногда приходилось убегать от навязчивых кавалеров, но это только из-за нежелания быть с ними.

Однажды мы обнаружили, что памятник исчез! Никто ничего не знал. Я на встрече с администрацией задала вопрос: «Куда делся памятник Кирову Кто-то дал такой ответ: «Памятник не представлял художественной ценности, и его решили убрать». Истинный ответ я узнала в наше

время. Оказалось, что у памятника Кирову отбили нос. У руководства могли быть неприятности. Так как нос отреставрировать было сложно, то поступили просто. Глубокой ночью, когда все спали, подогнали кран с грузовиком. Памятник подцепили краном, уложили в грузовик, а когда чуть рассвело, увезли, только о месте мне не сказали и утопили в болоте. Думаю, что старожилам это будет интересно узнать.

Выросло наше поколение, мы обзавелись семьями. Наши дети находились уже в совсем других условиях, «сковородки» и «пяточки» исчезли. У меня в памяти навсегда остался этот перекрёсток, с толпой моих ровесников, с залихватской игрой гармоний, с первыми поклонниками, курьёзными случаями, о которых вспоминаю иногда со смехом, иногда с нежностью. Теперь у перехода, где стоял памятник Кирову и росла сирень, сделали красивую клумбу, у которой я часто стою, как на месте памяти моей юности.

Киселёва Татьяна Фёдоровна, родилась в Ленинграде, инженер-связист, работала на Ленинградской междугородной телефонной станции, в АО «Санкт-Петербургский Международный Междугородный телефон» – директором по работе с клиентами.

Краевед, автор нескольких книг об истории посёлка Шапки и окрестностей, с которыми связана её родословная.

Награждена орденом «Знак Почёта», имеет почётное звание «Мастер связи».

Член Шапкинского Совета ветеранов.

Шапки в моей судьбе

Краеведами, как правило, становятся люди, беззаветно влюблённые в свой родной край. Неважно, кто они по профессии, не важен их возраст, их национальность или вероисповедание. Объединяет краеведов интерес и любовь к тому или иному месту на географической карте. Конечно, есть круг лиц, которые занимаются краеведением на профессиональной основе: сотрудники историко-краеведческих музеев и библиотек, широко развито школьное краеведение. Но встречаются и энтузиасты, которые по своей профессии далеки от каких-либо аспектов изучения культурно-исторических, географических, этнографических и экономических особенностей той или иной местности. К такой категории краеведов отношусь и я. Я – связист по образованию и почти сорок лет занималась вопросами эксплуатации междугородной и международной автоматической телефонной электросвязи. А мои краеведческие интересы сосредоточены на небольшом посёлке Шапки Тосненского района Ленинградской области. В этот край песчаных холмов, лесов и озёр я влюбилась в раннем детстве. Шапки – родина моей мамы и её предков.

Моя мама Кузнецова Мария Яковлевна была вынуждена в 1924 году, после смерти отца, переехать из Шапок в Ленинград. Моя бабушка Ольга Мироновна Кузнецова осталась вдовой с девятью детьми. Самая старшая сестра Полина была уже замужем и жила в соседней деревне Белоголово. Старший брат Василий остался на хозяйстве вместо отца, а 18-летнюю Марию на семейном совете было решено отправить на заработки в Ленинград, семье нужны были «живые деньги». Шестеро младших детей были в возрасте от 15 лет до 1 года. В городе маме помогли устроиться дальние родственники. Они давно перебрались в Питер, в Шапки приезжали на лето в качестве дачников.

Мама связь с родным селом не теряла, посылала Ольге Мироновне деньги, при первой возможности приезжала домой с гостинцами, помогала по хозяйству. Начинала мама в городе, как и многие девушки из деревни – нянкой. До переезда в город она успела закончить Шапкинскую школу-семилетку, что позволило ей поступить на курсы счётных работников. Много лет мама работала на предприятиях Ленинградского Общепита кассиром, счетоводом, бухгалтером. В годы Великой Отечественной войны она оставалась в блокадном Ленинграде, была призвана сначала в ряды МПВО (местной противовоздушной обороны), а затем в действующую армию. Связь с многочисленным шапкинским семейством была потеряна. Ольга Мироновна с младшими мамиными сёстрами и братьями – Анной, Екатериной, Николаем и Янышем – оказалась за линией фронта в оккупированных Шапках, старшая сестра Полина с тремя детьми – в занятой немцами деревне Белоголово. Братья Василий и Александр воевали на Ленинградском и Волховском фронтах. Сестра Евгения с двумя детьми эвакуировалась в далёкий Ульяновск. Но и с ними связь была потеряна, так как дом, в котором жила до войны мама, разбомбили немцы, и письма с фронта и из Ульяновска возвращались с пометкой «адресат выбыл». И только к концу 1944 года удалось списаться с родными через родственников моего отца.

Первый раз в Шапки мама привезла меня весной 1946 года. Мне было два с половиной года, и от той поездки мне запомнилось только то, что меня привели в стоявшую в лесу землянку. Жилье, которое находилось под землёй, мне очень не понравилось. Мои троюродные сестры Татьяна Вознесенская и Надежда Яковлева, которые были постарше меня на несколько лет, потом мне рассказывали, что как только я освоилась в незнакомой обстановке, так

стала приставать к взрослым с советом взять большую иглолку с толстой ниткой и зашить дырки в полах. В 2009 году с Еленой Николаевной Яковлевой (Семёновой) я ходила посмотреть на место, где была та землянка. Небольшой котлован от землянки сохранился, но его борта и середина поросли деревьями. В двух соседних землянках в «сосняге» жили мамины родственники. Тётя Наталья Мироновна Яковлева с двумя дочерьми и внучкой и её невестка Ефросинья Ивановна Яковлева с четырьмя детьми. Они вернулись в Шапки летом 1944 года из Литвы, куда были угнаны немцами в конце 1943 года. Жить было негде, от села Шапки остался один дом, две баньки и несколько немецких гаражей. Пока не построились заново, временно селились в немецких землянках и блиндажах. В такой же землянке в дачном посёлке Шапки находился сельсовет и амбулатория.

Бабушка Ольга Мироновна умерла в оккупированных Шапках в 1942 году. На могилки бабушки и деда мы с мамой в тот приезд принесли ландыши. Мамина сестра Анна была угнана в Германию, после войны она оказалась в американской зоне оккупации и вернулась домой позже всех. Екатерина также была угнана в Германию и вернулась в Ленинград в конце 1945 года. Николай с женой и сыном в Шапки из Литвы не вернулся, поехал по разнарядке на Карельский перешеек осваивать опустевшие после войны места на реке Вуоксе в качестве инспектора рыбнадзора. Евгения с двумя сыновьями «застряла» в Ульяновске. Старшая мамина сестра Полина с двумя сыновьями вернулась из Литвы в деревню Белоголово. Её старшая дочь Лида была угнана в Германию и вернулась домой позже. Тёте Поле повезло, дома в Белоголове уцелели, хотя и стояли без окон и дверей.

В августе следующего, 1947 года я впервые побывала в Белоголове. В гости к тётке Поле мы отправились большой компанией. После обеда пошли на прогулку по дороге к Лабожевому мосту через реку Мгу. Окрестные леса ещё запрещалось посещать, там везде было полно минных полей, некоторые из них были помечены нашими сапёрами табличками с предупреждениями «Осторожно, мины». Взрослые и дети шли большой группой по дороге-лежневке. Я как-то выпала из поля зрения взрослых и пролезла под колючую проволоку на минное поле за красивым жёлтым ирисом. От паники всех спасло самообладание и военный опыт родителей. Они уговорили меня осторожно сорвать цветочек и тихонько вернуться к ним на дорогу. «Не торопись, иди тихонько, мы все постоим и подождём тебя», – говорила мама. «Только не беги», – вторил отец. В тот момент я не поняла, почему меня, когда я выбралась на дорогу, все стали обнимать и целовать, и больше ни на шаг не отпускали от себя. Родители знали, что мина рванёт под весом взрослого человека или подростка с большей вероятностью, чем под весом трёхлетнего ребёнка, и, следовательно, безопасно вернуть меня на дорогу можно было только уговорами. Цветочек я почему-то хорошо запомнила, а всё остальное знаю по рассказам родителей и родственников. В шапкинских лесах сапёры проводили разминирование и подрывали оставшиеся с войны боеприпасы трижды. По рассказам взрослых, среди сапёров были жертвы.

После войны с жильём в Ленинграде у родителей были проблемы. Мамина комната в коммунальной квартире на Фонтанке была разбомблена. Маму успели прописать в свою квартиру на улице Дзержинского дальние родственники, которые эвакуировались в Ташкент. Моя ленинградская бабушка Дарья Ефремовна Яковлева умерла в 1942

году и была похоронена в братских могилах на Серафимовском кладбище. Бабушкина квартира на Чкаловском проспекте выгорела почти полностью, осталась кухня и крохотная комнатка с узким окошком, там жила с двумя дочерьми жена папиного брата Дмитрия, погибшего на Невском пятачке. Родители решили постройиться в Шапках на бывшей Воскресенской площади, на старой усадьбе маминых родителей Ольги Мироновны и Якова Павловича Кузнецова. Сельсовет разрешил отцу как инвалиду войны взять бревна на строительство домика с ближайшей рокадной дороги-лежнёвки. Сруб поставили на большие камни-валуны. Рубил дом мой однорукий отец с приятелем Сергеем Высоцким, тоже инвалидом Великой Отечественной войны: у дяди Сергея не было одной ноги. Бревна проконопачили мхом с Нестеровского болота. Кирпичи для печки взяли с развалин взорванной церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Жёлтую глину для печки и трубы накопили на «Глинице» – месте на окраине деревни, заросшем пышными кустами черёмухи. Кухонную плиту с настилом на две конфорки клал шапкинский печник, которого все звали Дорофеич. Доски на потолок, пол, перегородки, фронтоны напилели на небольшой пилораме в бывшем барском парке. Рамы сделали местные столяры. Труднее всего было с гвоздями, петлями, замками, задвижками, печной арматурой и стеклом. Стекло пришлось везти из Ленинграда. Нарезал в размер стёкла Василий Леонтьевич Леонтьев – свёкор маминой старшей сестры Полины. У него с довоенных времён уцелел алмазный стеклорез, который он берёт, как зеницу ока, и никому не доверял. Нам ещё повезло, ерзуновские жители за стеклом ходили пешком в Назию, километров за 25-30 от дома. Крышу крыли дранкой. Заранее заготовили в один размер аккуратные сосновые и осиновые чурбачки, потом из посёлка пришли

со своим ручным станочком двое мужчин и за день заготовили дранку (щепу) на крышу. Мы с двоюродной сестрой Галей и двоюродным братом Валерой простояли целый день, наблюдая, как вылетают из станочка аккуратные тоненькие пластинки. Нам даже доверили их перетаскивать и помогать складывать. Крышу крыл отец с кем-то из соседей. Почему-то у гвоздей, которыми прибивали дранку к жердям, откусывали шляпки. Лес для досок, дранки, жердей выписывали в Шапкинском лесничестве. Рубить лес можно было только в отведённом месте. Незаконные порубки леса в те времена пресекались, невзирая на лица. Строительство дома постоянно обсуждали, решая, где достать или занять деньги, как добыть строительные материалы. Строительную эпопею часто вспоминали и после её окончания, потому эти разговоры и врезались в память.

Шапки. 1950-е годы. Вид на бывшую Воскресенскую площадь. На заднем плане по центру две липы у дома Кузнецовых. Фотография из архива В.А. Яковлевой (Кошелевой).

Лето 1947 мы уже жили в своём доме. В нём было два окошка по фасаду и одно окно на боковой стене. На следующий год поставили перегородку и внутренние двери. Получилось две комнатки и кухонька. В 1949 году при-

строили сени с кладовкой. Сени изнутри запирались на большой кованый крюк, а снаружи, если уходили надолго, сени закрывались на большой амбарный замок, накладка для замка с проушиной тоже были коваными. Их нашли в руинах довоенного дома. На крыше сеней было хорошо сидеть тёплыми летними вечерами, дранка за день нагревалась и медленно отдавала тепло. В том же 1949 году появились первые дачники, а все мы перебирались на лето жить на чердак. Отец называл это дачно-чердачной жизнью. Летом еду готовили на огороде на печурке, которую называли таганком. Воду для хозяйственных нужд грели в большом алюминиевом кувшине. Такой кувшин имел своё непривычное название – «кан». Видела я такие кувшины-каны и у других шапкинских жителей, мне кажется, что они остались от немцев. Позже построили летнюю кухню с печкой-буржуйкой. К 1950 году решился вопрос с жильём в городе, маме по суду разрешили прописаться с мужем и дочерью в квартире на улице Дзержинского, но дом в Шапках отец должен был сдать. Нам повезло: дом сдавать государству не пришлось, так как в нём были прописаны две мамыны сестры с двумя детьми. На старой дедовой усадьбе тётя Катя прожила всю оставшуюся жизнь до 1986 года. Анна с сыном Валерой переехала в начале 1950-х годов в Выборг. Но я по-прежнему, приезжала каждый год с родителями на всё лето. Прощаясь осенью с тётей Катей и Галей, я обещала приехать, когда закукует кукушка. С седьмого класса я проводила в Шапках и Белоголово зимние и весенние каникулы. Потом – все отпуска, выходные и праздничные дни. Даже когда появилась возможность ездить на юг и на море, от отпуска оставляла обязательно дней десять, чтобы побродить по шапкинским лесам.

У послевоенного поколения шапкинских детей было много самых разнообразных обязанностей. Были они и у

нас с моими кузиной Галей и кузеном Валерой: помогали родителям полоть огород, поливать грядки. У нас на участке после войны осталось пять землянок, их разбирали и ровняли землю по одной землянке за лето. Мы охотно, по мере сил, участвовали в этом интересном деле. Иногда нам попадались какие-то мелкие предметы: металлическая вилка с изображением свастики на черенке, образок Богоматери с младенцем из синей эмали на металле, какие-то железки непонятного назначения. Может быть, поэтому нам нравилось раскапывать землянки. От довоенной крестьянской усадьбы Кузнецовых осталось две липы под окнами, огромная липа в углу огорода, старая яблоня и куст красной смородины. Старая липа упала в один из летних ураганов в конце 1950-х годов. Яблоня, пережившая морозные зимы 1940-1942 годов, продолжала плодоносить, спилили её уже засохший ствол в конце 1970-х годов. Яблоня была примечательна тем, что в её крону дедом Яковом Павловичем было привито несколько сортов яблок. Даже после войны оставалось три или четыре сорта разного вида и цвета. Когда ствол спиленной яблони жгли в печке, по всей избе плавал яблоневый запах. Сказочно вкусным блюдом для нас казались яблоки «Белый налив», запечённые на плите. Полузасохшую смородину тётя Катя вырубил на пень, на молодых побегах были такие крупные и вкусные ягоды, каких я не встречала у самых модных сортов современной селекции. Или может быть, в детстве всё было слаще и вкуснее? А вот две липы так и стоят перед современным участком по улице Нины Кукуверовой, 22. Только вряд ли кто из старожилов вспомнит, что липы стояли у дома Кузнецовых, а вот дом Сайкиных – пожалуйста. По официальной фамилии многих односельчан никто не знал. Монины, Писаревы, Сайкины, Портно-

вы оказывались на самом деле Егоровыми, Яковлевыми, Кузнецовыми, Квашнёвыми.

Мы с соседскими ребятами встречали деревенское стадо и загоняли вечером в хлев наших коз. Серая коза – Роза, пёстрая комолая коза – Муська, и белая коза, соответственно, Белка. Коза Роза почему-то не любила ребятшек и при первой возможности норовила нас боднуть. Однажды, когда родители с соседями ушли надолго в лес за ягодами, коза Роза отвязалась и продержала нас и нескольких соседских ребятшек на заборе, не давая добежать нам до дома. Муська была покладистым, добрым животным, за кусочек хлеба разрешала нам чуточку прокатиться на её спине. У Муськи было самое вкусное молоко. Когда её продали в посёлок, мы очень переживали. Тётя Катя коз не очень любила и называли их «панихидами». Мы заготовливали у озера Лисина и вязали веники из рябины и ивы для коз. А корову держать тётке Кате было не под силу. Много лет держала корову Полина Яковлевна Леотьева, моя белоголовская тётушка. Когда ей было 86 лет, она впервые поехала зимовать к дочке Лиде в Выборг, корову пришлось продать. Тётушка расстроилась и долго плакала, она не могла представить себе жизни без коровы-кормилицы.

Помогали мы кормить кур и поросёнка. Была у нас свинья по прозвищу Фроська, за что-то она невзлюбила людей в брюках. Увидев человека в брюках, она старалась сбежать из загородки и начинала гоняться за ним по огороду, норовя укусить за брючину. Кусаются свиньи больно. Для скотины заготовливали много сена, мы, в основном, помогали сушить сено на поляне перед домом и потом поднять его на чердак.

Очень мы любили стог сена, который ставили рядом с домом. Сено укладывали между четырёх жердей, которые

поддерживали над стогом навес из дранки. Как было хорошо ночевать в августе на верху стога под навесом, смотреть на звёздное небо и слушать стрекотание кузнечиков! Самостоятельно мы бегали за лесными ягодами на компот или кисель. Чернику собирали в болотце за усадьбой Озолиных или у озера Лисино, морошку – у озера Лисино, землянику – на поляне, там, где теперь стоят «карагодинские дома» и администрация посёлка, малину – у барского родника в старом парке.

Но самым трудолюбивым был наш сосед и родственник Миша Яковлев, сын Ефросиньи Ивановны Яковлевой. На его подростковые плечи легли все мужские заботы по дому. Мы ещё успевали попрыгать на скакалке и в «классики», поиграть в прятки и казаков-разбойников, в городки и лапту, построить песочный город на поляне. Старшие ребята любили играть в волейбол, мальчишки «гоняли» футбол. Детская компания была разновозрастной, ребяташки с «Большой поляны» были и старше меня на пять лет, были и младше, тоже лет на пять. Были местные ребяташки и приехавшие в гости к родственникам, и дети дачников. У нашего дачника Вовы Кислёнкова был велосипед, предмет зависти многих ребяташек. Но Вовка был добрым мальчишкой, и на велосипеде гоняли чаще его приятели, чем он сам. У Мониных жила семья дачников Ильиных с двумя детьми. Нина Ильина с гордостью говорила нам, что бабушка снимает дачу в Шапках с дореволюционных времён. А Мише на детские забавы времени не оставалось. Он уже, наравне со взрослыми, ездил на дальние покосы в урочище Доброе, заготавливал в лесу дрова, пахал на лошади огород под картошку. Мы его втихомолку называли «дедом», такой он был серьёзный и строгий. Места вокруг бывшего села Доброе оставили в Мишиной памяти неиз-

гладимое впечатление, уже пожилым человеком Михаил Николаевич всё мечтал там побывать.

У ребятешек с «Большой поляны» было своё «Любимое место». Часть поляны, в её середине, поросла низенькой травкой. По травке хорошо скользили подмётки наших «скороходовских» тапок и сандалий. А если прилечь в траву, то мы сразу исчезали из поля зрения наших родителей. С возрастом количество «любимых мест» в Шапках и окрестностях увеличивалось, но «Любимым местом» с большой буквы в моей памяти так и остался этот клочок земли.

Шапки. 1951 год. В первом ряду слева направо Таня Яковлева, Фёдор Фёдорович Яковлев, Галя Кузнецова, дачница Галя по прозвищу «курчавина». Во втором ряду слева направо Мария Яковлевна Кузнецова, старший брат «Гали-курчавины» и Екатерина Яковлевна Кузнецовы. Слева, за липой, бывший немецкий гараж. По центру наш дом. Справа просматривается дом Ивана Павловича Егорова (Монина). Снимок сделал заезжий фотограф в Ильин день (2 августа), когда мы собирались в гости к Полине Яковлевне Леонтьевой в деревню Белоголово. В Белоголово всегда отмечали праздник пророка Ильи.

Мы росли, и рос круг наших обязанностей. Прополка и поливка огорода была уже только нашим делом. Воду на поливку носили из озера Лисина метров за 300-350 от дома. На хозяйственные нужды брали воду с «Кориного колодца» метров за 250-300 от дома. Из шести литровых жестяных банок из-под яблочного повидла отец сделал для нас с Галей лёгонькие ведёрки, которые мы приспособили к коромыслу. За водой для чая ходили на барский родник с трёхлитровыми бидонами за километр от дома. Мы очень любили эти походы за водой на родник, можно было пустить вниз по течению Мельничного ручья крышку от бидона и побегать за ней по ледяной воде. По дороге можно было набрать земляники, малины, черники или черёмухи. Есть хотелось постоянно, и мы с удовольствием жевали «подножный корм», начиная с пупышей-лупышей (побеги хвоща) и воробьиного щавеля, заканчивая орехами и рябиной.

Собирали вместе с родителями грибы, ягоды, орехи. Моя тётка Екатерина Яковлевна Кузнецова работала в лесничестве, и, как все в семье Кузнецовых, хорошо знала окрестные леса. За грибами ходили небольшой семейной компанией. За черникой, малиной, клюквой, брусникой – большими группами, иногда вместе с дачниками. Походы за ягодами и грибами почему-то были в отдалённые лесные уголья. Только на «жарёху» нам разрешали собирать грибы по лесным опушкам. Что-то заготавливали для себя, выбирая способы заготовок ягод, которые не требовали сахара: мочили, сушили, парили. А большую часть лесной добычи продавали. Это называлось в деревне «жить с лесу». Дачникам продавали всё: начиная с весеннего «воробьиного щавеля» и заканчивая клюквой и лесными орехами – лещиной. Собирали даже лесную чёрную смородину по притокам речки Чудли, приносили её целыми ведрами.

За орехами ходили на Царицыну гору и старую дорогу от деревни Надино к деревне Старостино. Продавать грибы и ягоды посылали нас с двоюродной сестрой Галиной. Нам даже нравилось это занятие. С детьми дачники не торговались, некоторые угощали нас пирожками, пряниками, карамельками. Выручка от проданных полевых и садовых цветов была нашим личным заработком, эти деньги разрешалось тратить на кино, конфеты и печенье. Цветы бегали продавать на железнодорожную станцию к отправляющемуся поезду. Дачники из посёлка с удовольствием покупали наши простенькие букеты. Шапки тогда делились на деревню, станцию, карьер и дачный посёлок.

Самым любимым летним отдыхом были походы на Нестеровское озеро, где мы купались и загорали, ныряли с самодельной вышки, плавали на плоту, играли в волейбол. Даже походы в лес старались планировать так, чтобы выкупаться на обратной дороге. Родители понимали наши «военные хитрости» и шли нам навстречу. Когда мы уже хорошо плавали, нам стали разрешать купаться в озере Лисино. Берега у озера были топкие, и нас пугали тем, что у озера «двойное» дно. Подростками мы уже купались в озёрах поздними вечерами по «лунной дорожке». Больше всего для вечерних заплывов нам нравилось Старосельское озеро.

До 1961 года в Шапки ходил только паровик. Дорога от Московского вокзала до станции Шапки занимала больше трёх часов. На станции Тосно паровоз отцепляли от состава, он проезжал мимо вагонов с пассажирами на водокачку, а затем его прицепляли к вагону, который в городе был последним. Состав шёл как бы назад, пассажиры, которые ехали в Шапки в первый раз, начинали беспокоиться и выяснять у соседей, что происходит. По плавной дуге состав выезжал со станции Тосно на железнодорож-

ную ветку Тосно-Шапки. В этот момент из конца состава можно было увидеть первые вагоны и паровоз. Молодые парни любили показать свою удаль на этом повороте, выпрыгивали из вагонов с низких подножек и догоняли поезд, сокращая путь по тропинке. Перед поворотом стоял столб с загадочной для многих надписью: «Закрой поддувало». Это было напоминание паровозной бригаде, чтобы искры из трубы паровоза не попадали в вагоны. Остановок до Шапок было две: Нурма и 15-й километр. От платформы 15-ый километр шли проселочные дороги. Налево по ходу поезда в Шапки – на бывший Муратовский хутор, направо – к деревне Пендиково и Пендиковскому озеру. На станции Шапки из двух старых вагонов соорудили вокзал и служебные помещения для станционных работников. В основном по железнодорожной ветке Тосно-Шапки тогда ходили товарные открытые платформы с песком. Пассажирские поезда долгое время курсировали только два раза в сутки.

Несмотря на то что Шапкинский сельсовет находился в лесистой местности, для жителей всегда была проблема заготовки дров на зиму, поэтому из лесных походов приносили не только грибы и ягоды, но и сушняк. Дрова старались экономить и летом печурку-таганок, а потом буржуйку в летней кухне топили подручным материалом: щепками, прутьями, сушняком.

Мне было 12 лет, когда меня взяли впервые в дальний поход за клюквой на Яковлевское болото в 112 квартале за рекой Мгой. Галку, которая была младше меня на год и восемь месяцев, взять с собой побоялись. Переход по бревну через Мгу дался мне особенно трудно, страшно было сорваться и упасть в холодную сентябрьскую воду. Клюкву собирать было легко, в тот год она росла на кочках и очень крупная. А вот тащить свой вещмешок с лесной

добычей было трудно, обратная дорога показалась мне нескончаемой, особенно переход через топкое болото на левом берегу Мги. Там шли след в след, боясь сбиться с тропы, чуть в сторону – и нога уходила в вязкую жижу по колено. После лесных походов нас заставляли на несколько минут опускать ноги в холодную воду, а затем, после немудрёного обеда, приступали к переборке и чистке грибов или ягод. Лесную добычу следовало почистить в тот же день. Только клюкву или бруснику оставляли иногда на другой день. Эти ягоды прокатывали и провеивали на ветру. На улице ставили под углом стол, по его бокам делали из покрывал или байковых одеял валики, под концом стола стоял таз или широкая корзина. Корзинку с ягодами поднимали над столом и тонкой струёй сыпали ягоды на его наклонную поверхность. Это была целая наука, как поймать ветер и выбрать нужную скорость для ягодной струи. Но ягоды чистили быстро и хорошо.

В конце 1950-х мне дважды довелось с тётёй Катей побывать на Макарьевском болоте и в урочище Макарьевская пустынь. Макарьевское болото было хорошо тем, что сборщики клюквы могли разбредаться по болоту на 1,5-2 километра и не терять друг друга из виду. Макарьевская пустынь запомнилась тем, что мы шли к ней по болоту по остаткам старой гати. В самой пустыни сохранилась печь с трубой от какого-то строения, там по две недели в грибной сезон жил заготовщик грибов, который в этой печи сушил белые грибы, а их в окрестности пустыни было «море». В начале XX века моя прабабушка Мария Петровна Курочкина по очереди водила своих многочисленных внуков на богомолье в Макарьевскую пустынь, оставалась там с ними на два-три дня.

Нашей с Галей обязанностью были походы за хлебом. Первые послевоенные годы пекарня и магазин сельпо бы-

ли в двух с половиной километрах от дома в Кукушкином карьере, который называли так по фамилии начальника песчаного карьера Н.Д. Кукушкина. В одни руки отпускалось полторы буханки. Хлеб пекли серый и белый. Буханки были большие, около полутора килограммов, хлеб ноздреватый с блестящей коркой. За хлебом приходилось иногда стоять по два-три часа. Нашим «гонораром» была одна горбушка на двоих, которую мы съедали по дороге домой. Ларёк, а затем магазин сельпо открыли в деревне Шапки в конце 1950-х.

Запомнились походы за керосином. Электричество в Шапках появилось в начале 1950-х. Но керосинками и керосиновыми лампами продолжали пользоваться ещё долго. Цистерну с керосином загоняли в железнодорожный тупик в том же Кукушкином карьере. Очереди за керосином были очень длинными, приходилось в них стоять по полдня. На длинную жердь навешивалось по пять-восемь штук разномастных ёмкостей под керосин. На бумажке записывалось количество литров в каждой ёмкости. Заранее подсчитывалась стоимость керосина. Деньги, на всякий случай, выдавались с небольшим запасом. Взрослые, стоящие в очереди, разрешали нам ненадолго отлучаться, чтобы сбегать в магазин или к подружкам, в карьер или на станцию. Обратная дорога домой занимала много времени. Канистры перетаскивали по лесной дороге в зоне прямой видимости по одной-две штуки. За лето приходилось ходить за керосином по четыре-пять раз. Особенно трудоёмким был последний, августовский поход, когда керосин старались запасти на весь холодный период. Позже керосин стали привозить специальными машинами с цистернами, на боку которых была крупная надпись «Огнеопасно. Керосин». Машина разъезжала по деревням, собирая покупателей требовательными гудками.

Когда мы стали старше, нас стали брать на дальние покосы, в долину реки Гурловки или на Дальние поляны за Дичковым ручьём. Там сено заготавливали для Шапкинско-го лесничества. Для своего скота сено разрешали заготавливать после того как был выполнен план заготовок для лесничества. С одних покосов сено можно было вывезти летом, с большинства – только по зимнику. Как-то мы с тётёй Катей вывозили сено с Дальних полян. На крутой горюшке воз начал заваливаться на одну сторону, на наше счастье в этом месте у дороги был высокий откос, мы с Галкой удачно спрыгнули с верха воза на обочину, а откос не дал возу перевернуться на бок. Екатерина Яковлевна с возницей выправили воз, и мы благополучно добрались до Шапок.

При Шапкинском лесничестве после войны был небольшой лесопитомник, в углу Ерякинского поля, на выезде из Шапок в сторону Любани. В питомнике выращивали сеянцы сосны, ели, жёлтой акации. Семена лесники заготавливали сами. Семена жёлтой акации доверяли собирать детям. В то время акации было много в бывшем барском парке, особенно на «Барской горе». В раннем детстве я считала, что раньше на «Барской горе» водились барсы, про этих зверей я уже знала, а кто такие баре, даже не догадывалась. Приходилось нам полоть саженцы в питомнике, помогая тётёе Кате. По сравнению с домашним огородом полосы с сосенками и ёлочками казались нескончаемыми. Сажать молоденькие сосенки и ёлки тётёе Кате помогали всем семейством. Брали и нас с Галиной. Деревянные ящики со свежевыкопанными саженцами погружали на телегу. Приезжали на место, лопатой с трёх сторон подрубали дёрн, отгибали пластину дёрна в сторону и в образовавшийся карман сажали сосенку или ёлочку, если рядом было болотце или лужа, поливали саженец консервной

банкой из ведра с болотной водой. Как-то лесовод, закончивший Лесотехническую академию имени С.М. Кирова, сказал мне, что для посадок вручную использовалось приспособление по названию меч Колесова. Может быть, где-то и использовался, но мне так и не довелось его увидеть. Тётушка со своими товарищами по лесному цеху сажала после войны лес «под лопату». В 1960-х годах в лесопарке «Юбилейный» и на улицах Шапок сажали лиственницы. Была даже не очень удачная попытка посадить в лесу за деревней Староселье кедр. Видимо, для них выбрали не очень благоприятные почвы, а загущённая посадка в лесополосах усложняла выживание молодых кедров, к концу 1990-х годов большинство кедров погибло, а оставшиеся деревья выглядели больными или угнетёнными.

Первую свою заработную плату я получила в Шапкинском лесничестве. После седьмого класса школьники нашей 232-й Ленинградской школы должны были отработать три недели на ремонте школы или представить справку, что они прошли трудовую практику на каком-либо предприятии. Я упростила тётю Катю подыскать мне работу в лесничестве. Остаться в городе на целых три летних недели, ох, как не хотелось. Работа оказалась привычной – прополка всё тех же сосенок и ёлочек. В конце практики меня вызвали в контору, выдали справку и заплатили «энную сумму». Моей радости не было предела, деньги, по моим понятиям, были большие, а работа не очень трудной.

После войны, когда в деревне не было электричества, радио, телевизоров, домашних телефонов, не говоря уже о компьютерах, «Интернете» и мобильных телефонах, основными культурными развлечениями были кино, танцы и концерты самодеятельности в сельском клубе, а также и чтение книг, взятых из сельской библиотеки. Заведующий клубом был для нас звездой первой величины, в его власти

было разрешить продать нам билеты в кино на вечерний сеанс или разрешить остаться на танцы. Такой всевластной заведующей клубом была Лидия Иосифовна Сонтра. Газеты и журналы выписывали далеко не все жители. Зато много писали и получали писем и открыток. Почтальон на селе был лицом уважаемым и долгожданным. Я хорошо помню любимого почтальона моего детства тётю Аню Комолову. Библиотекарь Вера Михайловна Кожунова строго следила за тем, чтобы книги сдавались в срок, фонд библиотечный был невелик, а читателей, особенно школьников, много. Поначалу мы с Галей читали под строгим надзором моей мамы, которая не давала нам отлынивать от прочтения положенного количества страниц в день, а через пару лет нам таких напоминаний и контроля уже не требовалось. Кроме предусмотренных программой книг мы успевали прочитать что-нибудь по рекомендации родителей или Веры Михайловны.

Собирались также на посиделки у кого-нибудь из сверстников, танцевали под патефон, пели популярные песни под гитару или гармошку. Женщины постарше на своих посиделках вязали и вышивали. Шапкинские жительницы старались украсить свой быт в любых условиях. У меня не поднимается рука выкинуть прикроватный коврик, вышитый моей двоюродной тёткой Марией Васильевной Яковлевой в конце войны. Коврик вышит реденьким крестиком разноцветной штопкой тусклых оттенков по мешковине, отделанной по краям выгоревшим сатином. Может быть, он висел в той самой землянке, в которую привозила меня моя мама в 1946 году. Мария Васильевна много лет проработала в Шапкинской амбулатории санитаркой, прекрасно вязала и вышивала.

Я выросла без дедушек и бабушек, но зато среди многочисленных родственников: родных и двоюродных мамии-

ных тётушек, дядюшек, братьев и сестёр. В детстве я слышала многочисленные рассказы про то, как было раньше. Рассказы были пропитаны ностальгией о прошлой жизни, которая по рассказам родственников и друзей мамы, была просто замечательной, были, конечно, какие-то трудности, но ведь без них жизни не бывает. Про шапкинских жителей, таких, как моя мама, перебравшихся в город ещё до войны, говорили: «Дивья вам, городским». Слова содержали некоторую долю зависти и немножко осуждения лёгкой городской жизни бывших односельчан. Речь шапкинских жителей почти не отличалась от разговорной речи городских. Мне запомнились слова «дивья», «вивсюда» (всюду), ручей с ударением на первом слоге, «сосняг» с ясно выраженной буквой «г» на конце. Шапкинцы рассказывали и о дореволюционной жизни, и о довоенной. У каждого поколения шапкинских жителей были свои временные интервалы «до и после». Удивительно, что в смерче Великой Отечественной войны они умудрились сохранить семейные фотографии, старые документы, открытки, письма, немногочисленные книги из семейных крохотных библиотек. В детстве для меня ничего не было интереснее, чем рассматривать старые фотографии, особенно, если они хранились в толстых альбомах. Мама этим пользовалась и в гостях просила показать мне фотографии, тогда спокойный вечер маме и её родственникам или подругам был обеспечен. Я сидела тихо, как мышка, рассматривала фотографии и слушала разговоры взрослых. Потом я уже поняла, что особенно много фотографий было у дачников, фотоаппараты у которых были свои.

В дневниках, которые я вела урывками в школьные годы, можно найти такую запись: «Были у Натальи Мионовны, смотрели дореволюционные почтовые открытки с видами Шапок, у неё есть открытки, которых нет даже у

нас». Речь идёт о почтовых открытках, изданных шапкинским жителем Яковом Петровичем Нерманом. Он организовал фотосъёмки в Шапках, пригласив профессионального фотографа. «Открытые письма – Carte postale» печатались в Фотопечатне А.И. Центера (СПб, Литейный угол Невского, 64-78). На обороте большинства открыток по центру открытки имелась вертикальная надпись: «Издание Я. Нермана, с. Шапки, чр. Ст.Тосно,Н.ж.д.». Съёмку и издание открыток Я. Нерман произвёл в 1910-1914 годах. В 1914 году он ушёл добровольцем на фронт. После Гражданской войны Яков Петрович в Шапки не вернулся. Благодаря открыткам Я.П. Нермана мы можем представить, какими красивыми были село Шапки и окрестные деревни в начале прошлого века. Мама и её родственники часто рассматривали эти фотографии, для них это были Шапки их детства и юности. Многие жители Шапкинского сельсовета и дачники собирали открытки с видами дореволюционных Шапок, газетные и журнальные вырезки и книги, в которых упоминалось село и его окрестности.

Мои родители хранили любые материалы, в которых упоминались родные края. Интересна, например, история книги М.И. Пыляева «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», издание А.С. Суворина, 1889 год. Она уцелела совершенно случайно. В начале 1950-х годов в одной из Ленинградских библиотек происходило уничтожение ветхих и морально устаревших книг. Мой отец, Яковлев Фёдор Фёдорович, проходил мимо, когда сотрудники библиотеки жгли устаревшие экземпляры, и упросил их отдать ему хотя бы несколько книг. Среди них оказалась и книга «Забытое прошлое окрестностей Петербурга». У Пыляева мы впервые прочитали о владельце имения Шапки протоиерее, духовном отце двух императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II – Фёдоре Яковлевиче Дубянском и его по-

томках – Дубяньских, Зиновьевых, Вакарах, Марковых. Там же была изложена и легенда о Царицыной горе. А книга, отметив своё 120-летие, благополучно перешла из разряда старых и морально устаревших книг в разряд старинных. В конце прошлого XX века книги Михаила Пыляева были переизданы большими тиражами. Эти книги хранятся в моей домашней библиотеке рядом с прижизненным изданием М. Пыляева.

Я покупала открытки в букинистическом магазине на Литейном проспекте, обменивала двойные экземпляры или просто переснимала открытки, которых у нас не было. Собирала газетные и журнальные вырезки, делала выписки из книг. С годами интерес к поиску материалов о Шапках отошёл на второй план. Учёба в институте, семья, работа занимали почти всё время. А материалы об истории любимого села откладывались в дальний ящик письменного стола.

Интерес к истории родного села, вероятно, был делом семейным, открытки и вырезки из газет и журналов хранились не только у моей матери и её тётки Натальи Мироновны Яковлевой, но также у невестки и у внуков Натальи Мироновны – Ефросиньи Ивановны Яковлевой, Владимира Григорьевича Яковлева и Татьяны Владимировны Вознесенской. Работа В.Г. Яковлева в Тосненском историко-краеведческом музее помогла ему систематизировать свои знания по истории шапкинского края и издать небольшую книгу «Шапки», первый краеведческий очерк о старинном селе Тосненского района. В книге нашла своё отражение профессиональная деятельность В.Г. Яковлева, многие страницы книги посвящены лесу и сохранению окружающей среды. До выхода на пенсию он 30 лет проработал в НИИ Лесного хозяйства в Ленинграде, последние годы занимался лабораторией защиты леса. В 1990 году Владимир

Григорьевич вышел на пенсию, увлёкся краеведением. Печатался в районной газете «Тосненский вестник». В 2003 году в Тосно был издан его второй краеведческий очерк «История Тосненского края от древних времён до реформ Петра I».

В 2001 году я вышла на пенсию и поселилась с мужем в Шапках. С новой силой возник интерес к истории любимых Шапок. Часто втроём – Владимир Григорьевич Яковлев, Татьяна Владимировна Вознесенская и я – обсуждали историю наших мест, делились своими находками и новыми фактами, которые находили в литературе, архивах, воспоминаниях и семейных преданиях шапкинских жителей. Наше увлечение краеведением находило поддержку и понимание у заведующей Шапкинской библиотекой Ольги Николаевны Малюшкиной, у директора Тосненской центральной районной библиотеки Галины Ивановны Зиновьевой, сотрудников библиотеки Натальи Петровны Ковалевской и Раисы Васильевны Тихомировой. Своими материалами по истории Шапок охотно делились директор Тосненского историко-краеведческого музея Наталья Александровна Ющенко и сотрудник музея Любовь Арсентьевна Куминова. Ссылками на архивные материалы по истории Шапок с нами делилась заведующая Саблинским музеем Татьяна Николаевна Слепнёва. Нашлись соратники и в Шапках: Ольга Юрьевна Маврина, Юрий Васильевич Фёдоров, Алексей Евгеньевич Пименов, Елена Сергеевна Крючкова, Лидия Иосифовна Сонтра, шапкинский школьник Егор Варфоломеев.

К 60-летию победы в Великой Отечественной войне Ольга Николаевна Малюшкина попросила меня записать воспоминания шапкинской жительницы Любви Александровны Поляковой. Воспоминания были напечатаны в «Тосненском вестнике». Встреча с Любовью Александров-

ной положила начало краеведческой работе по записи воспоминаний и обработке семейных архивов жителей, уроженцев и дачников посёлка Шапки, окрестных деревень Староселье, Надино, Белово, Белоголово, Ерзуново, Пендиково, Нурма. За несколько лет были записаны воспоминания и обработаны более ста семейных архивов. Люди охотно шли навстречу, делились своими воспоминаниями, из заветных уголков извлекали старые документы и семейные фотографии. Рассказывали не только о судьбах своих родных и близких, но и о соседях, одноклассниках, просто об односельчанах. Рекомендовали мне своих знакомых и родственников, постоянных жителей посёлка, уроженцев Шапок, давно уехавших в другие края, и дачников, у которых могли бы быть интересные материалы по истории Шапок. Материалы группировались по темам: дореволюционный период, довоенный период, Великая Отечественная война, послевоенный период. Материалы подбирались по населённым пунктам: село Шапки, дачный посёлок Шапки, карьер Шапки, железнодорожная станция Шапки, окрестные деревни. Отдельно собирались материалы по истории ингерманландских финнов, эстонских переселенцев, бывших немецких колонистов, шапкинских дачников.

Появились в моём архиве папки по вопросам местного здравоохранения, народного образования, по истории сельских библиотек и деятельности земства в Шапкинской волости, по народной топонимике. Микротопонимика может рассказать о том, что не отражают самые подробные отчёты местных властей. Все 12 лет после пенсии я собирала материалы о владельцах имений и их потомках, о многих замечательных людях, живших, бывавших или гостивших в Шапках. Удалось познакомиться и встретиться с потомками шапкинских и надинских помещиков из рода Дубянских-Марковых.

Особенно интересным для краеведов является дачный посёлок Шапки. С момента его возникновения прошло около 75 лет, но сколько здесь жило и гостило интересных людей!

Совместно с Ольгой Юрьевной Мавриной на основе собранных материалов была издана в 2006 году краеведческая книга «В сельце Дворцовом, в Шапках...», посвящённая истории Шапок и прилегающих деревень. Сейчас бы мы многое написали по-другому: что-то исправили, что-то изъяли, что-то дополнили. Весной 2011 года вышли из печати краеведческие заметки: Т. Киселёва «Из истории Шапкинской волости. Библиотеки». Книжку помогли подготовить библиотекари Шапкинской, Нурминской и Тосненской центральной районной библиотек. С Ольгой Юрьевной Мавриной мы подготовили к публикации воспоминания Ольги Владимировны Ольденборгер «Странички прошлого». Воспоминания последней помещицы деревни Надино из рода Дубяньских-Марковых, владелицы дачи на Царицыной горе иллюстрированы 141 фотографией, снабжены примечаниями по тексту, исторической справкой по истории Шапок, именованным указателем и другим справочным материалом. В октябре 2011 года «Странички прошлого» были напечатаны.

За 12 лет я подготовила более 20 выступлений на краеведческих чтениях в Тосненском историко-краеведческом музее, Центральной районной библиотеке и Шапкинской и Нурминской сельских библиотеках. Каждое такое выступление было интересно для меня своей подготовительной частью, поиском материалов. Радость, которую испытываешь, найдя какой-нибудь интересный документ или редкую фотографию, наверное, сродни радости кладоискателя, откопавшего по указаниям на старинной карте древний клад. По поручению Шапкинского Совета ветеранов я под-

готовила материалы для «Исторического формуляра ветеранской организации Шапкинского сельского поселения». Работа над «Историческим формуляром...», оказалась очень интересной, она позволила по-новому взглянуть на работу ветеранских организаций. А для администрации поселения составила историческую справку. Большая часть собранных краеведческих материалов хранится в Шапкинской сельской библиотеке и в Совете ветеранов посёлка на правах рукописей. Материалами пользуются школьники, студенты высших учебных заведений, жители и дачники посёлка. По мере сил я стараюсь запечатлеть события дней сегодняшних. Может быть, последующим поколениям будет интересно узнать, как мы жили на рубеже XX и XXI веков.

Историко-краеведческий праздник «Посёлок Шапки. Вехи истории». 25 июня 2010 года. Экскурсия по Шапкам. О государственном деятеле и герое Отечественной войны 1812 года А.Д. Балашове рассказывает В.Г. Яковлев.

Историко-краеведческий праздник «Посёлок Шапки. Вехи истории». 26 июня 2010 года. На выставке. Об истории посёлка Шапки рассказывает Т.Ф. Киселева.

В 2010 году Шапкинская сельская библиотека совместно с Администрацией посёлка, Советом ветеранов и церковной православной общиной провела историко-краеведческий праздник, посвящённый 510-летию первого письменного упоминания о сельце Шапки. Праздник показал, что историей нашего посёлка интересуются очень многие люди: постоянные жители и дачники, убелённые сединами люди и совсем юные шапкинцы. А это значит, что краеведческая работа будет востребована и впредь. Мне очень нравятся два термина, связанные с краеведением: родиноведение и краелюбие. Они отражают глубинный смысл интереса жителей к истории родного края и конечную цель краеведческой работы.

***Красильникова** Галина Павловна, коренная тосненка и потомственная железнодорожница.*

Окончила в Ленинграде техникум и институт железнодорожного транспорта по специальности автоматика и телемеханика.

42 года отработала в дистанции ШЧ-6 на станции Ленинград–Сортировочный–Московский.

Ветеран труда, награждена знаком «Почётный железнодорожник».

Что вспомнилось...

Родителей не выбирают и, конечно, место рождения не выбирается. Вот и я родилась не в деревне и не в городе, а в рабочем посёлке Тосно. Посёлок, в котором, как и в нашей семье, кто-то работал на железной дороге или на Ижорском заводе в Колпино. Обыкновенный посёлок. Но он мне дорог. Это моя Малая Родина. Здесь жили мои прабабушки и прадедушки Бородулины и Кондаковы, прах некоторых был похоронен у церкви Казанской иконы Божией Матери.

После войны посёлок возродился заново, и как он изменился за последние 40 лет! Потому, наверное, дороги мне эти старые любительские фотографии.

Я, Красильникова Галина Павловна, родилась в декабре 1939 года, когда шла война с финнами, в суровую морозную зиму. Моя мама Кондакова Наталья Андреевна, коренная тосненская жительница. Отец – Денисов Павел Михайлович – из питерских, жил в Стрельне. Родители познакомились на Фабрике механизированного учёта Октябрьской железной дороги. Эта фабрика – прародительница «Информационно-вычислительного центра» при Управлении дороги. Мама работала оператором счётно-клавишных машин, а отец – механиком этих машин. Но началась война. Отец ушёл в июле 1941 года ополченцем 3-й Фрунзенской дивизии защищать Родину. Воевал на Лужском рубеже, затем в блокадном Ленинграде. А мы – бабушка, мама, две её сестры, брат и я – были в оккупации. В октябре 1943 года нас вывезли в Латвию, в местечко

Угале. Вернулись в Тосно в июне 1945. На наше счастье, дом бабушки остался цел, несмотря на то что стоял у самой станции. Удивительная история: в воинской части, которая освобождала нас в Латвии, оказался солдат из Тосно. Он рассказал, что наш дом удалось спасти от пожара. Наш дом стоял на месте, которое все знали и называли «угольник». Здесь паровозы, проходя по рельсам «угольника», изменяли своё направление. Обслуживали стрелки и рельсы этого «угольника» трудолюбивые женщины, жившие в железнодорожных домах-бараках. В центре этого «угольника» были два дома-барака. Около них ещё до войны собиралась молодёжь. Имена некоторых сохранились на обшивке барака после войны. По рассказам, многие воевали, некоторые погибли. К сожалению, конкретно я их не знала.

В мирное время в этих бараках был «дом отдыха машинистов и кондукторов», общежитие и некоторое время – железнодорожная амбулатория. В 1968 году эти бараки ещё были. По направлению к Гатчинскому парку было также два дома-барака. Там жили железнодорожные рабочие с семьями, мои одноклассники. Водонапорная башня и вторая башня недавно исчезли. Запомнились ещё колонка, где набирали воду паровозы, а также склад топлива для паровозов. На этом складе топлива по топливным книжкам железнодорожники получали для своих нужд уголь и дрова. От них после войны остались руины: только стены административного кирпичного двухэтажного здания и фундамент железнодорожной поликлиники.

Как рассказывала мама, в административном здании первые месяцы после прихода в Тосно немцы держали пленных. Очень боялись они тифа и потому жестоко обращались с пленными. Войну я не помню, не понимала ещё. Но родные вспоминали, иногда рассказывали, хотя нелегко было возвращаться в мыслях к пережитому. В

нашем доме во время оккупации в передних комнатах жили гитлеровцы, когда возвращались с передовой на отдых, поэтому перед домом был построен бункер, в котором они прятались при бомбёжках. А мы частенько уходили на ночь к родным или знакомым, которые жили подальше от железной дороги. Остатки бункера я уже воочию видела, он нам служил прудом. Однажды мне школьная техничка рассказала, что, когда в этом бункере спасались простые жители, я стояла и просила: «Господи, спаси и помилуй нас». Видно, бабушка учила меня молиться о спасении.

Когда мы остались с мамой вдвоём, она снова пошла работать на свою фабрику. Жили на её маленькую зарплату и пенсию за погибшего отца. Помню, как, получив первую пенсию, мама купила, наверное в коммерческом магазине, пирожное – трубочку с кремом. Я его кусала, лизала, а она плакала. К счастью, я была у мамы одна. А сколько молодых вдов остались с тремя и больше детьми!

После войны тосненцы, как правило, держали в хозяйстве какой-нибудь скот: корову, кур, поросёнка. Тосно делилось старожилками на Балашовку, Середку – центр, Резань, Конец. Конец – это район около бывшего Корпусного шоссе, улицы писателей, Рабочая улица, часть улиц Трудовой и Крупской. На каждом конце было своё стадо скота.

Мы, ребяташки, должны были встречать своих коровушек, козочек. Встречали их на брёвнышках у последнего дома по Корпусному шоссе (у ручья), ждали с кусочком хлеба. Пока ждали, сами почти весь съедали. А как мы играли в лапту, прятки, прыгалки! Простора для гулянья было много. Но в страду помогали родителям сажать картошку, умели полоть, охотно работали на пришкольном участке. Зато, когда от школы ездили помогать в колхоз, нам это было не так тяжело.

Быт наш был очень скромный, ведь в войну всё потеряли, и многие строились или ремонтировали дома, сажали деревья. Со временем на улице Трудовой (ныне Боярова) было построено много новых домов, посажены плодовые деревья. Улица была цветущей, с хорошей грунтовой дорогой.

Помню, после войны бывали частые поминки. Погибших и умерших во время войн было много, в каждой почти семье. Поминали по старым обычаям и очень скромно. Многих родные похоронили на чужбине.

Но жизнь продолжалась. Молодые устраивали свою жизнь, создавали семьи. Встречались и веселились на площадках, на свежем воздухе, так называемых «сковородках». Мы, малышня, бегали смотреть. На нашем «конце» «сковородка» была примерно около дома по улице Ленина, 27, угол проспекта Ленина и шоссе Барыбина.

Около «белой» школы была площадка «стадион». Почти каждый выходной юноши и молодые мужчины играли там в футбол. Эти игры были как праздник для населения и собирали много тосненцев, знакомых и болельщиков.

Застолья всегда были очень скромные. Зато много пели: «Катюшу», «Синий платочек», «Мой костёр в тумане светит», «Тёмная ночь», «Три танкиста» и русские народные песни: про ямщика и другие.

Долго сохранялся обычай ходить ряжеными во время Святка. Обычно это были ровесники рождения 20-х годов. Иногда вместе с ними ходили дети десяти – двенадцати лет. Хозяева встречали ряженных доброжелательно: веселились вместе с ними, смеялись над их старанием быть неузнанными, над их шутками – прибаутками.

Родители устраивали для детей праздник ёлки. Собирали ребятшек своих знакомых у себя дома. Жили бедно, тесно, мебели почти не было. Ёлка стояла посередине ком-

наты. Вокруг ёлки дети водили хоровод, пели и пританцовывали под музыку «Светит месяц», «Яблочко», про ёлку. Играли в ручеёк, фанты, жмурки. В подарок получали один пряник или конфету. И всё равно дети были счастливыми и весёлыми. Постепенно этот обычай – приглашать знакомых детей к себе в дома – исчез, и очень жалко. Со школой я была на ёлке в Ленинграде во Дворце пионеров. Там мы видели Назыма Хикмета, турецкого писателя – коммуниста. Тогда он жил в нашей стране и был популярен.

В нашей семье любили музыку. Первая пластинка, приобретённая, когда «разбогатели» и купили патефон, была «Эх, Андрюша». А довоенные пластинки не сохранились. Перед приходом немцев в Тосно родные пытались уйти через Шапки на Мгу. И уходя, младшая мамина сестра разбивала, топтала пластинки, чтобы самое дорогое для неё не досталось врагу.

В 1947 году я пошла в первый класс в школу, которую называли «белой» (на теперешней улице Боярова) и выглядела очень даже нарядной. Платье на мне было вязанное из ниток немецких вигоневых носков, его мне связала мамина подруга, а передник из чёрного материала шила мама. Тряпчатая сумка-портфель в руках. Потом были у меня и настоящие портфели, но школьные передники шила мама, а школьные платья переделывала из маминых моя крёстная Шура – мамина двоюродная сестра.

Позже я перешла в «Корчагинскую» школу за Смоляным ручьём, а потом училась в двухэтажном деревянном «поповском» доме у церкви с пристройкой – спортзалом, где были брусья, кольца и другой спортивный инвентарь. А «Корчагинская» школа запомнилась тем, что перед занятиями, когда позволяла погода, на улице делали зарядку. Восьмой - десятый классы я заканчивала в «белой» школе.

Из школьных лет в памяти остались несколько особенно ярких случаев. Как тосненцы узнали о дне Победы, нам рассказал учитель А.А. Холдин: прилетел самолёт «кукурузник» и сбросил листовки с этим радостным известием. Второй случай, когда после отмены карточек в класс, освещённый керосиновой лампой, вошла пожилая учительница. Имени её я, к сожалению, не помню, так как она замещала нашу постоянную преподавательницу Галочкину Александру Ефимовну. Она принесла кирпичик серого хлеба и стала нас угощать хлебом, улыбаясь и чуть не плача от радости, что дожили до такого дня. И ещё – светлая память о нашей Нелли. Почему-то я не помню, звали ли мы её по отчеству – Нелли Альфредовна Синашкина. Это она в нас, безотцовщину, матери которых пропадали на работе, старалась внести светлое, весёлое, заинтересовать музыкой, песнями и танцами. То ли это были уроки пения, то ли дополнительные занятия, кружки. Она приглашала петь всех. Пели русские народные песни, например, «В низенькой светёлке». Она учила нас азам музыки, когда разучивала с нами такие вещи как «Поезд мчится в чистом поле» («Попутная песня» М.И. Глинки, слова Н.В. Кукольника), «Эхо, эхо».

Мы выступали в дни выборов на избирательных участках. Исполняли песни «Москва-Пекин», про родину, песню детей из кинофильма «Падение Берлина». К сожалению, я не обладала ни голосом, ни слухом и в самостоятельности не занималась. Но о Нелли Альфредовне всегда помнила, о её деятельности слышала и интересовалась, когда встречались, обменивались рассказами о жизни.

Последняя случайная встреча была незадолго до её ухода из жизни. Она уже неважно себя чувствовала. Но сколько было в ней нежности, внимания к человеку!

Пролетели школьные десять лет. В 1957 году я окончила школу с серебряной медалью. Но получилось так, что я пошла учиться дальше в техникум железнодорожного транспорта имени Дзержинского на отделение «Автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте». Сейчас это название оправдывает себя. А тогда называли «автоматика и телемеханика с помощью гибких тяг». И начиналось изучение простейших замычек, линий передач и тому подобное. Обучение в техникуме давало много практических навыков. Первая практика была на перегонах дороги Ленинград–Москва, где шли работы по электрификации участков Боровёнки–Торбино–Оксочи. Делали монтаж в релейной шкафу переезда на станции Саблино. Преддипломная практика была на новом посту централизации в Риге. Там мы уже практически начинали осваивать новейшую по тому времени «блочную маршрутно-релейную централизацию» управления стрелками и сигналами.

По окончании техникума в 1960 году получила направление на работу в Дистанцию сигнализации и связи станции Ленинград–Сортировочный–Московский, сокращённо – ШЧ-6. Эта станция всегда была полигоном для внедрения новейших устройств. Инициаторами преобразо-

ваний были командиры разных специальностей: движенцы, связисты, вагонники, машинисты. Сначала я работала по включению и проверке новейших устройств АЛСН (автоматическая локомотивная сигнализация). Эти устройства повторяли показания перегонных светофоров в кабине машиниста. Затем почти пять лет проработала сменным механиком на посту электрической централизации (ЭЦ) парка 2-й станции. После рождения сына меня перевели в контрольно-испытательный пункт (КИП). Зарождались новые устройства: автоматический роспуск составов (АРС), горочное программно-задающее устройство (ГПЗУ). С изучением, наладкой и эксплуатацией новинок я была связана довольно долго. Потом опять новые устройства электрической централизации на станциях от Фарфоровской до Обухово. Мне очень повезло с коллегами по работе и в том, что станция всё время обновлялась технически. Приходилось учиться у старших товарищей – практиков, у механиков, чтобы лучше знать обслуживаемые приборы. Когда стали внедряться электронные устройства, с нами занимались разработчики проектного института (ГТСС) и электротехнического завода. Все мы учились, кто в техникуме, кто в институте – бесплатно: только учись. Без отрыва от работы я окончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Когда стала заниматься технической документацией, могла по схеме подсказать механику на посту возможную неисправность.

В нашем коллективе трудились и бывшие блокадники, и приехавшие сюда с разных концов страны для восстановления станции и города, и мои земляки – тосненцы. Например, Смирнов Георгий, который работал на заводе в заблокированном Ленинграде. Я об этом узнала, когда увидела на плакате фотографию вихрастого подростка с надписью «Ударник комсомолец Георгий Смирнов». Сре-

ди машинистов, связистов и вагонников станции Сортировочная было много жителей нашего района: Н.П. Панова (дер. Липки), В.И. Краснокутский (с. Ушаки), Г.П. Никандров (Любань), П.А. Малашин (дер. Ручьи), В.Ф. Николаев (дер. Липки), А.А. Алексеев (Ушаки), Л.А. Рейзнекс (Ушаки), Л.Б. Богачёв (Тосно), А. Кондакова (Тосно). Почти всех «опалила» война, «закалил» тяжёлый послевоенный труд. Уважение коллег вызывали их умелые руки, стремление к знаниям и чувство ответственности.

Так прошли мои сорок два года работы в дистанции ШЧ-6 на станции Сортировка. Как бы в благодарность за постоянство меня наградили знаком «Почётный железнодорожник», присвоили звание «Ветеран труда».

Мне всегда помогали мама, бабушка и все родные, чтобы я могла учиться, растить сына, спокойно работать.

Вся моя трудовая и общественная жизнь проходила на Сортировке, с жизнью в Тосно я мало соприкасалась. Когда же окончательно ушла на пенсию, познакомилась (кроме коренных тосненцев) с новыми людьми, своими ровесницами. Встречи в клубе «Общение», лекции в библиотеке обогащают мои пенсионные годы.

Выходит, что я железнодорожница в третьем поколении. Мой дедушка – Кондаков Андрей Константинович – был составителем поездов на станции Тосно до 1938 года, мама всю жизнь проработала

ла на фабрике, связанной с железной дорогой. А вот и четвёртое поколение: мой сын Павел Валентинович и невестка Вера Ивановна работают также на Сортировке, в той же дистанции ШЧ-6.

Жизнь продолжается.

Петрова Галина Алексеевна, учитель-методист, участница школьных экспериментов в Тосненском районе в 1966-1969 и середине 1980-х гг., «Отличник народного просвещения», активист Совета ветеранов, член литературного объединения «Тосненская страничка».

Это было в жизни моей

Я – учитель, всю жизнь посвятила обучению и воспитанию детей и работе с педагогами в Тосненском районе (с 1963 г), хотя и не коренная тосненка.

Думаю, что моё непростое детство дало мне те качества, которые служили опорой в дальнейшей жизни: любовь к труду, уважение к людям, терпение, нравственные принципы и умение видеть вокруг себя красоту.

Родилась я в 1939 году в селении Голубино Торжокского района Тверской области. С моей любимой матерью, Михайловой Натальей Михайловной мне пожить не повезло: во время войны она была на лесозаготовках. Наличие ребёнка от этих работ не освобождало, а когда война закончилась, мама уехала в Ленинградскую область. У неё появилась новая семья.

Став школьницей, я каждое лето ездила к ней в гости. Отца Михайлова Алексея Сергеевича увидеть не пришлось, так как с 1939 года он проходил срочную военную службу, позже воевал и с войны не возвратился.

С рождения жила без отца,
Он где-то погиб на войне,
Его дорогого лица
Никак не представить мне.
Взрослея, училась всерьёз
Проблемы решать до конца.
И мне не хватало до слёз,
Всегда не хватало отца.

Меня вырастили родители матери, мои незабвенные дедушка Михаил Александрович и бабушка Евдокия Степановна Чуркины.

Бабушка, будучи необразованной женщиной, была доброй и заботливой. Дед – выходец из дворянской семьи, закончил

реальное училище с отличием, однако, женившись по любви на бесприданнице Дунюшке, лишился наследства.

Когда в первые годы Советской власти появились коммуны, дед с бабушкой стали коммунарами, дед – пчеловодом и библиотекарем, бабушка – поварихой. После распада коммуны бабушка работала в колхозе «Красная нива». Дед не захотел идти в колхоз и по сезонам пас частных коров. Интересно, что его подпаском в деревне Полменицы был широко известный в последствии талантливый певец Лемешев Сергей Яковлевич.

С благоговением вспоминаю наше необычное селение-хутор. Закрываю глаза и возвращаюсь в барское поместье. После войны сохранилось разбитое кирпичное, красивой архитектуры здание столовой. Нашим родственникам решили это здание отремонтировать, и мы стали там жить. Позже, бывая в разных уголках страны, я не видала такой богатой, красивой природы. Жившая здесь до советской власти барыня, фармацевт, специально завозила сюда разнообразных растения. Например, там росли сирень голубая, розовая, красная, белая, фиолетовая; бузина с черемухой, чёрная и красная. В заброшенном состоянии при мне ещё были аллеи из различных сортов акаций, жасмина, клёна, вишен, слив. Старинные серебристые тополя, не обнять двумя руками, видны были из соседних деревень. Люди называли Голубино «Барским садом».

В реке Рачайне водились щурята, ерши, окуни, налимы, плотва и раки.

В роще на тополях-великанах гнездились грачи: не преувеличиваю, по 40 гнёзд на высоченном дереве. Когда весной мы с кем-нибудь подходили к тем тополям, грачи кричали так громко, что заглушали слова. Надо было кричать в ухо тому, с кем разговариваешь. По аллеям бегали одичавшие размножившиеся кролики. Когда я подросла и

пела песни на улице во весь голос, они выскакивали из кустов на тропинки, садились на задние лапки, подняв уши вверх, замирали – слушали. Видимо, это им было любопытно.

В саду было много гнёзд ежей. Я, глупая, подойдя к гнезду, рассматривала его, ежика фыркала, подпрыгивая, стараясь меня напугать и уколоть, а потом брала в зубы за шиворот по одному ежонку и уносила их в другое место.

В мечтах я с тобою встречаюсь,
Тверская сторонка моя,
И в детство своё возвращаюсь
На хуторе у ручья.
Прильну к серебристому тополю,
Как друга его обниму.
Он помнит, как бегала по полю,
И трепетных чувств не уйму.
В наш сад так и манит смородина,
С речушкой бы встретиться вновь,
Милая малая родина –
Детство моё и любовь.

Наша семья состояла из трёх человек. С высоты прожитых мною лет я понимаю и восхищаюсь хозяйственностью и трудолюбием бабушки и дедушки. Они всегда были чем-то заняты. Держали корову, поросёнка, овец, кур. У деда была пасека, не менее десяти ульев. Перед выходом к пчёлам он, бывало, полностью мылся (пчёлы никаких запахов не переносят, будут кусаться), надевал халат и белые тканевые бахилы, сетку на голову и брал дымарь. Он сам делал ульи, «магазины», рамки для них. Из соседних дере-

вень к нам приходили покупать мёд. Дед очень любил заниматься пчёлами, рассказывая мне про них, про устройство их семьи, пчёл сторожевых, рабочих, трутней, про матку. Запомнила такую историю:

– Если пчёлка отстанет от своей семьи, она соберёт немного нектара, прилетит на краешек чужого летка, сядет и будет жалобно пищать, сторожевые пчёлы её пропустят в улей.

Летом, в солнечные дни я следила за пчёлами, чтобы рой не улетел. Приготовив свежий веник, ведро чистой воды, наблюдала за ульями. Если в каком-то улье пчёлы оживлялись, увеличивалось их количество, я окунала веник в ведро и слегка брызгала на улей, стараясь попасть на леток. Сразу пчёлы возвращались в улей. Проворонив рой, бежала за ним смотреть, куда он сядет. Дед потом соберёт пчёл в лукошко. Рой садился где-то рядом.

Дедушка занимался рыбной ловлей, беря меня с собой (так что я отличу окуня от налима), плёл корзинки из ивовых прутьев для овощей, травы и т.п., делая со мной драгву, подшивал валенки, вместе с ним мы пилили дрова и укладывали их в поленницу. Затопив русскую печь, бабушка пекла хлеб из муки, которую мы с ней мололи на жерновах. Вечерами бабушка садилась за прялку и прядла лён. Я часто любовалась, как веретено красиво порхало в воздухе. А я в это время рвала старые тряпки на полоски и сматывала их в клубок. Потом это использовалось, чтобы ткать половики. Я этому научилась. Это проще, чем прядь лён. Садилась за стол всегда вместе, ели из одной глиняной миски деревянными ложками.

Моей обязанностью было мытьё полов в комнатах. Насыпав на влажные половники речной песок, тёрла пол голиком. После этого пол должен быть жёлтым, а не с синим оттенком.

Летом я постоянно выполняла какую-нибудь работу: носила с реки на коромысле воду, поливала огород, руками рвала траву для поросёнка, сушила сено. Я научилась тогда все виды сельских работ выполнять правильно.

В нашей местности праздновали Пасху, Ильин день (2 августа), Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября), Рождество Христово (7 января). Готовясь к празднику, дед делал медовуху, бабушка варила пиво и приготавливала студень. Собирались родственники. После застолья пели русские народные песни.

В первый класс я пошла в 1947 году. Школа находилась за два километра. Мою первую учительницу Серафиму Ниловну я очень сильно любила, хотя она позволяла себе любого из нас бить линейкой или указкой по чему попало. Мы не обижались.

Тогда тетрадей не было. Из обёрточной бумаги я нарезала одинаковые листы и сшивала швейной иглой белыми нитками. Разлинуешь карандашом листы, и тетрадь готова. Писали фиолетовыми чернилами тонкой ручкой с металлическим пером № 11 или «звёздочкой». Чернила разводила учительница. Макнёшь ручкой в чернильницу и, пока несёшь ручку к тетради, упадёт на страницу клякса. Учебники и тетради мы носили в сумке из плотной ткани или из-под противогаза. Учебников не хватало. Один учебник приходился на троих.

В нашем классе не было детей, у которых отец вернулся с войны. В параллельном одного мальчика били за то, что его отец возвратился. Помню, били и приговаривали: «Раз батька вернулся живым, значит, он плохо воевал».

В школу мы ходили в валенках, летом надевали парусиновые тапки, которые чистили зубным порошком. Впервые я надела туфли в 14 лет. Очень их берегла. Если надо

куда-нибудь идти далеко, шла босиком, а туфли надевала, когда приближалась к месту назначения.

В пятый класс после экзаменов нас перевели в Мошковскую среднюю школу за пять километров.

На учителей мне везло. Я с благодарностью их вспоминаю. Приветливые и доброжелательные, они интересовались делами своих учеников, подсказывали, как поступить правильно, с любовью нас опекали. Моей любимой учительницей была Столярова Нина Александровна, учитель немецкого языка. Так и представляю её в строгом тёмном платье с кружевным воротничком. Говорила чётко, спокойно, красиво писала на доске мелом и вытирала руки исключительно свежим белым платком. Ко всем ученикам относилась одинаково, с уважением. Сейчас ей за 80. Приезжая иногда на родину, я всегда захожу к ней пообщаться.

Учительница русского языка Екатерина Николаевна доверяла мне проверять тетради учеников нашего класса. Найду ошибки, подчеркну их, а она сама исправит и поставит оценку.

В школе меня хвалили за успеваемость, за сочинения, за исполнительность. Я была редактором школьной стенгазеты «За учёбу». Помню, мы критиковали мальчишков-курильщиков. Я наклеила картинки и похвалила себя за удачную подпись:

– Покури, дружок, я уж губы обжѐг.

– Покурил бы и я, да очередь не моя.

Наша школа помогала колхозу убирать урожай: копали картофель, таскали лён, морковь. Учителя работали с нами, подавая пример.

Были и другие задания для учеников, например, привезти из дома по ведру золы из печки (я привозила на санках) или рвать берёзовые почки по два стакана. Мы выполняли безоговорочно любое поручение.

Бабушка с дедом меня любили, но не баловали. Дед много читал, и мне тогда казалось, мог ответить на любой вопрос. Он никогда не повышал на меня голоса. Промолчал даже тогда, когда я нечаянно разбила десятилитровую банку с брагой. Он учил меня культуре поведения и красивым манерам: ходить и сидеть прямо, говорить спокойно вполголоса, смотря собеседнику в глаза, здороваясь, называть имя и улыбаться.

Деда не стало, когда я училась в восьмом классе. Для меня это было очень тяжёлой утратой.

Собираясь учиться в девятом классе, я решила сама заработать деньги на учебники. Взять денег с бабушкиной пенсии (она получала 60 рублей) я постеснялась. Пошла в лес за малиной. Набрала целое ведро, около десяти литров, и повезла на рынок в Торжок продавать. А сама так стыжусь, что не могу рядом с ведром стоять. Ведро с малиной – в одном месте, а я, красная, как рак – в другом. «Чья малина?». А я боюсь признаться. Стою в сторонке и краснею. Женщины с рынка помогли продать. Я получила 25 рублей. Денег хватило на все учебники и фильдекосовые чулки.

В 1957 году я закончила Мошковскую среднюю школу. Мой аттестат зрелости без троек.

В Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена на педфак (начальное обучение) поступила в 1959 году. Увлекалась спортом, лёгкой атлетикой, предпочитая бег на длинные дистанции.

Была председателем спортсовета факультета. Тренировались мы на зимнем стадионе. Там же занимались (конечно, отдельно от нас) олимпийские чемпионы Тамара и Ирина Пресс. Тамара толкала ядро. В 1961 году я приглашала их в институт на спортивный вечер, ездила к ним до-

мой. Целая комната в их квартире была увешана наградами: вымпелами, дипломами, на столах стояли кубки.

На одном из соревнований я была в судействе. Веду протокол и отмечаю результаты попыток. Вдруг скромно подходит чемпион мира по прыжкам в высоту Валерий Брумель и тихо называет свою фамилию.

Вторым моим увлечением в институте было хоровое пение. Мы пели патриотические и лирические песни на четыре голоса. У меня первый альт. Помню песни тех лет «Лумумба с нами», «Широка ты, родная Россия», «Месяц на небе» и другие. Наш хор педагогического факультета выступал в разных дворцах города Ленинграда.

Жила я на стипендию и всегда дополнительно работала техничкой в библиотеке нашего института.

С дипломом учителя I-IV классов в 1963 году была направлена в Тосненский район, в Рябовскую начальную школу, но остаться рядовым учителем мне не пришлось, я оказалась вовлечённой в дело большой значимости.

В 60^е годы школа нуждалась в модернизации. Наука развивалась, возникли новые технологии. Появилась потребность в людях, умеющих работать с новой техникой. Начали с начальной школы. Академия педагогических наук РСФСР разработала новую программу обучения и усовершенствовала методы преподавания по всем учебным дисциплинам. Много изменений претерпела математика. Вместо арифметики натуральных чисел с первого класса включили элементы алгебры и геометрии. Разработали новый способ чтения, упростили начертание букв. На уроках труда предложили делать поделки по чертежам. Задача новой программы заключалась не только в увеличении суммы знаний. Надо было развивать мыслительные способности детей: умение анализировать, сравнивать, делать выводы, обобщать.

Новую программу надо было проверить, насколько она доступна в условиях массовой школы. Вот тогда учителя Тосненского района в числе трёх других районов Московской и Свердловской областей стали проверять новую программу и новые методы обучения.

В 1966 году заведующий ГорОНО Загорский А.Д. пригласил меня работать в отдел методистом и руководить экспериментом. Нужно было организовать эту работу в районе и осуществлять связь между районом и областным институтом усовершенствования учителей, институтом им. А.И. Герцена, Академией наук РСФСР. Ежемесячно я организовывала семинары, приглашая учёных из Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, собирала учителей всех школ района, постоянно посещала уроки учителей и анализировала их с позиции результативности обучения и правильного понимания новых методов обучения, собирала от учителей анализы типичных ошибок в контрольных работах, делала сводную таблицу ошибок и оценок на миллиметровой бумаге (на полу) вечерами и в выходные дни дома. Таблица была полтора-два метра размером. Сводную отправляла в Москву в АПН РСФСР. Часто сама ездила в академию на двух-трёхдневные семинары и совещания о ходе эксперимента и слушала рекомендации московских авторов учебников, их коррективы по методам обучения и стремилась реализовать их в методической работе.

Эксперимент начался в 1966-1967 учебном году и закончился в 1969 году. В эксперименте участвовало восемь средних, одиннадцать восьмилетних и 34 начальных школ, более 60 учителей.

В школы к нам часто приезжал начальник программно-методического управления В.П. Стреликозин и посещал уроки.

Почти во всех школах побывала методист Министерства просвещения РСФСР М.А. Васильева, брала меня с собой на уроки и предлагала анализировать урок в её присутствии.

Учителя понимали ответственность, которая на них легла, и работали чётко, серьёзно. Особенно успешно работали Г.А. Лукина (Любанская средняя школа), А.Н. Гриббе (Красноборская средняя школа), Н.П. Европейцева (Фёдоровская средняя школа), Л.Н. Гутарева (Никольская средняя школа), З.М. Тихомирова (Ульяновская средняя школа), Н.И. Сырникова (Новолисинская восьмилетняя школа), Н.М. Родионова, Л.А. Смирнова (Тосненская восьмилетняя школа), Е.В. Свистунова, Е.Г. Никулкина (Тосненская начальная школа № 3), Н.К. Свищёва (Коркинская начальная школа).

Вся страна интересовалась работой наших учителей, её результатами. Все готовились к переходу на новые программы обучения. С этой целью в район приезжало много, очень много гостей: заместители министров других республик, директора институтов усовершенствования учителей, директора и завучи школ. Об эксперименте писали в журнале «Начальная школа», в тосненской газете «Ленинское знамя».

Рассказать о путях и трудностях перехода на новые программы меня приглашали другие регионы. Я ездила в г. Мурманск и две недели читала там лекции в областном институте усовершенствования учителей.

Ленинградская область тоже готовилась к переходу на новые программы. Наши учителя стали лекторами на курсах повышения квалификации в Ленинградском институте усовершенствования учителей: В.В. Дементьева из Красноборской школы, Е.Г. Никулкина, Е.В. Свистунова из Тосненской начальной школы № 3, Г.А. Петрова из ГорОНО.

Я получала бесчисленные посылки из Москвы с методическими материалами, размноженными на ротаторе, т.е. материалами АПН РСФСР и распределяла их по большим школам, а в начальные переправляла бандеролью. Всё равно эти методические материалы имели в то время ещё слишком общее направление, учителям приходилось многое дорабатывать. Не всегда и не у всех получалось. Помню, два учителя из Андриановской и Рябовской школ с обидой сказали: «Вот сами бы попробовали. Проверять-то легко».

Приходилось вставать за учительский стол и проводить экспромтом уроки математики.

В 1966 году новая программа по начальному обучению была утверждена и стала обязательной по всей России.

Экспериментальная работа развила творческий потенциал учителей, повысила их научно-теоретический уровень, раскрыла мастерство многих из них. Они придумывали интересные наглядные пособия, сами находили более доступные методы обучения. Многим было присвоено звание «Отличник народного образования» и вручены нагрудные значки.

Тосненский район стал самым передовым в Ленинградской области и известным по всей России.

В 1985 году мне опять поручили очень трудный участок работы в ГорОНО должность инспектора по охране прав детей. Я посещала с депутатами трудные семьи, писала акты обследования, собирая документы в суд о лишении родительских прав, сама отвозила отобранных детей в детские дома и дома ребёнка, искала опекунов для детей-сирот и оформляла опеку, была постоянным представителем в Тосненском городском суде, когда решались дела, связанные с детьми. Защищая интересы детей, ездила в тюрьмы для участия в допросах. Так я познакомилась с Крестами, самой страшной тюрьмой Ленинграда.

Некоторые истории с детьми запомнились особенно. По решению суда отобрали от любанских родителей мальчика лет четырёх. Когда его везли в детский дом, он спросил: «А хлеб там дают?»

Другая история не менее печальна. Позвонили соседи одной семьи в г. Тосно, что постоянно за стенкой плачет маленький ребёнок. Мы с участковым милиционером пошли в семью. За столом сидела пьяная компания, а ребёнок, примерно полутора лет, ползал на грязном холодном полу и держал в зубах сырые очистки от картофеля. Разговаривать присутствующие не могли – так были пьяны. Пришлось сразу забирать ребёнка и временно помещать в

Центральную районную больницу с последующим сбором документов в суд.

Работая в ГорОНО, я несколько раз принимала участие в областных соревнованиях учителей за честь района по спортивному ориентированию. Дадут на старте карту с компасом – и бегом на время по маршруту пять километров с остановкой на каждом контрольном пункте. Бежишь быстрее, обгоняешь, а вдогонку учителя смеются: «Смотри, она думает, что ей зарплату прибавят». А у меня спортивный азарт. Однажды заняла четвёртое место по области среди учителей. Хорошо ходила на лыжах и выступала за команду ГорОНО на всех соревнованиях.

В середине 80^х годов в нашем районе начался другой эксперимент. Новые технологии потребовали расширить объём знаний, и учёные пришли к выводу, что более раннее обучение в школе эффективнее. АПН РСФСР предложила обучение в школе начать с шести лет.

Заведующий Тосненским ГорОНО А.В. Цыганов пригласил меня к себе и сказал: «Выручай, возьми класс, потом будешь учить учителей района».

Так я стала учить шестилеток в Ушакинской восьмилетней школе. В новых программах учебный материал скомпонован иначе, чем раньше, расширен и распределён на четыре года обучения. В старшем звене школы также произошла модернизация программ.

Новых учебников не было ещё, письменных методических указаний очень мало. В Ушакинской школе у меня был класс в 20 человек. Оборудовали три класса: учебный, игровую комнату и спальню (шестилетки должны днём спать). Высидеть академический час малышам трудно. Урок у шестилеток длился 35 минут. А перемены дети проводили в игровой, которая напоминала детский сад: ковёр на полу, много игрушек. Элементы игры переносятся

из комнаты отдыха в класс. Шестилетние дети, играя, чувствуют себя раскованно, меньше утомляются. Учебную игру должен вести учитель. Часто я брала в помощники игрушки, героев известных и любимых сказок: «Сегодня пришёл к нам на урок Карлсон. Давайте расскажем ему, чему мы научились вчера». Малыши с удовольствием объясняют игрушке, что они поняли на вчерашнем уроке. Так мы и повторяли учебный материал.

Шестилеток нужно было постоянно занимать, иначе они отвлекаются. Учитель невольно перестраивал свою работу. Эксперимент с шестилетками удался. Новую программу утвердили, но обучение началось с семи лет, так как открыть игровые комнаты и спальни в школах оказалось проблемно.

Когда весь район стал работать по новой программе, я выступала перед учителями, говоря об опыте работы, объясняла, как изучать ту или иную тему учебной программы. Сегодня почти вся страна работает по программам, которые проверяли в Тосненском районе.

После выпуска экспериментального класса учеников на новый класс не набралось: снизилась рождаемость детей. Я стала работать учителем в Тосно-II и при этом исполнять обязанности директора школы. В школе около 200 учеников, восемь учителей и две технички. Управлять нетрудно, но завхоз по штату не положен, а хозяйственная работа не даёт жить нормально: напился кочегар – холодно, дети маленькие; вышел из строя глубинный насос – без воды нельзя, в туалете переполнена выгребная яма – не допросишься шефской помощи от завода «Стройдеталь», не привезли из заводской столовой завтраки для учеников – прошу техничку присмотреть за классом, а сама иду с тележкой в столовую за пирожками. В конце дня приеду домой, звонят: такой-то ученик не пришёл из школы до-

мой. Думала, только бы не попасть в тюрьму, остальное можно пережить, хотя и трудно. При этом накале обстановки ещё и контроль со стороны СЭС и пожарной службы. Чуть что не так, штраф 100 рублей, а я за заведование получала 15 рублей.

В 1970 году мне присвоено звание «Отличник народного образования».

В 90-е годы у сына выросла семья, стало тесно. Мы с мужем уехали в посёлок Ушаки, на дачу. Завели козу, поросят, гусей, индоуток, кур. Признаюсь, я очарована любовью «живностью» и безгранично люблю эти благородные существа. Общаясь с ними, сделала для себя несколько открытий. Козы, например, очень понятливые. Как-то увидела в окно с испугом, что коза гложет ствол любимой яблони. Закрыла её во дворе на «навёртыш». Через две минуты опять вижу козу у яблони. Кто же открыл калитку? Загнала козу и спряталась, чтоб понаблюдать. Моя Стрелочка подошла к «навёртышу», подняла мордочку и стала зубами его поворачивать. Калитка открылась. Ну и озорница!

Сейчас я на пенсии. Занимаюсь общественной работой: участвую в выборах как агитатор, принимаю участие в делах Совета ветеранов, вхожу в состав районного общества «Славяне», систематически езжу в Русский музей в лекторий по теме «Любители искусства», посещаю заседания литературного объединения «Тосненская сторонка», которым руководит наш известный поэт Н.Б. Рачков. Пробую писать стихи.

Листопад

Уже мы не слышим в парке осеннем
Гомон пернатых, их радостный свист.
Планируя, кружит в танце последнем
Ярко-багряный осиновый лист.

Дождь золотистый слетает с берёзы
На разноцветный кудрявый ковёр.
Падают с веток последние слёзы
И о заветном ведут разговор.

Я вдова. Муж, Петров Юрий Николаевич, участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Чернобыль усмирён. Но голову
Муж поплатился. И любой поймёт,
Как страшно и как горько стать вдовою.
Ведь вдовья жизнь не сахар и не мёд.

Сын Михаил и внуки Павел и Алексей часто меня навещают и поддерживают в трудную минуту.

Считаю, что свою жизнь прожила интересно и успешно. Я занималась любимой работой. В деле государственной важности, проверке двух новых программ обучения, есть частица моего труда. Я учила не одну сотню учеников и с особым старанием сеяла зёрна нравственности. Думаю, это не прошло бесследно.

Седых Вера Алексеевна, закончила шестое Ленинградское медицинское училище, практику проходила в Мариинской больнице, на Скорой помощи. Работала в терапевтическом и хирургическом отделениях Гостненской центральной районной больницы, в яслях-саду № 31. Некоторое время ей довелось работать в Георгиевском Доме ребёнка.

Вера Алексеевна – член Общественной палаты Ленинградской области, председатель Гостненского отделения Всероссийского общества инвалидов, занимается литературным творчеством.

В Георгиевском доме ребёнка

Георгиевский областной психоневрологический Дом ребёнка (иногда его называли «Дом малютки») я знала с детских лет.

Из воспоминаний Алексеевой Тамары Дмитриевны, проработавшей в этом Доме ребёнка медицинской сестрой с 1957 по 1960 год: «Сначала это был Дом малюток, и там воспитывались дети осуждённых женщин. В 1953 году, после того как Георгиевская колония была расформирована, в Дом малюток стали принимать детей-сирот. Впоследствии в здании Дома малюток разместился областной психоневрологический Дом ребёнка».

Он находился в Георгиевском и был обнесён глухим деревянным забором. Туда, к его высоким массивным воротам, мы, ребята, устремлялись накануне 1 сентября. Смирненно ждали, когда выйдет оттуда кто-нибудь из

взрослых, молили: «Тётьенька, дайте, пожалуйста, цветочки в школу». Тётьеньки были добрыми, и потому все мы возвращались домой с небольшими букетами садовых цветов.

1 сентября шли мы в школу нарядные, все в одинаковой форме, с букетами цветов. Школьная форма тогда была доступна по цене для любой семьи. Покупали её, зачастую, на 2 размера больше. Мама вручную ушивала мне на платье рукава, в талии, подгибала подол. Поверх рукавов, чтобы не протереть их в локтях, мы носили нарукавники. Такая школьная форма могла прослужить два года.

В этот день наша учительница Галина Яковлевна приносила в класс два ведра с водой и помещала в них все цветы. По окончании уроков учительница доставала цветы из ведер. Себе она оставляла один понравившийся букет. Остальные раздавала нам. Получалось так, что ты в школу пришёл с одним букетом, а домой возвращаешься с другим, иногда даже более красивым, чем был твой. Галина Яковлевна поясняла: «У вас ведь тоже праздник!»

С этим букетом, любезно подаренным учителем, праздник входил в каждый дом, и радостное настроение сохранялось...

Как-то, в воскресный день, мне пришлось вызывать Скорую помощь. У мамы сильно заболела поясница, и боль стала невыносимой. Телефон был только в совхозной конторе и в Доме ребёнка. Контора в этот день была закрыта, и я отправилась в Дом ребёнка. Мне любезно разрешили пройти внутрь помещения. В холле было чисто и домашнему уютно. Работники Дома ребёнка нередко помогали населению Георгиевского в оказании первой медицинской помощи.

Итак, я впервые вошла в группу. Увидев там обречённых детей с врождёнными дефектами развития, я невольно почувствовала тошноту, внезапно подступившую к горлу.

Словно попала в какой-то другой мир. И когда после первого рабочего дня я увидела на дороге встречавшую меня дочь, то невольно подумала: «Какое это счастье: иметь здорового ребёнка!»

Я почти сразу подружилась с работницами Дома ребёнка. Многих из них помню до сих пор. Это Вера Васильевна Суворова, старшая медицинская сестра, Нина Фёдоровна Солодова – логопед. Это медсёстры: Валентина Владимировна Мухина, Лидия Васильевна Иванищева, Мария Дмитриевна Соколова, Анастасия Николаевна Питерсон, Лидия Яковлевна Кочунова, Нина Алексеевна Басова, Агриппина Андреевна Сверчкова, Екатерина Ивановна Кошелева, Елена Ивановна Рахманова, Валентина Голубева, Валентина Рябкова (Азизова), Надежда Шандина, Лариса Черных, Людмила Саврасова, Людмила Царёва (Рахманова), Лидия Кондратьева, Клавдия Тишинина, Клавдия Тимофеева, Раиса Кутуева, Валентина Воронова (Мещерякова), Зоя Евдокимова, Екатерина Карпова, Валентина Жгун. Кадровик – Надежда Махахурова. Нянечки: Евдокия Анциферова, Настя Кузмина, Лидия Селюжина, Евгения Бойцова, Екатерина Снеткова, Мария Ефимова, Нина Зуева. Повара: Настя Шумейко, Мария Воронова, Анна Киндерова.

Женщины рассказывали мне, что при прежнем главном враче, Саре Ильиничне Вузман, в Доме ребёнка было очень уютно. Стены в группах были расписаны красками в духе русских народных сказок (дети должны видеть красоту). Шторы на окнах, покрывала, накидки на подушки, салфетки на столы, – всё было расшито цветными нитками мулине. Постельное бельё было вышито для каждой группы в свой цвет: красный, синий, жёлтый, зелёный. Это делалось для удобства сортировки белья после стирки. Все эти вышивки выполнили заботливые руки медицинских

сестёр и нянечек. Родителям разрешали приносить одежду и обувь для своих деток (тёплые кофточки, рейтузы, тёплые носки, ботиночки и т.д.). Сара Ильинична никого из персонала не оставляла в покое, постоянно давала дополнительные задания. Благодаря этому около Дома ребёнка зрели яблоки, сливы, смородина, красная и чёрная, было разбито множество цветников, вдоль высокого забора тянулись заросли черёмухи, сирени и жасмина.

С приходом Ольги Александровны Черновой, нового главного врача, в Доме ребёнка произошли коренные изменения. Стены в группах были срочно выкрашены в однотонный цвет. Главный врач отправила в топку кочегарки одежду, обувь, игрушки, принесённые родителями, назвав это всё мещанством. В группах появилось белое постельное бельё с чёрными казёнными штампами, и на детской одежде так же щедро расползлись подобные «украшения». Ольга Александровна быстра была на расправу, её откровенно боялись. За любой дверью она могла стоять и подслушивать то, о чём говорит персонал, делая для себя определённые выводы.

Изо дня в день я училась правильному уходу за больными детьми, терпению и пониманию проблем этих крошек. А было им от роду от одного годика до четырёх. Лечебных процедур – минимум, основное – уход. Я работала в группе номер четыре. В ней находилось от двадцати трёх до двадцати пяти малышей. В группе, разделённой на две подгруппы, старшую и младшую, работали две медсестры и нянечка.

К основной заработной плате медицинской сестры полагалась добавка в размере 25% и ежегодный отпуск – срок два рабочих дня. Нянечки шли на пенсию в пятьдесят лет.

Работали мы все вместе. Не было таких разговоров как: это не моя обязанность, это не моё дело. Если нянечка заболела, то кто-то из медсестёр выходил на работу вместо неё. Многие дети не могли разговаривать, но они понимали, что такое добрые руки, и во время пеленания улыбались и радостно «гулили». В группе был манеж с игрушками. Часть детей выкладывали в этот манеж, чтобы они могли двигаться, общаться друг с другом.

У каждой группы была своя веранда. Летом дети почти весь день находились там в кроватках. Весною и осенью ребятшек укладывали спать на заправленные кровати, в спальных мешках. В помещении группы в это время проводили уборку, проветривание и кварцевание.

В Доме ребёнка была своя кочегарка, и потому все помещения отапливались по мере необходимости, и даже летом, если случались холодные дни. Вода, горячая и холодная, шла из-под крана. Один раз в неделю в группе проводили банный день. Ребят мыли в отдельном помещении, где была ванна.

Питание для детей было очень хорошим, полноценным. Я сравнила стоимость питания детей в яслях-саду Ленинграда (60 копеек в день) и в нашем Доме ребёнка (1 рубль 15 копеек). Почти в два раза дороже.

Почему я так подробно решила рассказать о своей работе в этом закрытом учреждении? Недавно по телевидению показали передачу А. Малахова «Пусть говорят». Остро обсуждалась тема бездушного обращения персонала с детьми, низкой зарплаты работников учреждения. Было много негатива. Человеку непосвящённому, я думаю, очень жутко было всё это видеть, и на меня сразу нахлынули воспоминания...

Были у нас в группе дети с незначительными отклонениями в здоровье, но их родители там не показывались –

видимо вычеркнули их навсегда из своей жизни. И в то же время к детям с тяжелейшими пороками развития регулярно приезжали мамы, бабушки. Приедет такая мама или бабушка, возьмёт на руки своего малютку и гуляет с ним в саду. Плачет бедная, шепчет ему что-то нежное на ушко. Бывало, что родители забирали своих детей домой. Но это было очень редко...

Малыши находились в нашем Доме ребёнка до четырёхлетнего возраста, после этого их распределяли по разным учреждениям. Я сама несколько раз отвозила детей на ведомственной машине в Приозерский детский дом-интернат для умственно-отсталых детей. Внутрь машины умещались три медицинские сестры с детьми на руках.

Титова Кира Николаевна, родилась в Лужском районе Ленинградской области, имеет среднее техническое и высшее экономическое образование, работала техником, позднее – заместителем директора по кадрам на ЛПО «Пролетарский труд», вела на общественных началах комсомольскую и партийную работу.

Имеет знак «Житель блокадного Ленинграда», медали «Ветеран труда», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения» 2002 г. и другие.

Участница Хора ветеранов труда и песни города Тосно.

Так звени, наша песня вольная

Потребность к пению у меня была с детских лет. В школьный хор и в хор техникума я ходила с большим удовольствием, не понимая тогда, что хоровое пение сближает, рождает чувство коллективизма, развивает музыкальный слух, позволяет излить душу, способствует духовному становлению, облагораживает нрав и воспитывает чувства.

Поняла я все это много позднее, когда, будучи на заслуженном отдыхе, переехала жить в город Тосно. Я стала участницей Хора ветеранов труда и песни нашего города. Только на репетициях я познала всю красоту хорового пения, как шлифуется каждая фраза, каждый звук, ткётся ажурное полотно песен.

Видимо, это и подтолкнуло меня собрать информацию и написать кратко о хоровой культуре города, а ранее села, Тосно. Цельной истории хора, который впоследствии был назван Хором ветеранов труда и песни города Тосно, нет ни в архивных документах, ни в книжных изданиях, ни в СМИ. В Тосненской районной библиотеке нашлись отдельные документы и записки Н.А. Синашкиной, которыми я воспользовалась с большой благодарностью к библиотеке. Интересным дополнением к этому стали рассказы старейших участников хора.

О зарождении хорового пения в селе Тосно

Искусство пения в Тосно бытовало ещё с XVIII века, когда в эпоху Петра Первого Тосно населяли ямщики, а само село было почтовой станцией на знаменитом тракте Петербург-Москва. Тосненские ямщики славились своим пением. Сохранилось поверье, что А.С. Пушкин, бывалый путешественник, любил слушать песни тосненского ямщика Ивана Планина. Поэту нравилось, как он исполнял песни «Ты, рябинушка, ты кудрявая», «Приметы», «Песнь о

моряке» и др. Одно из стихотворений Пушкина 1833 года передаёт нам дорожное настроение путника:

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

К хоровому исполнению тосненцы приобщались через церковное пение. Издавна отмечалось мастерство церковного хора Тосненского храма во имя Казанской иконы Божией Матери. «Петербургский листок» в 1880 году писал: «Есть в селе Госно хорошая каменная церковь, а при ней очень недурной хор певчих, организованный из местных крестьян причетником...»

В конце XIX века в селе Госно был открыт Народный дом и создан литературно-музыкальный кружок из числа интеллигентов, который старался влиять на досуг населения, через искусство делать его разумным, просвещать духовно.

Практиковались концерты в Тосненском двухклассном училище. Их устроителями выступали земские учителя, врачи, местный церковный регент и музыкальная семья Афромеевых. Например, в 1914 году в концерте участвовали ученический и народный хоры (руководитель регент

В.И. Гончаров) и оркестр (организатор учитель П.В. Сулягин). С успехом выступал мужской хор во главе с тремя братьями Афромеевыми и хор любителей под управлением М.В. Семенова, земского врача. За 1905-1914 годы, а также в послереволюционный период встречаются сообщения о создании школьного и народного хоровых коллективов в селе Тосно.

В советское время в рамках развития художественной самодеятельности хоровые коллективы создавались в Домах культуры, в музыкальных школах и творческих студиях. В год 65-летия Победы и 80-летия Тосненского района (2010 год) прошёл областной фестиваль академических хоровых коллективов и вокальных ансамблей «С песней по жизни». Организаторы фестиваля Тосненская детская школа искусств и районный отдел культуры привлекли к празднику пения юных любителей-хористов из городов Тосно, Никольское, Любань; поселков Ульяновка, Тельмана, Лисино-Корпус; из Нурмы и Тарасово.

Впервые в 2011 году ярко и празднично была проведена ассамблея хоровых коллективов в День города Тосно на его главной площади. На открытой сцене выступили многократные лауреаты различных конкурсов Хор ветеранов труда и песни МУ «СКК» «Космонавт» (руководитель К. Мякиш), сводный хор ветеранов и учащихся Тосненской детской школы (руководитель К. Мякиш), ансамбль «Морская душа» (руководитель Л. Седельник), самодеятельный коллектив «Душа России» (руководитель Н. Сидоренко), студенческий Академический хор Государственного университета им. А.С. Пушкина.

Звучали классические, военно-патриотические, народные песни и песни, посвящённые Тосненской земле.

***Синашкина Нелли Альфредовна –
организатор Хора ветеранов труда и песни,
почётный гражданин города Тосно***

Великая Отечественная война 1941-1945 годов стала страшной трагедией в первую очередь русского народа. И только великая Победа дала возможность пережить весь ужас войны, пересилить боль потерь близких и родных, дала силы к восстановлению мирной жизни. Именно в послевоенные годы у измученного народа велика была тяга к искусству, к прекрасному, которое отогревает душу и позволяет хоть на время забыть все пережитое.

Конечно и тосненцы, особенно молодёжь, потянулись в Дом культуры, где организовали драматический, хореографический кружки, оркестр и кружок хорового пения. В трудное время, а это был 1947 год, казалось бы, не до песен, но русскому человеку песня нужна всегда: и в горе, и в радости – в ней он находит утешение.

В это время в Тосно появилась яркая, талантливая личность, человек с огромной энергией и необыкновенным энтузиазмом, с отличной профессиональной подготовкой. Это была Нелли Альфредовна Синашкина, которая внесла огромный вклад в духовное и эстетическое развитие молодёжи и людей мудрого возраста, как сейчас стали говорить в городе Тосно.

Родилась Нелли Альфредовна в 1926 году в городе Иваново, в семье служащих. Её мама хорошо играла на фортепиано. Нелли с детства часами слушала прекрасные классические произведения и даже импровизировала дирижировать с вилкой в руках перед зеркалом. Всего три года занималась она в музыкальной школе, так как родители были репрессированы, а тётя, у которой она жила, не смогла платить за дальнейшие уроки. Пришлось самостоятельно заниматься музыкой, подбирая произведения по слуху. Пению Нелли училась в детском хоре радиокомитета, а затем во взрослом хоре во Дворце железнодорожников. По окончании восьмилетней общеобразовательной школы она поступила в фельдшерскую школу, закончив её в 1945 году. Шла война, и хорошая музыка и песни нужны были воевавшим солдатам и раненым. Создавались концертные бригады по обслуживанию госпиталей. И Нелли не только пела в хоре, но, играя на фортепиано, исполняла сольные номера.

Во Дворце культуры появился аккордеон, но никто на нём не умел играть. Нелли нашла педагога и организовала кружок танцев, где ей предложили за небольшую плату аккомпанировать. Так она освоила игру на аккордеоне.

В 1947 году Нелли вышла замуж. Её избранником стал Александр Иванович Синашкин, выпускник военно-политического училища, он был направлен служить на авиационную базу под Пензу. И здесь Нелли продолжала учиться в школе аккордеонистов. В воинской части она организовала солдатский хор, где было около 50 ребят. Хор принимал участие в смотрах, исполнители получали грамоты и хорошие обеды в подарок. В связи с болезнью матери А.И. Синашкина демобилизовали, и в 1949 году вся семья переехала в Тосно. Именно в нашем городе у Нелли Альфредовны полностью раскрылись инициативность и

неудержимый энтузиазм в музыкальной деятельности. Непонятно, как она всюду успевала? Работала в ДК аккомпаниатором в хоре, в хореографии и драмкружке, поступила в музыкальную школу им. Римского-Корсакова, где занималась пять лет без отрыва от основной работы, играла в большом оркестре, в ансамбле, была главным организатором агитбригад. В 1955 году родилась дочь, но декретным отпуском Нелли не воспользовалась. Участники самодеятельности приходили к ней домой, занимались с дочкой, а она бежала на репетиции.

Через год Нелли Альфредовна поступила в музыкальное училище на дирижёрско-хоровое отделение заочного обучения. Ещё занимаясь в училище, она создала и начала вести молодёжный хор в Тосно, в котором было около семидесяти участников. До сих пор бывшие солисты поют, но уже в хоре ветеранов. Это Эля Головина, Мая Бородулина, Галина Михневич, Инна Ильина, Борис Большаков, Зинаида Малютина, Вера Савельева и Антонина Кузнецова, Любовь Рябова. Когда они вспоминают те годы, то глаза их загораются весёлыми огоньками и лица молодеют.

В своих воспоминаниях они часто рассказывают, как ездили с концертами агитбригадой. Возили их по деревням на газике, рассчитанном на четыре-пять человек, а их набиралось туда по десять плюс аккордеон. Зимой давали концерты в леспромхозе, на саях, которые тащил трактор. Очень часто выступали в воинских частях и прямо на колхозных полях, бывало по четыре концерта в день. Сельчанам нравились такие концерты, и они подкармливали артистов, выделив ведро, а то и пару вёдер молока и вкусного хлеба. Все это с шутками, со смехом, всем было очень весело! С уважением вспоминают хоровики Якова Григорьевича – контролёра ДК, у которого была феноменальная память на лица. Если кто-то пропускал занятия в кружках,

то он не пропускал их на танцы. А ведь так хотелось потанцевать!

На вопрос: «Что же так тянуло в самодеятельность, в хор?», отвечали по-разному: кто говорит любовь к музыке, к пению, и таких большинство, кто-то отвечает, что все были молодые, там знакомились, создавались семьи. Некоторые признавались, что ходили в хор ради контрамарок на танцы, которые бесплатно выдавались участникам хора.

Все они пронесли любовь к песне и музыке до седых волос и сейчас получают эстетическое удовольствие, продолжая петь, а им около или за 80 лет.

После окончания музыкального училища Нелли Альфредовна добавила себе нагрузку в Доме пионеров, где стала вести детский хор. На занятия сюда ходили целыми классами, не оставались в стороне и учителя. Работа с детьми приносила удовольствие, с ними проводили праздники, слёты. А летом выступления были в лагерях пионерского актива, разучивали новые песни и танцы. Не оставались без внимания и взрослые: в организациях, в цехах, на производствах поднимали самодеятельность. Проводили праздники песни, смотры цеховой самодеятельности. Она готовила и хор, и хороводы.

Когда в ДК начался ремонт, Нелли Альфредовна перешла в Госненскую музыкальную школу преподавателем по классу аккордеона, здесь же вела оркестр баянов и аккордеонов. Надо помнить, что она продолжала руководить и молодёжным хором и аккомпанировать в других кружках. Какой энергией и любовью надо обладать, чтобы везти такой «воз» работы, сохранить преданность к избранному делу всей жизни!

Выйдя на заслуженный отдых, Нелли Альфредовна продолжала руководить подготовительными группами в музыкальной школе, обучала детей игре на фортепьяно.

Она написала семь прекрасных песен к 35-летию юбилею города Тосно, и сегодня наш хор обычно начинает свои выступления с её песен, а зритель аплодирует, и это значит, что благодарная память о Нелли Альфредовне сохраняется и живёт в сердцах тосненцев.

Многообразная и разносторонняя деятельность Н.А. Синашкиной, её увлечённость профессией и доброжелательность к людям оставили след в художественной культуре нашего района.

Хотелось бы подробнее рассказать о молодёжном хоре г. Тосно, но за скупыми словами – репетиции, концерты, смотры – не увидишь всю постоянную, кропотливую работу над разучиванием различных произведений.

Да, были концерты в Доме народного творчества в Ленинграде, в котором выступал тогда самодеятельный коллектив «Дружба» (солистка Э. Пьеха). Выступали в сводном областном хоре в Малом оперном театре. В 1957 году ансамбль хора, руководимый Н.А. Синашкиной, ездил на конкурс работников профсоюзов в Москву. Но большинство выступлений готовилось для жителей земли Тосненской.

Когда проводился капитальный продолжительный ремонт ДК, то хору заниматься было негде, и он распался. Но осталось огромное желание петь, и повзрослевшие участники стали собираться снова, но уже в доме Синашкиной, их незаменимого руководителя. Это продолжалось около двух лет, а в 1995 году в хоре было около 20 человек, и этот год хоровики считают годом возрождения. С 1998 года стали заниматься в помещении кинотеатра «Космонавт», а хор назвали народным коллективом Хор ветеранов труда и песни.

Первые официальные выступления состоялись перед тосненцами в ДК, в кинотеатре и на центральной площади в праздники, затем прошли многочисленные смотры: в то время не было проблем с выделением транспорта для поездок на концерты.

За заслуги в развитии самодеятельности, в подготовке детей музыкантов-профессионалов, за активную концертную деятельность в 1998 году, на празднике города Тосно было объявлено о присвоении Нелли Альфредовне звания «Почётный гражданин города Тосно». Мы с любовью и гордостью вспоминаем нашего первого руководителя!

Непомерная нагрузка в работе подорвала здоровье Нелли Альфредовны, сердце не выдержало, и 27 марта 2002 года она ушла от нас, но память о ней всегда с нами. Я посвятила ей стихи:

Памяти Нелли Альфредовны- Руководителя хора ветеранов

Как мало в жизни стало доброты,
С её уходом круг ещё сомкнулся.
Но звук от песен, полный теплоты,
Издалека, как эхо, к нам вернулся.

Да, песнь её по-прежнему жива,
Напев её затейливо красивый,
С собой его она не унесла,
Он остаётся с нами, так любимый.

И вот мы снова вместе собрались
Нектаром песни Нелли насладиться,
Дождём весенним звуки пролились,
Чтоб песней завтра в ком-то возродиться.

И песня все раздольней, все слышней,
Над городом любимым разлилась,
От Хора сводного звучит ещё мощней,
Но в нашем сердце болью отдалась.

Сенчурова Нина Исаевна – руководитель хора с 2002 по 2006 год

После того как в 2002 году ушла из жизни Нелли Альфредовна Синашкина, руководителем хора стала Сенчурова Нина Исаевна. Делясь воспоминаниями, Нина Исаевна начала с курьёзных случаев в своей жизни. В г. Тосно она приехала в 1966 году 19-летней девушкой. Поступила на работу в ДК руководителем хора старшекласников. Его состав: 10 девочек и 20 мальчиков, причём многие мальчики были на учёте в милиции. А Нина (так её называли ученики) приехала с классическим репертуаром, то есть они разучивали: «Липа вековая», «Воет ветер в чистом поле» и другие.

Мальчишки сказали, что будут петь эти песни, если Нина разрешит создание ансамбля гитаристов. Нина пошла на риск и разрешила. Подготовились к концерту с классикой, перед концертом кто-то расстроил гитары, парни возмутились, а выйдя на сцену, спели плохо, «опозорились». Директор ДК отругал педагога при детях. Ребята заступились за Нину, «и поучили вежливости» директора: ему пришлось извиниться. Этот хор расформировали. Создали новый, где все женщины были медиками, а мужчины – следователями. Начинается концерт, женщины на сцене, мужчин нет. Оказывается – они все на особом задании. Ещё на третьем курсе Института культуры Нина Исаевна для сдачи экзамена подготовила хор солдат. Хор вышел на сцену, и вдруг из-за кулис команда ефрейтора: «СМИР-НО!», хор солдатиков вытянулся в струнку, а зал «грохнул» от смеха.

В 1968 году в Тосно открылась музыкальная школа. Педагогов не хватало, и Нине Исаевне пришлось формировать кадровый состав школы. Работает она там по настоящее время: была педагогом, завучем и директором с 1977 по 1990 годы.

На поминках Нелли Альфредовны замглавы администрации предложил ей взять занятие с хором на себя. Нина Исаевна пояснила: «Сказать «да» не хотела, сказать «нет» – не могла, так как это поминки. Промолчала».

Поначалу хор ветеранов всем казался бесперспективным, поэтому все отказывались от руководства им, но Нина Исаевна после размышлений решила, что коллектив имеет будущее и согласилась вести его. Она была знакома с хором ранее, знала, что половина участников поёт народными голосами, часть никакими и только костяк пел академическим. К тому же в хоре «хромала» дисциплина, некоторые пропускали репетиции. Нужен был другой репертуар, шёл перестроечный период. Имея сильный волевой характер, она поняла, что сможет вести занятия по серьёзным вокальным упражнениям, по постановке голоса. Участники рвались выступать, но, на её взгляд, коллектив не был ещё готов правильно исполнять разную музыку, классическую и народную. Продолжили дорабатывать произведения из репертуара Н.А. Синашкиной: «Славься», «Венецианская ночь» композитора Глинки. Неохотно, с опаской начали разучивать сложное произведение Бетховена «Восхваление природы человеком». И вот хор выступает на Международном музыкально-художественном фестивале в Петербурге, мастерству хора жюри аплодировало стоя. «Фурор» произвело участие хора в составе команды КВН г. Тосно. Зал буквально «лежал» от хохота, когда выступали пожилые люди со своей импровизацией. Команда КВН г. Тосно вышла на первое место в области и получила возможность совместно с хором выступить на 15-м Международном фестивале команд КВН-2004 в г. Сочи.

Коллектив подготовил несколько литературно-музыкальных композиций (из разных лет) ко Дню Победы. С этим репертуаром мы выступали в своём городе, в воин-

ских частях г. Луга, участвовали в смотрах в Киришах, Луге, Петербурге, принимали участие в фестивале «Звуки и краски мира» в ДК Дзержинского в Санкт-Петербурге.

Много внимания уделяла Нина Исаевна самым участникам хора, культурно-просветительной работе среди них. Она считает, что хор должен слушать и слышать хорошую музыку, поэтому организовывались посещения концертов в Капелле, в Большом и Малом залах Филармонии, встречи с Еленой Образцовой и прослушивание победителей Международного конкурса Чайковского.

Искренне хочется отметить и поблагодарить за организацию наших поездок на концерты и фестивали Ирину Чернову, тосненку, методиста Комитета по культуре Ленинградской области.

В годы руководства хором Нины Исаевны мы посетили Константиновский дворец, Эрмитаж, Шереметьевский дворец и ездили даже в Финляндию, где хору была предоставлена возможность выступить.

В 2005 году возрождённому хору исполнилось десять лет. Руководство Тосненского района совместно с директором кинотеатра «Космонавт» организовали чествование коллектива. Был дан интересный концерт силами района и самими юбилярами и выделены деньги на приобретение новых костюмов.

Нина Исаевна – интересный человек, профессионал своего дела, хороший организатор. Она подготовила и продолжает готовить большое количество вокалистов, помогает духовному развитию тосненцев. За заслуги в воспитании подрастающего поколения и активную концертную работу Нина Исаевна награждена в 2003 году знаком «За достижения в культуре», а в 2006 году ей присвоено звание «Женщина года Ленинградской области». В сентябре 2011 года исполнилось 45 лет трудового профессионального

стажа её работы в Детской школе искусств, с чем мы от всей души поздравляем Нину Исаевну! Об этом и моё стихотворение:

Сенчуровой Нине Исаевне

Несмотря на все баталии,
Вы вернулись из Испании.

Мы очень рады встрече с Вами,
Что сможем доказать делами.

Вас также поздравляем с днём рождения,
Успехов в творчестве, семейного везенья!

Вы так милы и симпатичны,
Да и к тому же энергичны.

Все бегом и все вприпрыжку,

Сумки захватив под мышку,

Вы летите в Ленинград,

Но ведь ждёт Вас «Космонавт».

В школу надо успевать, разгильдяев поругать.

Теперь на стройке главный человек,

Всех дел не переделать Вам вовек.

И между прочими делами

Семейство не забыто Вами.

Желаем Вам :повсюду успевайте,

На своё здоровье всё же не чихайте!

Надо отметить, что вся семья Сенчуровых – музыкальная семья. Муж Нины Исаевны – Сенчуров Михаил Ильич – Заслуженный деятель искусств РФ, Заслуженный артист РФ, профессор Санкт-Петербургской консерватории, заведующий кафедрой струнных народных инструментов. Михаил Ильич иногда своим выступлением радует и нас, тосненцев.

Занимаясь искусством, Нина Исаевна сумела проявить себя в сложном, юридически запутанном строительном де-

ле. Многим известно, что строительная компания «Социальная инициатива», собрав деньги на строительство трёх многоквартирных домов в Тосно, в самом начальном периоде строительства скрылась. Дольщики не получили ни квартир, ни денег. В статусе «обманутого вкладчика» Нине Исаевне пришлось оставить хор, чтобы изыскать деньги на продолжение строительства, подобрать строителей, закупить необходимые стройматериалы. Нина Исаевна возглавила строительство жилого дома, с чем успешно справилась.

***Работа хора под руководством
Карины Олеговны Мякиш
с 2006 и по настоящее время***

Эстафетную палочку руководства певческим коллективом в 2006 году подхватила дочь Нины Исаевны, выпускница Тосненской музыкальной школы Карина Олеговна Мякиш, которая по окончании музыкального училища им. Римского-Корсакова работала хормейстером детских хоров г. Никольское и деревни Нурма.

К нам пришёл новый молодой руководитель, мы понимали, что ей первое время будет нелегко, так как участницы хора по возрасту годились ей в матери. Она стеснялась делать нам замечания по поводу пения и дисциплины. Но довольно быстро Карина с присущей ей энергией вошла в коллектив и привыкла к почтенным участникам. Активно началось разучивание новых произведений. За период с 2006 по 2011 годы мы разучили и отшлифовали 17 песен. Это, конечно, достаточно много, так как одновременно мы повторяли и что-то переделывали в старом репертуаре. А в творческом багаже хора, имеющего академическую направленность, около 80-ти произведений, значительное место в репертуаре занимают военно-патриотические песни, есть классика и народные песни.

Под руководством Карины мы ежегодно, а иногда и чаще, участвуем в смотрах-конкурсах, где завоёвывали призовые места. Четыре года подряд нам вручали Дипломы 3-ей степени: в Волосово в 2007 году на областном фестивале ветеранских коллективов «С песней по жизни»; в г. Луга в 2008 году на фестивале «С песней по жизни»; в 2009 году в Петербурге на Международном фестивале «Окрась мир звуками»; в 2010 году в городе Тихвине в конкурсе «Кто скажет правду о войне».

Успешным для хора стал 2011 год, так как мы завоевали первое место в Областном фестивале-конкурсе «Музыка военных лет», и второе место занял сводный хор старшей группы учащихся детской музыкальной школы г. Тосно и наш хор.

Несколько слов о создании сводного хора. Впервые объединить вместе два коллектива (ветеранский и детский) попробовала руководитель Н.И. Сенчурова, всем понравилось, а затем уже Карина стала постоянно соединять хоры,

и мы получаем призовые места, так как детские голоса облагораживают звучание песни.

Надо отметить, что в городе Тосно хормейстер К.О. Мякиш является пионером в создании сводного хора ветеранов и детей. Но, главное, во время совместных поездок школьники внимательно, предупредительно, с уважением общаются с нами. Они заинтересованно расспрашивают о войне, об орденах, медалях, которые украшают ветеранов. Их неподдельный интерес к нам, старшему поколению, говорит о преемственности и связи времён, которая жива в городе и районе.

Отсюда и успех в районном смотре-конкурсе военно-патриотической песни. За исполнение «Песни о далёкой Родине» М. Таривердиева и «Будь со мной» Е. Крылатова и Ю. Энтина сводный хор занял первое место.

Да, 2011 год у хора «урожайный». В сентябре месяце выступление на Международном конкурсе славянской культуры «Таланты России» в Петербурге. И снова победа! Заняли первое место. Жюри во главе с Рубиной Калантарян, Народной артисткой СССР, отметило, что «мы работаем живым звуком».

Кроме смотров-конкурсов в последние годы мы выступали в пос. Кузьмолово Всеволожского района, в своём районе: в Ушаках, Форносово, Нурме и на всех праздниках г. Тосно.

Творческое сотрудничество установилось у нас с мужским хором Дома офицеров Петербурга. Они выступали в Тосно в День пожилого человека, и мы ездили к ним с ответным концертом. А когда мы вместе исполнили песню «Я люблю тебя, жизнь», все почувствовали, что эта песня напомнила нашу молодость. Это было трогательно, ярко и впечатляюще.

Трудно перечислить все наши концерты. Молодой профессиональный руководитель Карина Олеговна не даёт нам расслабиться, ведёт хор вперёд.

В 2010 году наш коллектив отметил своё 15-летие. Львиная доля по подготовке и организации проведения юбилейного торжества выпала мне.

На проходившей ярмарке я случайно встретила главу Тосненского городского поселения Гончарова Валерия Захаровича и попросила приёма для разрешения проблем тосненского хора. Валерий Захарович не отказал. Я подобрала активистов (Евгению Петровну, Ирину Павловну, Елену Павловну, Агнессу Николаевну), и на беседе у Гончарова В.З., в присутствии Зиновой Татьяны Михайловны, мы обговорили вопросы выделения денег на пошив новых театральных костюмов, о дате и месте проведения юбилея, о приглашении гостей, о списке хористов с краткими характеристиками и фотографиями, о подготовке сценария и пригласительных билетов.

Выяснилось, что главных руководителей, и Карины Олеговны и Нины Исаевны, нет в Тосно. Они в отпуске и за пределами Тосно. Пришлось предварительную подготовку взвалить на себя и на инициативную группу. Мы очень благодарны заместителю главы администрации Тосненского городского поселения Зиновой Татьяне Михайловне за её безотказную, своевременную помощь.

К юбилею готовились долго и тщательно: много репетировали свои номера, продумывали фасоны новых костюмов, писали сценарий и стихи, готовили поделки для выставки «Наше хобби», а также фотовыставку «История хора в фотографиях».

На этом празднике прозвучало много тёплых слов в наш адрес. Приветствовали нас глава района С. Баранов, глава администрации Тосненского городского поселения

В. Гончаров, депутат Законодательного собрания Ленобласти Ю. Соколов, который передал поздравление творческому коллективу от председателя ЗакСа И. Хабарова.

Гордостью не только Тосненского района, но и всей Ленинградской земли назвал наш хор известный, замечательный поэт Николай Рачков и посвятил нам стихи:

**Тосненскому народному хору
в день Юбилея!**

Жива народная основа!

Вы все с открытою душой

О той войне поёте снова,

О дружбе, о любви большой.

 Давно уж бабушки, конечно,

 Лекарства при себе – увы.

 Но задушевно и сердечно

 Поёте вы, поёте вы!

Пусть юным вновь цветут сирени

И улыбается заря.

Но вот стоите вы на сцене,

И, значит, жизнь идёт не зря.

 И как на вас не надивиться,

 Молва о вас – во все концы.

 Вы все такие молодницы

 И все такие молодцы!

От указаний всех свободный,

И молодёжи не в укор,

Вы самый Тосненский,

Народный,

Любимый ветеранский Хор!

 Что возраст? Он у всех условно.

 Пока поёте, форс держа,

 Да бьётся ваше сердце ровно,

 Да не состарится душа!

В этот юбилейный праздник коллективу подарили современный музыкальный центр, а каждой участнице хора вручили павловопосадские платки. Надолго останется у нас в памяти такой тёплый праздник-подарок, который устроили нам администрации района и города.

Наши успехи не были бы такими значительными, если бы не наши талантливые хормейстеры и профессиональные концертмейстеры. Многие годы с нашим хором успешно работали Александров Алексей, Григоренко Лейла. Несколько меньше, но весьма плодотворно, Потанин Сергей, выпускник Госненской музыкальной школы. По окончании консерватории он женился и, к сожалению, покинул наш город. Сейчас у нас новые концертмейстеры Одарчук Ирина и Григорьев Сергей.

Мы очень признательны и выражаем искренне сердечную благодарность нашим наставникам за их труд, который позволяет получать нам положительные эмоции и тем самым улучшать своё здоровье.

Об участниках хора

Кто же мы такие, которым в зрелые годы не сидится на скамеечках у дома, которые успевают уделять внимание внукам и правнукам, возделывать огороды, заниматься общеукрепляющим спортом (шопинг, бассейн, кроссы, физическая зарядка), рисовать, писать стихи, сценарии, заниматься общественной работой? Можно смело сказать, что мы люди с активной жизненной позицией, неостывшим сердцем и доброй душой. Этому во многом способствует пение. Возраст наш от 55-ти до 80-ти и старше, при этом у нас меньше инвалидности и всяких болячек. В холод, зной, дождик мы идём на репетиции или концерты с большой радостью. У каждого «за спиной» большой жизненный опыт: многолетняя работа на заводах, фабриках, школах,

больницах, магазинах. Многие имеют опыт руководящей работы и награждены правительственными наградами. Орденом Трудового Красного Знамени награждена Полынская Алла Маркеловна. Голод и холод блокадного Ленинграда знают не по наслышке Людмила Боткова, Кира Титова и Валентина Сафонова.

Шестеро участниц хора испытали унижительное положение людей «низшей расы», ещё детьми были насильно отобраны немцами от родителей и угнаны в Германию: это Бородулина М.И., Рябова Л.В., Михневич Г.А., Ильина И.Т., Николаева В.И., Савельева В.И.

Часто радуют зрителя наши солисты, которые являются украшением любого концерта. Аплодисментами встречают «Семеновну» – исполнитель Кузнецова Антонина, «Старое танго» – Михневич Галина, «Во поле берёзка стояла» – Сафонова Валентина, «Случайный вальс» и танец «Яблочко» – Ищенко Анатолий, «Судьба» – Бородулина Мая и Малютина Зинаида, «День-день-день» – Головина Эля, «Мать и сын» – Сабодаж Валентина, «Русские матери» – Бородулина М., Добролежева, Круглова и Сабодаж В. Хорошо принимает публика чтение собственных стихов Инной Ильиной и Кирой Титовой, стихов и юморесок – Большаковым Б., Ботковой Л. – старейшей участницей хора.

А как мы умеем веселиться на проходящих ежегодно «капустниках»! Это, можно сказать, наше «фирменное блюдо»! Прекрасно умеют поднять настроение на этих праздниках настоящие артисты Рябова Люба, Солодова Валентина, Полынская Алла, Титова Кира, Кузнецова Антонина, Соколова Ирина, Дударева Елена, Семенин Вадим, Савельева Вера.

Многие годы старостами хора были: Михневич Г., Польшинская А., Бородулина М., Титова К., Дударева Е., Рябова Л. Сычева С.

Вот такая сложилась у нашего хора биография за прошедшие годы.

Не всё так радужно и светло и в нашем хоре, и в хоровом пении страны. Как-то стала исчезать песня и в семьях, и коллективных поездках, в застольях. Меньше создаётся хоровых хороших песен, мало СМИ транслируют концерты хоров, а современные песни не поются хором. На дискотеках, заменивших танцы, звучит грохочущая музыка и рекой пьётся и пьётся алкоголь. И даже танцевать стали не парами, а дрыгаться поодиночке. Это ростки какого-то нового веяния с Запада. Но нам видеть и слышать это больно.

К сожалению, организация смотров-конкурсов стала платной, не меньше 100 рублей с одного участника хора. За сольные выступления плата выражается в тысячах рублей. Тут уж точно не запоёшь. А сколько стоит оплата автобусов? Вот и ищем постоянно спонсоров. Спасибо, что находятся такие люди, которые не остаются равнодушными к нашим нуждам.

В своих воспоминаниях я пыталась рассказать об истоках хорового пения в Госненском районе, о людях, кото-

рые несут в массы светлое, прекрасное искусство хорового пения, сохраняя эту традицию в Тосно, об участниках Хора ветеранов труда и песни, которые, несмотря на свой «зрелый возраст», благодаря песне остаются в строю жизни, и поют для зрителя, слушателя, чтобы он мог забыть прожитые невзгоды и болезни. Да, и в настоящее время, песня помогает пожилому человеку выживать. В своих выступлениях наш хор старается с неподдельной искренностью и душевным теплом передать признание в любви тосненцам и нашей малой родине – городу Тосно. А лично я просто счастлива, что имею возможность петь. Это придаёт мне силы и хорошее настроение жить дальше, когда старость уже на пороге моего дома. Завершаю рассказ своим стихотворением:

Так звени, наша песня вольная...

Как жила я без песни вольной,
Без напевов её родных,
Словно шла по тропинке узкой
С пеленой на глазах больных.
С песней мне и светлее и краше.
Песня русская согревает меня.
Песня есть достояние наше,
Будем петь, наследство храня.
В старину песня чаще звучала,
На гулянье ль, работе любой.
И косить и пахать помогала,
Согревая своею душой.
Жаль, но время сейчас иное,
Губит песню тупая попса,
Молодое племя – лихое –
Слушает чуждые голоса.
А для нас нет напева дороже:
Нивы в колосе, шелест берёз,

Как летят журавли крикливо,
Не поётся, друзья, без слез.

Потому-то и в зной, и в стужу
Мы, ведомые песни красой,
Согревая и сердце и душу,
К «Космонавту» идём гурьбой.

А когда наша песня польётся,
Звуком жизни наполнит зал,
В вашем сердце она отзовется,
Вызывая эмоций шквал.

Так звени, наша песня вольная,
На просторах великой страны.
В тебе сила простая, народная,
Боль и радость русской души.

Трофимова Ксения Алексеевна, родилась в 1915 году в Петрограде, окончила педтехникум и пединститут в Ленинграде.

В 1932 году в Тосненском районе началась её учительская биография и продолжалась с 1944 по 1972 гг., до ухода на пенсию.

В годы Великой Отечественной войны потеряла мужа и двух детей, с 1941 по 1942 гг. находилась в оккупации в деревне Малое Ёглино, с мая 1942 по 1944 гг. пережила скитания, кровавый выход с боями из окружения под Мясным Бором вместе со Второй ударной армией.

Работала в газетах «Партизанская месть», «Ленинградский партизан», «За советскую Родину», «Сталинец». Её воспоминания «Война народная» включены в 41-й том Книги памяти Ленинградской области.

Постоянный корреспондент районной газеты «Ленинское знамя» («Тосненский вестник»).

Пишет стихи, которые издавались неоднократно в сборниках и отдельно, и получили благоприятную оценку поэта Н.Б. Рачкова, члена Союза писателей РФ. Много лет дружит с библиотеками, дарит свои книги, воспоминания и рукописные заметки.

«Живут в душе воспоминания...»

Воспоминаний пряжа выткана

В печальном сумраке ночей.

Там: Тосно, Ушаки и Гришкино,

Коровий – памятный – Ручей.

Там светлой юности расцвет –

Семнадцать – девятнадцать лет...

Семнадцатилетней девчонкой приехала я в 1932 году в Тосненский район. Ленинградский областной отдел народного образования направил меня сюда после окончания Педагогического техникума имени К.Д. Ушинского и курсов по подготовке преподавателей школ колхозной молодёжи (ШКМ). Так оказалось я в Коровье-Ручьёвской школе.

В моей душе живут незабываемые подробности о работе в Коровьем Ручье, деревне, которой уже нет на карте района, о соседних деревнях – Червинская Лука, Червино, Бронница, Дубовое, Апраксин Бор, Ручьи, куда мне пришлось ходить, навещая семьи учеников, заниматься общественной деятельностью.

Сколько в них проживало народу!

Там – места моей юности и начало долгого и трудного учительского пути...

Август 1932 года. Я – в Тосно. Двухэтажный деревянный вокзал, ровесник железной дороги. Деревянные дома, по Московскому шоссе и Вокзальной улице – двухэтаж-

ные. Новый, тоже деревянный, дом райисполкома. Меня любезно принял заведующий Роно Алексей Алексеевич Орлов. Познакомил с инспектором Марией Михайловной Забойкиной.

После душевной беседы получаю направление учителем русского языка и литературы в Коровье-Ручьевскую ШКМ.

Отправляюсь на станцию Любань. Красивый вокзал. Столовая-ресторан. Буфет. Фикусы, олеандры, пальмы.

Перекинув через плечо свой багаж – фанерный чемодан и узел с постельными принадлежностями – иду по маршруту: Малое и Большое Переходные, Коркино, Сустье-Поляна, Сустье-Конец. Прошагав шестнадцать километров от Любани, добираюсь до Коровьего Ручья и попадаю сразу на педсовет. Молодой заведующий школой Александр Иванович Никитин предлагает поселиться или в доме у колхозников, или в учительской. После семи лет скитаний по общежитиям мне и учительская кажется раем...

Деревенские добротные домики, дворов двадцать, стояли по обе стороны дороги. А дальше – мостик через Коровий Ручей. Школа располагалась в двухэтажном деревянном здании на берегу реки Тигоды. Рядом два флигеля с квартирами учителей и столярно-слесарные мастерские. В главном здании классы, учительская, общежитие мальчиков, кухня, комната сторожихи. Девочки жили в бывшем доме священника. Пришкольный участок спускался к Тигоде. Речка ещё неширокая, с чудесными плёсами. Мальчики пели: «Через Тигоду – реку целовал, не знал, каку...». За школой начинался лес с дорогой на Дубовое, Бронницу, Апраксин Бор. По соседству, на берегу Коровьего Ручья, на возвышенности красовалась старинная действующая церковь святого Николая Чудотворца («у Нико-

лы» – называли в деревне), кладбище с узорной оградой, сторожка, дом священника. Очень сожалею, что ни разу в церкви не побывала. Во время войны погибли и церковь, и деревня. Заросли травой и чертополохом фундаменты. Только к родным могилам ездят иногда мои бывшие ученики.

Коровий Ручей

Был август. Год тридцать второй.

Минуло семьдесят семь лет.

Но с давних тех времён порой

Ещё приходит мне привет.

Ещё живут ученики

Тех лет, что так далёки,

И помнят школу у реки

И давних дней уроки.

И до сих пор меня зовёт

Бессонными ночами

Дорога дальняя в поход

В ту школу, от Любани...

Я Переходно прохожу

И Коркино, и Сустье,

И в речку Тигоду гляжусь

И вспоминаю с грустью

Войной спалённые края

И облик старой школы,

И плеск Коровьего Ручья,

И церковь «У Николы».

Мне не забыть двух зим и лет,

Учеников, учителей,

И светлой юности друзей –

И школы той, которой нет...

А тогда в Коровьем Ручье и в соседних деревнях – Замостье, Дубовое, Бронница – были колхозы, в Коровьем Ручье, кажется, "Равенство" (председатель Николай Артемьев) и жили большие семьи Даниловых, Артемьевых, Копыловых, Семёновых... Трудились усердно под руководством председателя Николая Артемьева. Братья его Сергей, Владимир, Александр тоже не отставали на радость вдовы – матери, любимицы соседней тётки Дуни. Семёновы – Иван, Павел, Василий – тоже работали в колхозе. Иван – председателем колхоза в Червине, Павел – бригадиром в колхозе, Василий – пионервожатым в школе. Среди школьников – Копыловы: Александр, Евгения и другие. Даниловы – Мария и Сергей, девятнадцатилетний ученик, был первым гармонистом в Коровьем Ручье и в Залесье.

Учителя и ученики помогали колхозникам в сборе золы для удобрения, в лесозаготовках и ликвидации неграмотности, в подготовке обзоров газет, школьных вечеров, спектаклей. Вместе организовывали и праздники урожая.

При школе имелись участок, пчельник, два поросёнка, лошадка по кличке Мальчик. Все это давало прибавку к питанию живущих в общежитии учеников. Это были дети из Апраксина Бора, Ручьев, Червина, Червинской Луки, Глубочки, Пятницы, Новой Деревни, Доброго Села. На выходные их отпускали домой. В общий котёл родители подвозили картофель, овощи, хлеб на неделю дети приносили с собой.

Учителя получали паек в магазине в Червинской Луке. Это в восьми километрах. На месяц полагалось: 8 кг муки, 1 кг сахара, 2 кг крупы, какая-нибудь солёная рыба, иногда банка мясных консервов. В колхозе покупали молоко (по 24 копейки за литр).

Но, несмотря на все трудности, с увлечением учили и учились. С тёплым чувством вспоминаю учителей – Алек-

сандра Ивановича и Надежду Николаевну Никитиных, Марию Ивановну и Ивана Ивановича Аулиных, Валентину Николаевну Королькову и Георгия Васильевича Осипова, Веру Александровну Иванову (впоследствии директор школы). Мне, новенькой, помимо основных предметов «подбросили» физику и физкультуру. Всего в семи классах школы было 170-180 человек. По возрасту они очень отличались. Наряду с четырнадцати-пятнадцатилетними в шестых-седьмых классах сидели и мои 17-летние ровесники, были и девятнадцатилетние, а Ване Егорову было уже 22. Но опасения моих однокурсников, что ученики меня, малышку, «заклюют», не сбылись. Мне эти мои первые дети помогли стать учителем. Не было в школе даже радио, бедна была библиотека. Газеты выписывали, читали, обсуждали и с детьми, и с колхозниками.

В 1932 году вышло Постановление ЦК ВКП(б) о школе. Этот документ упорядочил построение урока, основные принципы преподавания, ввёл экзамены. Работать стало легче и интереснее. Весной приехал на экзамены сам заведующий Роно А. А. Орлов и одобрил работу школы.

Долгими вечерами вокруг керосиновой лампы готовили ребята уроки, а я проверяла тетрадки. Иногда старшие помогали мне проверять тетрадки пятиклассников. Часто в школе мы устраивали вечера для населения: концерты, спектакли, «живую газету». Однажды даже поставили «Грозу» А. Островского. В школе было пианино, и Иван Иванович Аулин аккомпанировал хору и отдельным выступлениям. Праздником был приезд в школу кинопередвижки. Старшие ученики вели «ликбез» среди населения. Много было курьёзов, но всё же ребята научили колхозниц расписаться и посчитать домашние копейки.

Осенью колхозники накрывали столы и приглашали нас на праздник урожая. Угощались, пели песни, танцевали. На

гармони играл 19-летний ученик Сережа Данилов. Во многих семьях учеников побывала я в те годы: и в Коровьем Ручье, и в Апраксином Бору, и в Ручьях, и в Дубовом. Могли забыть фамилии Копыловых, Артемьевых, Зайцевых, Шведовых, Кондратьевых, Самсоновых, Луковцевых, Даниловых, Семеновых? Их дети поступали в техникумы, училища, стали лётчиками, учителями, медработниками, руководителями на селе или производстве. Почти всех моих мальчиков унесла война, а некоторых – время и болезни.

В 1969 году И. Кутуев проводил в Доме культуры в Ушаках вечер «Портрет учителя». Почему-то выбрал меня. И явились мои коровье-ручьевские... Иван Зайцев, Евгения Копылова, Мария Иванова, Галина Вишнякова, Антонина Николаева... По окончании вечера пошли ко мне домой. Долго беседовали. Не хотелось расходиться. Приезжали иногда Артемьевы – Вера и Александр, навестил Алексей Самсонов... В мае 1979 года на Московском проспекте в Ленинграде подошёл мужчина: «Вы Деянова Ксения Алексеевна?» «Да, – говорю, – была когда-то Деянова». «Я у вас учился в 1932-34 годах в Коровьем Ручье. Артюхов Анатолий... А близнец мой, Николай, погиб... он лётчиком был. Помните?» Погиб уже после войны и Александр Копылов, военком тосненский... А ведь радовался при встрече: «Всю войну прошёл и ранен не был...»

Разные судьбы. Уходят мои ученики. Живёт ещё в Любани Е.Н. Копылова-Васильева, в Жарах – М.И. Садовина-Грибкова. Может, ещё кто-то жив? И ещё, есть Книга Памяти. Когда мне её подарили в военкомате в 1995 году, я просидела и проплакала над ней две ночи. Выписала более сорока знакомых имён учеников, их родителей. Нашла я там и мужа своего, и четверых его родственников...

Два года – с 1932 по 1934 – проработала я в Коровьем Ручье. А осенью 1934 года по направлению Роно поступила

на заочное отделение Педагогического института им. Покровского и перевелась на работу в Гришкинскую неполную среднюю школу.

Ночные мысли

Хотя в душе от мыслей тесно,
Не все бумаге доверяю:
Кому-то вряд ли интересна
Моя любовь к родному краю...
Любовь к полям, лесам, болотам,
Любовь к друзьям, ученикам,
К больным и брошенным животным
Не интересна для кого-то,
Но в старом сердце глубока...
Кому-то трудно догадаться,
Что хоть минуло девяносто,
Но что назначено в семнадцать,
Убрать из памяти непросто.
А что назначено в семнадцать?
Друзьям нетрудно догадаться –
Судьбою был назначен он,
Любимый Госненский район.
Назначен труд, ученье, счастье,
Любовь, рождение детей,
Друзей и близких соучастье –
Простая радость, без затей...
Хоть не являюсь я поэтом
В высоком смысле этих слов,
Но рассказать в стихах об этом
Зовёт к минувшему любовь.

Чистяков Геннадий Алексеевич, инженер по наладке теплотехнического оборудования, с 1990 года в течение 16 лет вёл фермерское хозяйство в селе Ушаки.

Поэт литературного объединения «Тосненская сторонка», член Союза писателей РФ, автор двух книг и многих

статей в периодике.

Лауреат литературной премии «Ладога» (2009 г.)

«Тосненская сторонка» в 1980-х

Литературное объединение «Тосненская сторонка» существовало в разные годы и прежде, но той части истории его я не знаю и не берусь описывать.

Наше ЛИТО стартовало под руководством Валерия Петровича Сурова, в то время начинающего ленинградского прозаика, ещё, кажется, не члена Союза писателей. Вскоре он стал и членом Союза, и заметной фигурой в Ленинградской писательской организации, работал редактором прозы в «Неве», много печатался, в том числе в переводах и за рубежом, выпустил несколько книжек. Кто его пригласил к нам в район, откуда изошла инициатива возобновления ЛИТО, я не знаю, но осмелюсь догадываться, что всё это двинули редактор нашей районки В.Н. Машенков и завотделом писем Н.В. Куртова, которым, вероятно, стали крепко досаждают атаки, большей частью графоманские, со стороны самодеятельных поэтов и писателей, честолюбиво полагавших, что уж своя-то районная газета просто обязана публиковать их творения.

Среди этих притязателей на литературные лавры был, разумеется, и ваш слуга покорный. И конечно, ЛИТО, отвлекая огонь прямой наводкой от редакции, для всех пишущих и сочиняющих района стало отдушиной и надеждой на возможно счастливую литературную судьбу. Да простится нам этот не самый тяжкий грех – авторское тщеславие!

Проблемами нашего брата – графомана в редакции занимался отдел писем, которым тогда заведовала молоденькая, голубоглазая, с румянцем во все щеки и изумительной «пшеничной» косой вдоль спины девушка Нина. Я «не дрожащей рукой» вывалил перед ней на стол свои опусы, ожидая восторженной реакции с охами и ахами. К моему тщательно скрываемому огорчению этого не произошло. Голубоглазая прочла мои «нетленки», чуть задумалась и принялась деликатно «макать» меня, как говорится, «мордой об стол»: тут рифма примитивна, тут неладья с элементарной грамматикой, тут образы затёртые, архаичные и т.д. и т.п. Я сидел напротив и от стыда светился всеми цветами побежалости.

– Впрочем, – подсластила пилюлю красавица, – искра-то Божия в Вас тлеет, но без творческого общения, без кипения в литературной среде очень трудно, лишь на самооценке, создать нечто стоящее читательского внимания. Вы ведь хотите быть напечатанным?

Да, я этого жаждал!

– Поэтому, – продолжала русокося, – я Вам советую примкнуть к литобъединению, которое вновь организуется при нашей газете.

Собирались мы на свои занятия в редакции районки вечерами, сначала, кажется, по средам, а потом стабильно по пятницам. Это были очень ожидаемые, радостные встречи. Впоследствии об этом я даже статью написал под названием «Праздники по пятницам», которая была опубликована в еженедельнике «Ленинградский рабочий». Конечно, многое из всего, что связано с ЛИТО, выпало из памяти, не смонтировать теперь и хронологическую цепочку, даже всех участников не вспомню, потому что некоторые приходили на одно-два занятия и потом исчезали, может быть обиженные критическими разборками их произведений.

Но вот первое, как мы говорили «сборище», помню с фотографической отчётливостью.

В просторном кабинете главного редактора скопилось нас, районных гениев, человек 18-20. Ещё не знакомые друг с другом, мы чинно расселись по периметру кабинета, с волнением перебирая разложенные на коленях свои рукописи. Не хватало стульев, приносили их из других комнат редакции. В.Н. Машенков представил нам Сурова, безукоризненно одетого 34-хлетнего черноусого красавца. Он

коротко рассказал о себе и стал знакомиться с каждым из нас. Заодно и мы что-то узнавали друг о друге. Из тех, кто потом составил костяк ЛИТО, были ветеран войны П.Ф. Бабукова из Ульяновки, бывший военный лётчик, тоже ветеран, ныне, увы, покойный, В.А. Кабанов из Тосно, один из старейших учителей района, ещё, слава Богу, здравствующий М.Ф. Иванов, воспитатель детского сада из совхоза «Ушаки» Вера Седых, милиционер Валера Гаврилов, преподаватель ПТУ Наташа Алексеева, Николай Волгачёв из Нурмы, Володя Овсянников из Ульяновки. Каждому не терпится прочитать свои творения в расчёте на всеобщее признание, если не восторг. Читаем, ревниво обсуждаем, каждый наверняка про себя думает: «А у меня лучше» – и рассчитывает, конечно, в первую очередь на похвалу руководителя. Ведь нам, в «миру» шофёрам и электрикам, воспитателям и слесарям, приобщение к литературе казалось чем-то очень высоким, поскольку для простых людей писатель всегда помещается где-то рядом с Богом. Отчасти оно так и есть на самом деле. И конечно, мы читали не столько друг другу, сколько Сурову. Но Валерий Петрович в оценках сдержан, формулировки его обтекаемы, нейтральны. Да и понятно: первое занятие, никого не хочется обидеть, отпугнуть от ЛИТО. Теперь-то я понимаю, какой надо обладать выдержкой, тактом и дипломатичностью, чтобы не завестись, не расхохотаться над той галиматьёй, которую нередко приходилось ему от нас выслушивать. Помню строчку из своего стиха о собаке: «...И плевать ей на то...». Интересно выглядит плюющая собака. А такого на первых, да и последующих чтениях было хоть отбавляй. Конечно, впоследствии Валерий Петрович был менее к нам снисходителен, судил строже, и разборки наших произведений носили, как говорится, деловой характер. Да и мы постепенно учились подавлять

своё авторское самолюбие и спокойнее переносить и товарищеские, и суровские «раздолбоны». Я даже как-то скалмбурил: «И даже Суров к нам суров». Но это так, ради красного словца, поскольку мои и творческие, и личные отношения с Валерием Петровичем были очень тёплыми, и я ему и Кундышевой, о которой речь впереди, по гроб жизни обязан тем, что мой недолгий околотитературный период жизни имел довольно счастливый исход: мне удалось написать и выпустить в Лениздате книжку прозы. Прямое отношение к этой книжке имели, конечно, оба руководителя ЛИТО. Кундышева как крёстная мать, идейный вдохновитель, а Валерий Петрович способствовал материальной реализации этой, казавшейся безнадёжной для меня идеи. Он сам дал очень похвальную рецензию на книжку, свёл меня в Союзе писателей с нужными людьми, от которых многое зависело в судьбе моей книжки. Впоследствии, уже после выхода в свет книжки в 1989 г., Валерий Петрович усиленно тащил меня с члены Союза писателей и не добился он этого только из-за моей собственной инертности: надо было собрать необходимые документы, подсуетиться кой-где, я же этого не сделал, отчасти из лени, отчасти потому, что уже был захвачен иными делами, и вопрос членства в Союзе писателей перестал для меня быть актуальным. К тому же вскоре и сам Союз писателей приказал долго жить вместе с СССР.

С Валерием Петровичем, как и со всем писательским миром, связь у меня потеряна ещё года три назад, и в этом я почему-то чувствую какую-то свою вину.

Итак, мы регулярно собирались в редакции «Ленинского знамени», ныне «Тосненского вестника», читали, слушали, спорили, философствовали. Порой градус нашего кипения был очень высоким, в результате из нашей творческой бурды выпаривалось нечто стоящее и приемлемое

для публикации, и районка отводила нам часть своей площади. То-то было радости у избранных!

Периодически совершался выход ЛИТО «в люди», т.е. наши выступления в совхозных домах культуры, в ПТУ, в музыкальной школе г. Тосно. Естественно, без нас не обходился ни один праздник тосненской «Книжной осени». Интересны были встречи с собратьями по увлечению, литературными объединениями других районов. Помню замечательные встречи с гатчинским ЛИТО, с Всеволожским. Однажды, в декабре 1980 г. мы были приглашены в Пикалёво на встречу с тамошними поэтами и прозаиками. Правда, все наши туда поехать не смогли, собралась лишь маленькая группа: Суров, Вера Седых и автор сих строк. Встречались в городской библиотеке при самоваре и обильных снедах. Засиделись до поздней ночи, много читали вслух, каждый своё, заветное. Помнится, как радостно мне тогда подумалось: сколь же богата талантами земля наша. Мысль эта, конечно, не первой свежести, но когда чёрте в какой провинции находишь вдруг столько талантливых людей, глубину этой мысли ощущаешь в полной мере.

Ну, разъезды разъездами, встречи встречами, а главный интерес и смысл участия в ЛИТО был всё-таки в

нашем литературном совершенствовании. И оно происходило, это совершенствование. Сколько было случаев, когда к нам приходил человек несомненно одарённый, но дремучий в смысле элементарной литературной грамотности, гениально рифмующий «ботинки-полуботинки», «ушла-пришла», а то и того хуже. Но вот поварится вместе со всеми, наполучает вдоволь дружеских «тумаков», а потом вдруг и блеснёт шедевром.

С мая по октябрь работа ЛИТО прерывалась «каникулами». И, несмотря на то, что в процессе нашего общения в ЛИТО не обходилось без взаимных обид и конфликтов – творческие натуры, как известно, ранимые – после летнего перерыва мы встречались, без преувеличения, как родные. И у каждого за лето что-то накапливалось, что-то написывалось, наперебой всё читалось, одобрялось, раздраковывалось...

Где-то между 1982 г. и 1983 г. В.П. Суров стал работать в «Неве», оказался очень загруженным как там, так и личными литературными делами, потому передал ведение ЛИТО Эмилии Ароновне Кундышевой, тоже молодой в то время ленинградской писательнице, книгам которой ещё предстояло увидеть свет.

Поначалу мы, уже так привыкшие к Сузову и любившие его, были расстроены, но вскоре печаль наша рассеялась, поскольку Кундышева оказалась очень интересным, тонким человеком, глубоко проникающим в психологию души личности и межличностных отношений. Она была большая умница и необыкновенно чутко улавливала в наших творениях те моменты и коллизии, которые и сами-то авторы считали второстепенными, но при анализе Эмилии (так коротко она просила себя называть) как раз оказывались главными и приходилось только разводиться руками: как же я сам этого не заметил и не построил свое-

го произведения или отдельного сюжета вокруг этого стержня.

Кундышева с величайшим удовольствием возилась с нами, да, по всему, и ей это занятие было по душе. Если в Доме писателей происходило что-нибудь интересное – а там это происходило – она обязательно буквально тащила нас туда. Её муж, Виктор, известный художник-плакатист, имел где-то в районе Боровой мастерскую. Мы, ЛИТОВцы, ездили туда, конечно, всем кагалом. Глазели, расспрашивали, пили чай, болтали. Виктор оказался удивительно интересным и, как и все умные люди, очень простым в общении.

Конечно, всё это не могло не отразиться на росте нашей творческой культуры, и в немалой степени благодаря тому наши тосненские поэты и прозаики не были последними на литературных смотринах-конференциях и семинарах, время от времени проходивших в Ленинграде.

К сожалению, в силу своей самостоятельности как личности и внутренней оппозиционности ко всякому официозу и казёнщине, Кундышева у руководства культурой района со временем стала не в чести. В конце 80^х гг. ей за работу с ЛИТО перестали платить и те жалкие деньги, которые покрывали разве что расходы на электричку. Некоторое время она работала с нами, как принято говорить, на общественных началах, но сезон 1989 г. оказался последним в работе того ЛИТО, в котором я имел удовольствие состоять. Паства без пастыря разбрелась по своим углам.

Справедливости ради хочу заметить, что кризис с руководителем ЛИТО был, на мой взгляд, не единственной причиной распада ЛИТО. Как и на все области нашей жизни не могли не повлиять те политико-экономические и социальные катаклизмы, которые и по сей день потрясают общество. Они зацепили, естественно, и сферу творчества,

общественный интерес к литературе упал. Музы всё-таки приумолкают при звуке очередей из Калашникова.

Года три спустя, насколько мне известно, ЛИТО в Тосно вновь образовалось, и дай Бог ему долгих лет...

В этих записках я почти ничего не рассказал о своих товарищах по ЛИТО, людях очень разных и по характерам, и по степени одарённости, но всех без исключения – интересных. Но это тема для отдельного разговора. Так, вскользь, мимоходом, не стоит. Но всех тех, с кем меня объединяло в течение десятилетия братство по ЛИТО, как и само это удивительное явление – ЛИТО – я вспоминаю с любовью и благодарностью.

С 1990 года, работая на земле, от сочинительства я почти отошёл и за все 16 лет крестьянствования, кроме нескольких статей по проблемам фермерства, ничего не писал и не опубликовал.

И вот в 2005-м году опять стали писаться стихи, и я вернулся в ЛИТО «Тосненская сторонка». В 2007-м году, исключительно благодаря хлопотам и заботе обо мне Ни-

коля Борисовича Рачкова, в областном издательстве «Вести» вышла моя книжечка стихов «Круговорот».

Сейчас стихи писать продолжаю. Даст Бог, скоплю их ещё на книжечку. Шесть лет трудился над собственным жизнеописанием.

Что же касается моих других увлечений – это копание в земле и рыбалка. Каждое лето на несколько дней уезжаю на мою милую, золотую мою малую родину в Новгородчину – порыбачить, полюбоваться тамошними неопишимо прекрасными видами, подышать тем целебным для души и тела воздухом.

Две жены

Так в мире повелось с неведомых времён,
И в этом нет греха, и этом нет секрета:
Не менее двух дам, иль, скажем проще – жён –
Всевышний уделил для каждого поэта.

Одна из них, как все, из мяса и костей.
Она – готовить щи, стирать, варить варенья,
Воспитывать детей, делить с тобой постель
И раздражать тебя, порой – до озверенья.
Вторая, дочь Небес, поэту суждена
Не для земных утех и брачного союза,
Она – твоей души и свет, и глубина,
А имя у неё, ты догадался, – Муза.
Когда в глухой ночи она к тебе придёт,
Возрадуйся, поэт, и не кляни бессонье,
И спящую жену не трогай, идиот,
А лучше убери с неё свои ладони.
А Музу до утра, пока звезда горит,
И мучай, и ласкай, и обнимай покрепче.
Она тебе таких стихов наговорит!
Она тебе таких безумных слов нашепчет!

Литературный клуб «Откровение» создан при библиотеке в 1998 году совместно с Госненским районным обществом инвалидов для людей с ограниченными возможностями и пенсионеров. Первым руководителем клуба был И.В. Хитров.

За время существования клуба количество его членов значительно возросло. Сейчас его заседания посещают около 80 человек. Многие годы руководителем клуба была Г.А. Куризова. Среди постоянных участников заседаний клуба «Откровение»: Попова О.Д., Плешкова В.Н., Поречная Л.К., Поречный М.И., Юганова Г.А., Красильникова Г.П., Смолина З.А., Переборова В.И., Петрова Г.А., Петрушова В.М., Тарасова К.С., Грачёва В.Б., Богданова Л.А., Клементьева Л.Ф. и другие.

Всех членов клуба объединяет любовь к книге, искусству, поэзии. На заседаниях клуба используются такие формы библиотечной работы, как беседы о жизни и творчестве писателей, поэтов, деятелей культуры и искусства, обзоры книг по различным темам, обзоры книжных выставок, литературно-музыкальные композиции, громкие чтения, обсуждение прочитанных произведений.

Самые разнообразные темы обсуждались на заседаниях клуба, среди них: «Судьбы, опалённые войной» (ко Дню снятия блокады Ленинграда и освобождению Ленинградской области от немецко-фашистских захватчиков), «День Победы в памяти моей семьи», «Россия – Родина моя» (ко Дню независимости России); «К.П. Брюллов. Жизнь и творчество», «Умелые руки не знают скуки» (праздник, посвящённый Дню матери), «Золотой возраст» (День пожилого человека), «Тосно – ямская слобода», «О здоровье в шутку и всерьёз», «Мир Тукая» (к 125-летию со дня рождения татарского поэта, совместно с татарским обществом «Изге юл»), «Мир моего детства» (встреча с художником О.Н. Обносовым), «Достоевский в смене эпох и поколений» (презентация книжной выставки к 190-летию со дня рождения писателя, подготовленная работниками Ленинградской областной универсальной научной библиотеки), «Ингерманландии чистый звук» (встреча с краеведом из г. Ломоносова Ульяновским К.Б.), «Сокровища палеолита» (о настенных рисунках ка-

менного века Каповой пещеры на Южном Урале рассказал член русского географического общества Минников О.А.). К памятным датам поэтов, писателей, деятелей искусства в клубе проходят литературно-музыкальные композиции.

Популярностью пользуются выступления музыкальной студии «Классика». Руководит студией солист А.В. Крючков, концертмейстер Г.В. Богданов.

Многолетняя дружба связывает членов клуба и с автором-исполнителем гитаристом А.П. Шустовым.

Девять лет в библиотеке работает лекторий Санкт-Петербургского общества «Зов к культуре» им. Н.К. Рериха, руководит которым Турыгина И.Е. Среди лекторов – врачи, педагоги, научные сотрудники. Члены клуба являются постоянными участниками заседаний общества. Слушателям лектория предлагаются беседы по различным темам: «А.А. Блок о красоте», «Творчество М. Метерлинка и его содружество с Н. Рерихом», «Л.Н. Толстой о мысли и мышлении», «Опера Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка», множество лекций посвящено жизни, творчеству и философии семьи Рерихов.

Литературный клуб «Откровение» сотрудничает с общественными организациями города Тосно, в том числе с Советом ветеранов, районным обществом инвалидов, Союзом женщин.

Яркую страницу в историю клуба вписало участие в Программе по развитию активности людей старшего поколения «Следующий шаг», которую библиотека осуществила при финансовой поддержке благотворительного фонда «Ладога». В ходе этой программы многие члены клуба закончили компьютерные курсы и теперь закрепляют свои знания, работая на компьютерах, приобретённых библиотекой, благодаря этой программе.

Спроге Н.Н., методист методико-библиографического отдела.

Содержание

Зиновьева Галина Ивановна	2
Предисловие	2
Ковалевская Наталья Петровна	4
«Учиться никогда не поздно»	4
Тосненцы об участии в проекте	9
Волков Иван Степанович	16
Экзамен	17
Ильина Инна Тимофеевна	24
Детство	26
Родители	48
Школьные годы	75
Первая работа	103
Дом культуры в нашей жизни	118
Киселёва Татьяна Фёдоровна	130
Шапки в моей судьбе	131
Красильникова Галина Павловна	158
Что вспомнилось... ..	158
Петрова Галина Алексеевна	168
Это было в жизни моей	168
Седых Вера Алексеевна	185
В Георгиевском доме ребёнка	185
Титова Кира Николаевна	190
Так звени, наша песня вольная	191
О зарождении хорового пения в селе Тосно	191
Синашкина Нелли Альфредовна - организатор Хора ветера- нов труда и песни, почётный гражданин города Тосно	194
Сенчурова Нина Исаевна – руководитель хора с 2002 по 2006 год	200
Работа хора под руководством Карины Олеговны Мякиш с 2006 и по настоящее время	205
Об участниках хора	210
Трофимова Ксения Алексеевна	214
«Живут в душе воспоминания...»	214
Чистяков Геннадий Алексеевич	222
«Тосненская сторонка» в 1980-х	222
Спроге Нелли Николаевна	233
Литературный клуб «Откровение»	233

Редактор книги Р.В. Тихомирова и координатор программы Н.Н. Спроге просматривают материалы Г.П. Красильниковой

В.М. Петрушова и В.Б. Грачёва набирают текст будущей книги. Они обучались на компьютерных курсах